

~МЕЛЬПОМЕНА~

АЛЕКСАНДР ДЕВЯТОВ

18+

Александр Девятков

Мельпомена

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69692278

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга рассказывает о жизни молодого и талантливого французского писателя Филиппа Лавуана, который оказывается перед весьма сложным испытанием. Ему поручают написать романтическую пьесу о любви для известного театра, но есть одна проблема – Филипп никогда не испытывал этого всепоглощающего чувства, которое так легко описывать другим, но так сложно понять самому. Пекло сомнений и внутренних демонов охватывает его, когда он пытается осмыслить и изобразить одно из самых сильных и прекрасных чувств в мире. Это история самопознания писателя через творчество, борьбу с собственными демонами и поиск истинного вдохновения.

Содержание

~ I ~	5
~ II ~	41
~ III ~	76
~ IV ~	111
~ V ~	146
~ VI ~	180
~ VII ~	215
~ VIII ~	250
~ IX ~	286
~ X ~	322

Александр Девятов
Мельпомена

У тебя точно ничего не выйдет. Голос из темноты не давал покоя.

– Оставь меня.

Две твоих последних пьесы провалились. Из темноты появился свет, отражающийся от постепенно открывающихся глаз чудовища.

– Не так все плохо. Напишу что-нибудь гениальное. В этот раз точно смогу.

Ты сам-то в это веришь? Чудовище раскрыло свою большую пасть, обнажив острые клыки. *Ты это говоришь всю свою жизнь, родной...*

– Отстань, я не желаю это выслушивать.

Любовная история? Тебе заказали любовную историю. Чудовище показалось из тени. В свете луны, пробивающимся сквозь старые шторы в комнату, виднелась гигантская паучиха. Своей тушей она заполонила все помещение так, что порой было непонятно, где заканчивается ее лапа и начинается тьма комнаты. *Ты даже не любил никогда...*

– Ложь. Я любил.

И долго ты будешь заниматься самообманом, родной? Своих-то актеришек ты может и способен обмануть, но я... Я дело другое. Ее голос не был похож на голос

монстра или ночного кошмара, как можно было подумать. Наоборот, он был порой даже сладок и весьма приятен.

– Мне просто нужен толчок.

Ты прав, твоим произведениям дорога прямо в ватерклозет. Паучиха расхохоталась. Писклявый смех эхом разнесся по комнате, отвратительно звеня в голове молодого человека, прижавшего к ушам подушку, дабы хоть немного заглушить невыносимый звон.

– Сколько можно?! Я сказал **заткнись!!!**

Раздался стук в дверь. Филипп встал со старой кровати и, не включая света, направился в сторону звука. Кое-как нащупав ручку, которая будто нарочно пыталась спрятаться от бедолаги во мраке комнаты, мужчина повернул ее. Та не поддалась. Вспомнив, что он, по своему обыкновению, запер дверь, Филипп покрутил висящий в замке ключ. Дернул ручку еще раз. Результат тот же. Да, в паранойе он закрыл дверь на три оборота, хоть и знал, что эта его осторожность в данном конкретном случае абсолютно бесполезна и даже, как наглядно показал этот пример, пагубна. Он провернул ключ еще раз. Дверь послушно открылась, но лишь на несколько сантиметров, ведь ей помешала старая цепочка. Опять паранойя. Филипп вздохнул.

– Не могли бы Вы по-человечески открыть дверь, мсье? – прозвучал старческий голос в коридоре.

Да, сейчас. Подумал Филипп, но не проронил ни слова, лишь впопыхах стал снимать цепочку. Спросонья получи-

лось не сразу, но он справился.

– Вы опять слишком громко кричите, мсье Лавуан, – перед Филиппом образовался едва различимый из-за ослепившего глаза света керосиновой лампы силуэт хозяйки комнаты. Она пристально смотрела на него своими маленькими крысиными глазками, видневшимися из-под круглых очков. – Опять своих дружков привели? – она попыталась заглянуть через плечо Филиппа, но разница в росте не позволяла ей этого сделать.

Лавуан не сразу понял, чего она добивается, но последовал ее примеру, повернувшись и пытаясь разглядеть что же у него такого интересного за спиной происходит. Комната, естественно, была пуста. Ветер гонял туда-сюда тюль, который пытался вырваться из маленькой и душной комнаты, на столе в такт самим себе шли часы, а старое одеяло, доставшееся Филиппу от прошлых жителей, и вовсе скомкалось, будто ненавидя само себя.

– Здесь никого, – пожал плечами мужчина.

– Надеюсь, Вам не нужно напоминать правила, мсье Лавуан? – не унималась женщина. – Мало того, что постоянно задерживайте квартплату, так еще и своих добропорядочных соседей пугаете своими выходками.

– Прошу прощения, мадам Бош – с сожалением вздохнув, ответил Филипп. – Я не помню, как кричал. Наверное, это был дурной сон.

Ругаться в такой ситуации Лавуан не стал. Даже беря в

расчет его скверный нрав, его вечное недовольство жизнью, он прекрасно понимал, что задолжал этой женщине, которую он, к слову, презирал до глубины души за ее излишнюю тягу все контролировать и всюду совать свой длинный нос, солидную сумму, отдать которую ни сейчас ночью, ни завтра утром был бы не в состоянии.

– Надеюсь, этого больше не повторится, – женщина подобрала свою белую сорочку, которая, надо сказать, была ей чересчур велика, чтобы та не волоклась по полу. – И Ваших друзей я сюда больше не пущу, помяните мое слово...

Свет лампы, которую мадам Бош держала в своих морщинистых тонких ручках, постепенно поглощался окружающей тьмой. Проводив ее взглядом, Филипп вернулся в свою комнату и поспешил закрыться. Разумеется, точно также: на три поворота и цепочку. Так ему было спокойнее. Он включил свет лампы, стоящей на столе, и сел на дешевый стул. Завидев перед собой пишущую машинку, совсем новую, подаренную ему от имени театра, Лавуан глубоко вздохнул, затем поводил пальцами по чистым, нетронутым кнопкам и, убрав руку, будто его пальцы коснулись чего-то очень горячего, рухнул головой на стол с известным грохотом.

Пролежав в таком состоянии пару минут, Филипп резким движением откинул назад голову так, что вся его комната оказалась с ног на голову перевернута. *И за это я плачу деньги.* И вправду, комната едва ли соответствовала эго владельца. Слишком она была тесна для его «великих» дум.

Дай-ка угадаю, творческий кризис? Раздался сладкий ГОЛОС.

Лавуан медленно перевел свои черные глаза влево и увидел знакомую паучиху. Она имела мало общего с тем ночным ужасом, что терзал его совсем недавно. Теперь она выглядела, или правильней было бы сказать, пыталась выглядеть как современная французская девушка, лет этак двадцати, в красивом красном платье и вплетенными в свои черные ворсинки красными бутонами роз. Вот только это все еще был гадкий паук. *Как ни маскируйся, свою натуру тебе не скрыть.*

Мне нет смысла от тебя ничего скрывать, родной. Не переводи стрелки, будь так добр... Существо едва заметно улыбнулось, легким движением запрыгнуло на мятый матрац и сложило свои тонкие черные ножки, свесив их с невысокой кровати. *Этот кризис у тебя не в первый раз, милый.* Паучиха медленно спустилась с кровати и стала делать вид, что приплясывает по комнате. Казалось, что этой особе совсем не сидится на месте. *Тебе из него не выйти, ты же знаешь.*

– Мне просто нужно вдохновенье, – парировал Филипп.

Да, да, да... Паучиха аккомпанировала себе рукой. *Ты уже это говорил... Помнишь ту пьесу про французскую революцию?* Существо улыбнулось.

– Не напоминай, – мужчина закатил глаза.

Ну как же, милый мой, как же не напоминай? Спутни-

да бесшумно подошла и обхватила голову француза своими волосатыми лапками. *Кто же тебе напомнит если не я? Я ведь забочусь о тебе. Мне грустно смотреть на твои страдания. Я пытаюсь тебя от них уберечь...*

– Страдания – это путь к успеху, – сказал уверенно Лавуан, хотя сам едва ли верил в собственные слова. Скорее эта фраза, навеянная скверными писаками, коих развелось нынче, по мнению самого Филиппа, преступно много, просто гуляла по его черепной коробке.

Так говорят лишь бесталанные слабаки. Паучиха отпустила голову возлюбленного может по своей воле, а может оттого, что писатель стал едва заметно вырываться, и продолжила плясать под одной ей слышную музыку. *Я слышала эти фразы от мужланов в доках, от проституток, от прочего сброда...*

Филипп раскрыл уставшие глаза и сел на стул по-человечески. *Она права. У меня явный талант к писательству. Мои пьесы гениальны. Если бы мне удалось закончить хотя бы одну... Все бы увидели мою гениальность!*

Вот-вот. Вторила ему верная подружка. *А то стал говорить прямо как эти неумехи. У тебя явный талант. Только вот тебе не везет. И ты слишком ленив...*

– Просто мое время еще не пришло, – Лавуан встал и подошел к окну. – Я жду своего вдохновенья.

Там только нищие да облезлые коты... Нечего в окна тарашится. Паучиха говорила, не прерывая своего танца.

Будто разговаривала с призраком, который только и делает, что изо дня в день мешает ей существовать.

Как ни скорбно признавать, эта волосатая зараза права. За окном не было совсем ничего вдохновляющего: пара пьяных бродяг, держащихся друг за дружку в надежде не упасть лицом на пыльную дорогу, две кошки, яростно сражающихся за отбросы, оставленные возле ресторана, что расквартирован по соседству, да сосед напротив, чья бессонница, из-за вечно включенной керосиновой лампы, бесила Филиппа больше собственной.

– Не учи меня! Готовая пьеса может быть спрятана на самом видном месте, стоит лишь протянуть руку, как текст сам появится у меня в голове, – Филипп протер глаза. – Что ты можешь знать о творчестве?

Что я могу знать? Собеседница на секунду исчезла из поля зрения, заставив Лавуана забеспокоиться, и сразу же появилась буквально перед лицом француза. ***Я все это время писала вместе с тобой!***

От такого внезапного появления Филипп опешил и врезался поясницей в подоконник. Спустя пару секунд, когда его дыхание восстановилось, он, сделав вид, что естественно ни капли не испугался, отправился обратно в постель, машинально погасив светильник. Его взгляд остановился на накрытой тканью клетке, в которой мирно спала купленная на местном рынке канарейка. Он купил ее, чтобы та скрасила его досуг, но как выяснилось, птица своим пением лишь

раздражала Лавуана, мешая сконцентрироваться на работе. Сам себя француз убеждал, что компания животных ему куда ближе людского общества, но, лишь приютив первого питомца, понял, что ни с чем живым, даже с каким-то подаренным растением, что уже давно завяло у него на подоконнике, а уж тем более с милой пташкой, у него не может быть будущего.

У тебя ничего не получится...

– Не сегодня, меланхолия, – остановил паучиху Лавуан. – Сегодня я все еще полон решимости. Завтра я начну поиск своего вдохновения.

Завтра наступило весьма быстро. Обычно Филиппу было необходимо около двух часов чтобы уснуть. Бесконечно ворочаясь, он думал в такие моменты обо всем на свете и, дай бог, в эту ночь не придет меланхолия и не станет пожирать его остатки уверенности в себе. Утро выдалось солнечным, хотя наш герой терпеть не мог солнце. Он, северянин до мозга костей, переехал на юг Франции из Кале в поисках новых ощущений, в поисках нового «я», так как старое перестало его удовлетворять. Он надеялся, что, сбегав от проблем, накопившихся в его делах, он сможет начать здесь жизнь с чистого листа. Но он не учел тот факт, что в это путешествие он все равно взял самого себя, а стало быть, проблемы никуда не исчезли. Вот только к ним еще прибавилось летнее южное солнце.

Филипп встал с кровати и медленно побрел в сторону ван-

ной. Она была общей, но очереди сегодня не было. *Хороший знак.* Надо отметить, что Лавуан был человеком весьма суеверным. Его суеверие не заканчивалось на глупостях вроде черной кошки или разбившегося стекла. Он верил и в магию чисел, и в предзнаменования, которые интерпретировал сам и в удобном ему ключе. Не подумайте, что у него была система. Даже если Филипп и пытался как-то рационально обосновать эту свою черту характера, его потуги можно смело назвать жалкими, ведь даже он сам не знал в чем же заключается его «система». Он закрыл скрипучую дверь в ванную. Дверь скрипела потому, что многие жильцы имели обыкновение хлопать ею, резко открывать и закрывать, чем раздражали писателя, а вот смазать петли никому в голову не пришло.

Француз уставился на свое отражение в зеркале. Оно его всегда отталкивало. Лавуана нельзя назвать некрасивым. Более того, многие дамы указывали на изящность и аристократичность его лица, но он пропускал это мимо ушей, ссылаясь на обычную человеческую лесть. Он видел в себе невероятную худобу. Она его удручала, но он решительно ничего с ней не делал. Он попытался пригладить свои неряшливые черные волосы, но они были непослушней маленьких детей и такие же своевольные. Синяки под глазами с каждым днем становились все больше. *Боже мой.* Много раз его спрашивали, как он спит, и каждый раз в ответ Филипп лишь говорил, что хорошо, а синяки – это ни что иное, как физио-

логическая особенность его организма. Разумеется, это была ложь, но с ней было проще жить. По своему обыкновению, француз, смочив руки холодной водой, зачесал свои уже слегка отпущенные черные волосы назад. Он всегда так делал, отдавая результат того, что станется с его прической на волю случая. Иногда они оставались приложенными весьма долго, но чаще всего с течением времени волосы начинали торчать в разные стороны, придавая и без того не лучшим образом ухоженному герою еще более неряшливый вид. Умывшись и побрившись, герой вернулся в свою комнату.

Канарейка во всю пела несмотря на то, что все еще была накрыта тканью. Солнечные лучи попали на клетку, и она видимо поняла, что уже день и можно доставлять всем окружающим удовольствие своим мелодичным голоском. Лавуан проснулся слишком уставшим, чтобы разделить эту радость с птицей, потому молча стянул покрывало с клетки и направился одеваться. Одежда хранилась в сундуке подле кровати. Ее было немного. Многие вещи, например, парадный костюм, который был подарен отцом Филиппа на первую премьеру его пьесы, были проданы в одни из голодных дней. Осталось лишь самое необходимое: пара рубашек, пара брюк, носки и старая бордовая жилетка. Одевшись и обув старые, уже истертые и дырявые в одном месте, башмаки, он взял дешевую тканую сумку, закинул в нее пишущую машинку, кипу листов и пулей вылетел из квартиры. Потом, естественно, вернулся, чтобы проверить закрыл ли он дверь

и, когда его душенька успокоилась, спустился вниз.

– Мсье Лавуан, – как назло, мадам Бош находилась на нижнем этаже прямо возле выхода. – Вы сегодня собирались оплачивать проживание? – она поправила очки, ожидая положительного ответа.

Кошмар, заставляешь бедную пожилую женщину буквально клянуть деньги, которые ты и так обязан платить. Голос паучихи всегда раздавался где-то рядом, но благо при дневном свете ее сила была весьма ограничена, и она не так надоедала французу.

– Доброе утро, мадам Бош, – Филипп неплохо начал. – Мне со дня на день должны заплатить за новую пьесу.

Это была ложь. Наглая ложь. Француз истратил все деньги буквально вчера, пытаясь выиграть в рулетке. Удача, будучи той еще вертихвосткой, отвернулась от него, но Лавуан и не надеялся схватить ее за хвост так как прекрасно знал, что с дамами, а удача безусловно дама, у него никогда не ладилось.

– О чем пьеса, если не секрет? – мадам Бош пыталась быть тактичной, хотя по выражению ее лица было очевидно, что отмашка насчет скорой оплаты ее совсем не устроила, а ответ на представленный выше вопрос был мало ей интересен.

– История любви, – неохотно ответил Филипп, попытавшись обозначить еще ненаписанную пьесу так широко, как это только возможно.

Первая правда за утро. Молодому писателю заказали написать пьесу, которая бы ориентировалась прежде всего на

дам, в основе которой была бы любовная линия, доступная и понятная широкой публике. Эта новость его не обрадовала, ему нравились монументальные труды о великих свершениях, великих личностях, истории с богатым миром и множеством главных героев, за плечами которых можно было увидеть силуэты собственных, не менее интересных историй.

– Не думаю, что схожу на такое, уж извините, – мадам Бош начала уходить, понимая, что ни денег, ни интересного диалога она сегодня не получит. – Очередная постановка для молоденьких дур, ждущих своего принца. Слишком я стара для этого.

Уговаривать старуху Филипп не стал, да и не в его это интересах. Он лишь однажды видел ее в театре, но по выражению ее лица не представлялось возможным понять нравится ей пьеса или нет, уж больно черствой оказалась старуха. Лавуана такие люди раздражали. Может, потому что он сам был таким. Ему катастрофически не хватало экспрессии в жизни, не хватало заряда энергии, потому он искал его в других людях и, если человек не мог зарядить Филиппа своей энергией, тот от него избавлялся, буквально выбрасывая такого человека из своей жизни.

Плана на день у писателя не было, потому он просто решил прогуляться до центра в надежде, что по дороге ему подвернется хоть что-то вдохновляющее. Узкие улочки сменяли одна другую, периодически вливаясь в светлые площади, на которых кипела жизнь. На одном из таких пространств

распластался рынок. Для изголодавшегося Лавуана такое место стало сущим адом. Вся эта вакханалия запахов мяса, рыбы, овощей и фруктов, смешиваясь воедино, врезалась прямо в нос истощенному французу. Ему поплохело, он схватился за голову. Вдруг он увидел стаю, а никаким другим словом их не назвать, детишек, которые толпой подошли к прилавку с фруктами. *Мой шанс.* За несколько метров до цели, беспризорники ускорились, перейдя на бег, и, сбив продавца с ног, принялись обворовывать его прилавок. Мужчина с криком поднялся, и начал было гнаться за детворой, но пузо, как следствие неплохой сытной жизни, не дало ему ни единого шанса настигнуть цель. Под весь этот шум, Филипп умудрился засунуть в свою сумку два яблока и, поспешив удалиться с места преступления, быстрым шагом побрел в сторону порта.

Сам порт, со всей его грязью, бесконечной руганью докеров, запахом рыбы, которую Лавуан на дух не переносил, разумеется, не мог послужить источником вдохновенья. Но стоило отойти от всей этой суматохи чуть подальше, подняться по средневековой лесенке к небольшому двору местных домов, где открывался потрясающий вид на море и прибывающие суда, как любому писателю становилось ясно: да, здесь можно и нужно творить.

Филипп достал из сумки печатную машинку, вставил девственно-белый лист бумаги и начал думать над своим произведением. Здесь, возле моря, на фоне всех этих стоящих

на якорях кораблей, на ум приходили пьесы о Трафальгарском сражении, о выдающийся истории Горацио Нельсона, о нелепой его смерти. *Может написать историю о его романе с леди Гамильтон? Нет, такие истории я писать не умею... Неуважение к браку, пускай и найдет отклик в сердцах нашего бездуховного времени, но у меня на такое сил не хватит.* Филипп был человеком консервативным. Пускай французы уже сто лет как отказались от короля, да и от бога, для молодого Лавуана эти слова не были пустым звуком. Он все также верил в святость брака, все также верил в неизблемость церкви, пусть и по-своему. Его едва ли можно назвать образцовым католиком. На службах он бывал редко, да и то лишь из-за своей большой любви к органной музыке. Филипп, выросший в поистине католической семье, прекрасно знал, что его за такое попустительство в сторону веры, ждет ад. Но он считал это своим выбором, своеобразной жертвой ради искусства. Такие мысли его ободряли, а порой даже воодушевляли на написание пьес, посвященных людям творческим, борющимся не только с несправедливой системой, но вместе с тем и с серой обыденностью.

Ничего не пишется. В ход пошло сворованное яблоко. С голоду оно казалось просто невероятно сочным и вкусным.

– Поделишься?

Голос раздался из-за спины. Лавуан задрал голову. Перед ним, вернее за ним, стояла красивая молодая блондинка. Филиппу всегда нравились ее волосы. Подол ненового,

но очень хорошо сохранившегося кораллового платья развивался на поднявшемся из-за близкого расположения к морю ветру.

– Вышла прогуляться? – Филипп знал ответ, но посчитал, что лучше уточнить.

Девушка, легким движением приземлилась на пустовавшее рядом с собеседником место. Она ненавязчиво осмотрела своего знакомого, пытаясь оценить его физическое и моральное состояние.

– Опять мало спишь? – голос девушки был весьма обычным. Лавуан всегда удивлялся этому, ведь в театре, где, к слову, работала девушка, таких простых голосов не найти. Обычно там ошивались люди с выдающимися данными, будь то внешность, голос, манера держаться на сцене и прочее.

– Вроде приличная девушка, а отвечает вопросом на вопрос, – француза это нисколько не смущало, но будучи человеком вредным, как он сам считал, он не мог не попытаться поддеть молодую особу своим язвительным замечанием.

– Отвечай или дам затрещину, – девушка не шутила. За внешним спокойствием и миловидным личиком скрывалась весьма взрывная натура. Даже Филиппу иногда доставалось, причем совсем не в шутку.

– Сплю как обычно, – отмахнулся Лавуан.

– То есть не спишь.

Она читает тебя как открытую книгу.

Мелиса Дюбуа, а именно так звали блондинку, очень хо-

рошо знала Филиппа. Они были знакомы еще с беззаботного детства в Кале, где вместе росли, учились, развивались. Она была его другом, с которым Лавуан даже ухитрился однажды разделить постель, но дальше одной ночи их отношения не зашли. Тем не менее, Дюбуа была единственной девушкой, с которой он не оборвал теплых отношений, несмотря на то что спал с ней. Может это из-за их совместимости, которая безусловно присутствовала, несмотря на всю противоположность характеров.

– Ты и сама выглядишь не очень, – отметил Лавуан усталый вид Мелисы.

– Не переводи стрелки, – рассердилась девушка. – Рассказывай.

– Много думаю о работе, – писатель достал из сумки второе яблоко и протянул собеседнице. Та спокойно взяла его, надкусила, немного сморщилась от внезапной кислоты и, хоть и не сказала слов благодарности, была рада тому, что начала свое утро со свежего фрукта.

– Уже придумал, о чем писать будешь?

– Нет, но чувствую, что вот-вот нащупаю идею... – волосы Филиппа, из-за сильного ветра, обычного для прибрежных районов явления, взъерошились и стали выглядеть очень неухоженно.

– Надо бы поторопиться, – девушка говорила это с ноткой отстраненности, будто не ей потом придется притворять в жизнь одного из персонажей пьесы.

Скоро уже ставить будут, а у тебя конь не валялся. Посмотри на пустые листы и задайся вопросом – такой ли ты гениальный, если не можешь осилить простецкую постановку для малолетних дур?

– Тема мне не близка, – в очередной раз отговаривался Филипп.

Лавуан всегда себе говорил, что любил лишь однажды, давно в детстве. И, несмотря на то что он ухаживал за многими девушками, никогда не говорил им слово «люблю», заменяя его на более отстраненное «увлечен». Именно поэтому длительные отношения для француза были попросту невозможны. В какой-то момент он зарекся, что не станет больше вестись на поводу у красоты дам, а останется лишь рабом творчества, но никак не какой-нибудь особы.

– Ну да, – закивала блондинка. – Любовь и ты находитесь где-то на разных полюсах. Хотя ты можешь рассказать им про Мишель... Ну не все детали, разумеется, но в качестве основы... Почему нет?

Роман с Мишель никак нельзя брать. Отношения с бедной дочкой пекаря были для Лавуана некой отдушиной. Она была простой и незатейливой, мало читала, еще меньше писала. Но была веселой и тем самым служила Филиппу своеобразным двигателем, который давал ему сил на написание пьес. Разумеется, все закончилось плачевно: влюбленные весьма быстро поняли, что поговорить то им особо и не о чем. Филипп любил вычурные истории, главными героями которых

обычно были великие личности, о которых Мишель в большинстве своем даже и не слышала, а девушка говорила о более приземленных вещах: о ценах на продукты, о соседке, изменявшей мужу, о ветеране, упавшем с лестницы и прочей ерунде. Не сложно догадаться, что такие отношения никуда кроме тупика приехать не могли, хотя поначалу общество Мишель было французаму мило и давало стимул к существованию, особенно учитывая обстоятельства их знакомства. В те времена, а это было буквально год тому назад, на Лавуана напала сильная хандра – бывало писатель днями напролет лежал на кровати ничего не делая, а уж квартиру свою мог не покидать месяцами. На этом фоне жизнерадостная Мишель, которую он увидел, когда покупал себе хлеб на завтрак, была просто подарком судьбы. *Жаль, что ты способен лишь разрушать. Даже бедную девушку оставил в полном одиночестве.*

– Пойдешь со мной в театр? – голос Мелиссы звучал все также отстраненно.

На Филиппа внезапно накатила грусть. Услышав холодный голос Дюбуа, он вдруг вспомнил дни, когда она была полна энергии и желания жить. Ему не хватает той девушки, которая могла остро пошутить, а потом резко дать затрепину за то, что ты посчитал эту шутку несмешной. Лавуан, уставившись в пол, вдруг улыбнулся от нахлынувших воспоминаний.

– Ладно, сама дойду, – поддержала улыбкой Мелиса. –

Ищи свое вдохновение.

Дюбуа исчезла так же внезапно, как и появилась. Когда она таким же образом упорхнула из Кале со своим возлюбленным, Лавуан был очень раздражен и даже считал ее предательницей, хоть и сам не мог сказать почему, ведь серьезных отношений Филипп и Мелиса никогда не имели, да и не хотели иметь. Раздражительность ушла лишь после того, как Лавуан узнал о смерти новорожденного ребенка своей подруги. Тогда гнев перешел в искреннюю жалость. Дюбуа так и не сумела, как казалось французу, оправиться после смерти любимого ребенка. Несмотря на все желание Филиппа помочь ей, он этого сделать никак не мог. Господь наградил Лавуана возможностью видеть людей насквозь, узнавать их по едва заметному выражению эмоций, но, увы, красноречия французу не хватало, потому он всю свою жизнь был вынужден лишь лицезреть разложение своих знакомых, не имея ни малейшей возможности их спасти.

Нечего ворошить прошлое.

Филипп отвел глаза от отплывающего военного броненосца, которого до этого момента в гавани совсем не замечал. *До чего рассеянный стал.* Писатель завертел головой, в надежде поймать уплывающий вдаль силуэт Мелисы, но вместо этого увидел нечто другое. Девушку.

На уровне ниже, куда можно было легко добраться по мощенной лестнице, находились шахматные столы. Обычно к вечеру тут уже собиралась весьма большая толпа, желавшая

продемонстрировать свои познания в этой игре. Шахматы Лавуана никогда сильно не привлекали. В детстве отец пытался приучить его к этому, но побоюсь этого слова, спорту, так что Филипп прекрасно знал, как ходят фигуры, даже выучил пару дебютов, но из-за своей природной невнимательности и рассеянности не смог стать хорошим игроком. Впрочем, сей факт нисколько не мешал ему наслаждаться шахматами в качестве зрителя, пусть и не всегда, лишь когда было нужное расположение духа.

За одним из столов в гордом одиночестве сидела девушка лет двадцати пяти с черными, ниспадающими вниз как водопад волосами, вьющиеся концы которых были похожи на морскую пену, и темно-бордовом платье, с бархатным черным воротником, правильно подчеркивающим ее прическу. Она сидела перед разложенными шахматами, в ожидании человека, который сделает первый ход за белых и начнет с ней интеллектуальную битву.

Филипп колебался. Пусть он и показал мадемуазель Дюбуа всем своим видом, что в театр ему идти совсем не хочется, это надо было сделать. По крайней мере, хотя бы попробовать оправдаться за срыв сроков. Но француза тянуло за шахматный стол. А он привык прислушиваться к своей интуиции.

Не здороваясь с дамой, и даже не успев сесть, Филипп ходит e4.

– Доброе утро, – тонкие пальцы девушки взяли пешку и

поставили на е5.

– И правда, не самое плохое, – натянул улыбку Лавуан. Он поставил белопольного слона на д3, чтобы защитить пешку.

Ее слон пошел на ц5, в ответ конь двинулся на г3, нападая на пешку, девушка защитила ее ходом дб, француз сделал рокировку, и началась настоящая игра. Белые выигрывали развитие, это понимал даже такой профан как наш герой. Но дальше игра достаточно быстро перевернулась и весы качнулись в сторону девушки. Из-за своей указанной нами выше невнимательности и нерешительности, Лавуан сначала потерял пешку, затем стал отступать не хотя идти в размен и жалея свои фигуры, но решающим фактором проигрыша, как он сам считал, была вилка с шахом, в которую он попал.

– Я позаимствую ладью? – спросила девушка ровным голосом.

– Боюсь у меня нет выбора, – Филипп снова натянул улыбку, но в ней отчетливо читалось раздражение к ситуации. Лавуан не умел проигрывать.

Писатель проиграл достаточно быстро. Эндшпиль для него всегда был кошмаром. Мало того, что нужно быть невероятно внимательным, просчитывая ходы на два – три шага вперед, еще и нужно это делать на высокой скорости, ведь чаще всего на улицах города практиковался блиц, где не очень-то приветствуется подолгу думать над ходом. В итоге ему был поставлен мат.

– Вы хорошо играли, – подытожила девушка. – Мелани

Марсо, – она протянула руку.

Какое красивое имя. Жаль, что не Эдит, тогда бы она идеально подходила под ту самую Эрато, что я ищу.

Писатель, будучи натурой творческой, помимо всяких глупых суеверий, еще был и любитель подбирать под ту или иную идею правильные цифры, имена, названия и прочую ерундистику. Когда ему сказали, что предстоит работа над любовным романом, он принялся искать свою музу непременно на букву «Э», ведь всем образованным, и не только, людям известно, что именно Эрато является музой любви, и кто как ни она должна дать ему вдохновение для написания романа.

– Филипп Лавуан, – француз поцеловал руку. *Рука пианиста.* Длинные тонкие грациозные пальцы и общая худоба, делали девушку очень красивой. – Вы пианистка?

Девушка немного свела свои тонкие черные брови вместе так, что ее светло-карие глаза выдали взгляд истинного хищника, какой-нибудь рыси или американской пумы.

– Вовсе нет, – Мелани отвела взгляд.

Тема ее расстроила, это было сразу видно. Скорее всего ее заставляли заниматься музыкой вопреки ее желанию. Не став развивать разговор в этом ключе, дабы не расстроить приятную собеседницу, Филипп предложил:

– Еще партию?

Мадемуазель Марсо, а она была незамужней, ведь писатель, даже при всей своей невнимательности обнаружил от-

существование обручального кольца на пальце, сразу изменилась в лице и принялась расставлять фигуры. В этой партии Лавуану также не удалось продемонстрировать свои феноменальные навыки игры, по причине отсутствия оных. Но теперь Филипп просто наслаждался игрой, не пытаясь прыгнуть выше головы. Фигуры оживали на поле битвы, в голове писателя были четкие образы того побоища, которое устроили два монарха в надежде на победу. *Почему я раньше этого не замечал? Почему раньше мне шахматы казались скучнейшей игрой на земле?*

Как бы ни восхищался Филипп процессом, результата он не достиг ни в этой партии, ни в последующих трех. Но, пожалуй, впервые в жизни Лавуан не убивался из-за поражения, а даже наоборот, игра его ободрила, хотя саму причину этого он найти никак не мог.

– Не расстраивайтесь, – начала утешать его Мелани. – Вы неплохо играете. Вам просто нужно больше практики.

Больше практики... Филипп слышал эту фразу, пожалуй, все свое детство. Она его, мягко говоря, раздражала. Из-за нее он постоянно находился в статусе «нераскрывшегося гения». Потенциал в целом есть, но нужно больше практики. *Когда я уже стану состоявшимся гением?*

– Все хорошо, – поспешил оправдаться писатель. – Было очевидно, что если девушка сидит одна подле шахматного стола в ожидании противника, то она искусный игрок, до которого мне, увы, еще очень далеко. Я этот факт спокойно

принимаю и не беру на свой счет. Даже наоборот, я восхищен Вашим уровнем игры и хотел бы сказать, что Вы достойны играть на больших турнирах! Почему я Вас там раньше не наблюдал?

Турниры по шахматам в городе были явлением весьма регулярным. Проводились даже сезонные чемпионаты. Летний чемпионат так и вовсе всегда был богат на высоких мастеров, ведь сюда, на юг Франции, любили съезжаться игроки со всех уголков матушки Европы, чтобы погреть свои кости. Сам Филипп был частым гостем на таких мероприятиях. Пусть он сам и не был большим любителем почесать языком, само созерцание иностранцев, их рассказы о жизни в других странах, служили писателю отличным подспорьем для написания глубоких пьес. Его персонажи уже не были карикатурными иностранцами и пускай в отдельных моментах Филипп и позволял себе некоторые вольности, того фарса, который происходил в пьесах других писателей, не было.

– Большинство шахматистов не садятся играть с женщиной, – голос мадемуазель Марсо резко поник. Не от того, что, как сказали бы эмансипированные девушки, «ее права были нарушены», а от упущенной возможности поиграть с настоящими мастерами своего дела.

А это хорошая идея... В голове Филиппа сразу же созрел грандиозный план написания пьесы. *И про любовь, и на злобу дня. История Жанны Д'Арк, поданная как любовный рыцарский роман...* Мадемуазель Марсо кажется погрузилась

в свои мысли и не увидела на лице Лавуана подлинного энтузиазма, вызванного озвученным, казалось бы, невероятно грустным фактом. В его голове уже складывалась история. Бой шахматных фигур на ратном поле и факт отвергнутой девушки, которая не может быть рыцарем, хотя является сильнейшим бойцом в государстве – вот та история, с которой Лавуан может покорить театр не только в этом захолустье, но и во всем мире.

– Не желаете ли прогуляться со мной до театра? – как бы невзначай предложил Филипп не только, чтобы перевести разговор в более благоприятное для девушки русло, но и чтобы провести с таинственной незнакомкой еще хотя бы немного времени.

– Я не сильна в театре... Право, я была в нем лишь пару раз... Никогда не была сильно вовлечена в этот вид искусства, – ответила девушка.

Так даже лучше. Лавуан вдруг понял, что это его шанс познакомиться милovidную особу с миром большой драматургии, а заодно и приобщиться к миру девушки, который уже подарил писателю две отличные идеи.

– Позвольте мне познакомиться Вас с театром, – начал герой. – Я имею честь там работать и, хоть и нахожу некоторых отдельных личностей недостойными присутствия в храме комедии и драмы, я очень рад быть частью этой дружной творческой семьи.

Мелани замаялась. Было видно, что ей не вполне ком-

фортна данная ситуация, хотя блеск глаз выдавал почти животный интерес к чему-то новому и загадочному. Филипп вспомнил молодого и неопытного себя десятилетней давности, когда он только познакомился с драмой, когда его по знакомству устроили работать в местный театр, откуда он до сих пор не сумел выбраться, хотя очень хотел. То чувство познания нового вернулось к Лавуану через его новую спутницу.

– Хорошо, – согласилась после долгого молчания мадемуазель Марсо. – Полагаю, сегодня не предвидится много желающих сыграть в шахматы...

– Боюсь, что так, – подтвердил Филипп. На дворе стоял вторник – безусловно худший день недели. Люди были заняты своими насущными делами и им явно было не до игр на берегу залива. – В таком случае, прошу за мной! – торжественно, будто сам на минуту став театральным ведущим, сказал Лавуан.

Несмотря на то, что до театра было идти весьма и весьма прилично, большую часть пути молодые люди провели в молчании. Филиппа нельзя было назвать разговорчивым человеком. Сам для себя он принял Шекспировский девиз: «Совсем не знак бездушья молчаливость. Гремит лишь то, что пусто изнутри». Писатель часто повторял эту фразу, которой не только показывал свою начитанность, но и прежде всего успокаивал себя, оправдывая свою невозможность поддержать хоть каким-нибудь словом беседу.

Оказалось, что Мелани этой своей чертой была на Филиппа очень похожа. Узнав лишь об истории театра, она молчала и лишь изредка оценивала Лавуана своим типично женским взглядом. Это французу доставляло определенный дискомфорт, который он, надо отметить, ощущал при общении с любой особой противоположного пола. Но мадемуазель Марсо однако казалась ему девушкой весьма интересной и вместе с тем загадочной, что-то скрывающей, какую-то свою милую женскую тайну. Вместе с тем за ее молчаливостью Филипп углядел недюжинный интеллект. *Или она слишком хорошо знает, что молчание – золото.*

Дойдя до здания театра, путники остановились. Лавуан сделал это нарочно, дав Мелани возможность насладиться большой красной вывеской «Опера Драматик», которая еще в свое время сильно впечатлила француза. Впрочем, назвать Филиппа шибко сентиментальным нельзя: в те годы красные буквы, освещающие всю небольшую площадь, что разбилась подле театра, поражали и притягивали всех и вся. Жаль, что с тех пор прошло уже десять лет, сам театр стали посещать реже, постановки были все менее и менее стоящими. Во многом Лавуан винил себя, это было частью его характера. Несмотря на то, что не только его пьесы показывались на сцене, Филипп находил некую закономерность в том, что именно с его приходом начался общий упадок театральной культуры в городе. Это его печалило. Но, увидев неподдельный восторг на лице Мелани, он и сам воспрял духом. К

нему снова вернулись силы, которые, как ему казалось, испарились с течением времени. Он вернулся в прошлое, которое несмотря на огромное количество недостатков, коих и перечислять не вижу смысла, сейчас сияло также ярко, как и красные буквы на фоне ночного города.

На входе стоял билетёр, которому Филипп лишь махнул рукой, получив в ответ сдержанный кивок. Сие действие показалось Лавуану производящим исключительно положительное впечатление на его спутницу, которая, впрочем, никоим образом этого самого впечатления не показывала. Красные ковры, выцветшие под влиянием времени, устлали пол, направляя посетителей непосредственно в зал. Днем, однако, никаких клиентов в театре не было – все представления проводились исключительно по вечерам. Днем здесь было тихо. В коридоре были едва слышны подавленные толстыми стенами звуки идущей в главном зале репетиции. В обеденное время в здание разрешалось заходить лишь служащим театра и Лавуану, само собой, вход тоже не возбранялся.

Филипп открыл деревянную дверь, ведущую в главный зал, и пропустил, как и полагается джентльмену, даму вперед. Театр был небольшим, но весьма красивым и уютным. Филиппу доставила особое удовольствие легкая улыбка, наконец появившаяся на лице мадемуазель Марсо. Сам писатель уже пристрастился к сему зданию, потому не испытывал никаких эмоций, кроме тревоги перед начальством и пред-

стоящим отчетом, за которым последует очередное вранье.

Прямо при входе Лавуан почувствовал ужасное давление балкона, нависшего громовой тучей над ним и его милой спутницей. Раньше француз такого эффекта на себе не ощущал, даже напротив – столь большой зал, подтверждением чего служил как балкон, так и специально отведенные места для высокопоставленных гостей, восхищали молодого писателя. Тот крошечный шанс, что его пьесы будут смотреть в стенах такого заведения, уже служил большой наградой для непрошенного северянина.

Репетиция шла полным ходом. На сцене, постоянно что-то повторяя и мечась из одного края в другой, собрались почти все актеры театра. Даже Мелисса, которая, казалось бы, удалилась не так давно и должна была бы опоздать на запланированное мероприятие, уже всю тараторила свой текст, не надев, правда, костюма. Впрочем, костюм был только на молодом Жаке Трюффо, который щеголял в мундире, выписанном для постановки у местного отделения полиции. Мсье Трюффо вообще старался не выходить из своего образа и, будучи невероятным, по мнению Филиппа, нарциссом, всегда гордился этой своей профессиональной чертой.

– Наконец Вы пришли, мсье Лавуан, – голос доносился с кресел задних рядов, на котором, как выяснилось после поворота писательской головы, восседал постановщик. Филипп хотел было представить своего начальника мадемуазель Марсо, но та, пока писатель загляделся на молодой та-

лант театральной эстрады, тихо исчезла из поля зрения, оказавшись уже подле сцены.

– Добрый день, мсье Гобер, – уставившись в пол, произнес в ответ Филипп.

– Присаживайтесь, Филипп, – в этом панибратском тоне Лавуан почувствовал пренебрежение к своей персоне, но перечить не стал и лишь молча повиновался приказу, усевшись на соседствующее пустое кресло. – Как Ваше здоровье? Выглядите уставшим. Должно быть Вы измотаны работой.

– Все так, – закивал писатель.

– Стало быть, я могу надеяться, что мы начнем работу над Вашим новым произведением в срок. Если Вас не затруднит, мсье Лавуан, мне было бы правда очень интересно услышать содержание, пусть и самое краткое, Вашей новой пьесы, – Гобер улыбнулся, обнажив свои желтые от пристрастия к сигарам зубы.

Мсье Гобер пусть и был уважаемым в широких кругах человеком, красотой никогда не блистал. Низкий рост, плохая осанка, жирные черные волосы, всегда непременно зачесанные направо, и большой крючковатый нос делали его похожим на противного гоблина. Но талант постановщика у этого маленького человечка безусловно был. За эту его особенность он и был награжден народной любовью, которая прощала все физические изъяны этого человека.

– Я решил... – Филипп начал кашлять толи от волнения, толи от открытого ночью окна. – Решил, что наилучшим ре-

шением будет написать рыцарский роман...

– Пьесу, – поспешил поправить писателя мсье Гобер.

– Все верно, – согласился Лавуан. – Пьесу. Подумал будет неплохо написать о сильной женщине, волею судьбы, ставшей рыцарем дабы защитить то, что ей дорого. Героиня, безусловно, должна быть сильной личностью, которая будет не согласна с произволом, который творили мужчины в средневековье, пользуясь исключительно варварским правом, то бишь грубой силой, – посчитал должным пояснить Филипп.

Гобер поморщился. Лавуан было подумал, что идея постановщику не понравилась, что сейчас все его старания выкрутятся из ситуации в последний момент, что француз всегда делал изумительно, а самое главное, что его новообретенное вдохновение пойдут прахом из-за мнения такого ничтожного человека как Гобер. Втянув пару раз своим длинным клювом воздух, директор произнес:

– Пусть будет так. Хорошо. Полагаюсь на Ваше мастерство в писательском ремесле. По правде сказать, вся эта суфразажистская тематика мне совсем не по душе, но что уж поделать коли такие настали времена. Даже если Ваша пьеса будет дурно написана, на нее все равно сбегутся молодые особы, дабы увидеть наконец того самого сильного женского персонажа, которым их обделила литература.

Она не будет «дурно» написана. Когда это я вообще писал «дурно»? Филипп бы раздражен тоном, с которым к нему обращались, считая, что, пусть даже он и не соблюдал сро-

ков, не заслуживает столь пренебрежительного отношения к своей персоне. У сцены раздался едва различимый смех. Он не был похож на привычный и уже давно знакомый смех артистов, потому Лавуан быстро повернул голову дабы разглядеть происходящее. Мадемуазель Марсо смеялась, ведя беседу с совсем юным театральным актером Пьером Шерро. Несмотря на свой возраст, Пьера окрестили самым одаренным артистом за последние десятилетия и, пусть Филипп и был с данным утверждением согласен, сейчас, в данную минуту, видя его интерес к Мелани, ничего кроме гнева писатель не чувствовал.

– Милая девушка, – должно быть мсье Гобер заметил интерес Филиппа, за что последнему стало стыдно перед начальником. – Ваша новая пассия?

– Вообще нет, – не так решительно, как того хотелось произнес Лавуан. – Мы с мадемуазель Марсо знакомы лишь пару часов. Она попросила меня показать ей театр, и я не решился отказать, – сам для себя не понимая зачем он вообще решил соврать, Филипп все же это сделал так, будто ложь сама и зародилась, и вышла из его уст.

– Рад, что хоть она смогла привести Вас сюда, – улыбнулся Гобер. – Надо будет отблагодарить ее.

На этих словах Филиппу стало совсем дурно. Ходили слухи о Гобере, как об известном ловеласе, не чуряющимся запятнать честь своего брака сношениями с самыми разными особами в основном, разумеется, актрисами театра. И пусть

никаких подтверждений этому факту за все время Лавуан так и не нашел, почему-то именно сейчас ему показалось, что все сказанное чистая правда, и что мадемуазель Марсо следует спасать из когтей этого стервятника.

– Не утруждайте себя, мсье Гобер, – Филипп поднялся с кресла. – Я постараюсь предоставить мадемуазель Марсо интереснейшую экскурсию по театру. Надеюсь, что смогу приобщить ее к нашему общему делу.

– Надейтесь, мсье Лавуан. Только не давайте ей несбыточных надежд, прошу Вас. Мест в нашем театре и так мало, признаться, я бы избавился от парочки артистов, а уж новеньких мне и вовсе не нужно приводить.

Будто все прямо-таки мечтают попасть к нему в трупы! Боже, что за надменный и низкий человек!

– Возьмите это, – Гобер буквально положил аккуратный конверт в приоткрытый карман жилетки Филиппа. – Это задаток. Найдите этим средствам достойное применение, мсье Лавуан.

Филипп не стал благодарить директора за щедрость. Быстрым шагом он направился напрямиком к сцене, надеясь вклиниться в разговор, который приносит Мелани столь хорошее настроение. На удивление, диалог оказался не таким уж веселым и интересным. Молодой Пьер своим ангельским голоском поддерживал самую что ни есть светскую беседу, от одного слова которой Лавуану становилось скучно. Поравнявшись с Мелани и аккуратно, краем глаза, заглянув в ее

лицо он понял, что и ей самой эта беседа кажется нудной, а легкая улыбка была скорее актом вежливости, но никак не истинного веселья. Филипп почувствовал, как огромный камень только что упал с его плеч.

– Как Вам наш скромный театр? – Филипп специально поскромничал, зная, что девушка пребывала в восторге от самого здания и от труппы.

– Замечательно, – Мелани, несмотря на правильность, сделанных Лавуаном, суждений, тем не менее оставалась весьма холодной в своих высказываниях. – Здесь прямо пахнет искусством. Я редко бываю в подобного рода местах.

Интересно. Филипп был уверен, что мадемуазель Марсо так или иначе была напрямую связана с искусством. Однако, по ее собственным словам это было вовсе не так. *Ошибся? Или всему виной пианино?*

– Уверен, Вы найдете нашу компанию весьма занятной, – улыбнулся Филипп.

Тут подскочил молодой Пьер и, с несвойственной ему прытью, громким и четким голосом, который он отчего-то скрывал все это время, произнес:

– Подписываюсь под каждым словом мсье Лавуана. Любой из нас был бы счастлив видеть Вас в нашем театре. Верно я говорю? – обращение Шерро осталось без внимания – все участники труппы были слишком заняты своими неотложными делами, но Пьер, как ни в чем не бывало, продолжил: – Придете на завтрашний спектакль?

Завтра должны были ставить Гамлета. Шекспир всегда хорошо заходит публике и во времена отсутствия новых идей обращение к столь монументальным трудам выглядит весьма логично. Но Лавуану показалось, что это приглашение пахнет исключительно показухой, ведь главную роль Гамлета сыграет именно Пьер Шерро.

– Я с радостью, – улыбнулась Мелани. – Если только мсье Лавуан соблаговолит составить мне компанию.

Я не ослышался? В груди Филиппа что-то екнуло. Такое предложение никак нельзя было трактовать двусмысленно. Это определенно свидание, причем предложение сделано явно в ехидной форме, чтобы ударить еще и по самолюбию Пьера. *Браво, родная Мелани!*

– Разумеется я был бы счастлив составить Вам компанию на завтрашнем представлении. Оно начнется в восемь, как и обычно. Стоит ли мне зайти за Вами?

– В этом нет необходимости, – отказ звучал не грубо, а даже сладко. – Я встречу Вас в семь у фонтана, за площадью, – улыбка озарила не только лицо молодой девушки, но и все нутро писателя. Такой теплоты Филипп еще никогда не чувствовал. – Боюсь сегодня меня ждут кое-где еще, мне жаль, что я не могу провести больше времени в этом чудном месте, но увы я уже договорилась о встрече сегодня... Надеюсь я никого не обижаю.

Пьер был обижен еще предыдущей репликой, так что на его благосклонность надеяться не приходилось. Что касает-

ся Филиппа – он лишь молча поднес тонкую руку Мелани к своим губам, легонько поцеловал, и отпустил пташку в свободной полет, но лишь до завтрашнего вечера. Взгляд Шерро, наполненный лишь тоской, был направлен прямо на лицо Лавуана. Филиппу стало немного жаль простодушного мальчика, у которого он только что, непонятно каким образом, увел красивую барышню из-под носа. Однако жалость быстро сменилась торжеством своей персоны над неопытным оппонентом и с этими мыслями писатель вышел из здания театра.

Уже вечерело. Буквально через пару часов должен был состояться спектакль, на который у Лавуана не было времени. Внезапно нахлынувшее вдохновение должно вылиться на бумагу, и если это не произойдет сейчас, то этому уже не бывать никогда. С этими мыслями наш герой поспешил навстречу своей новой пьесе.

~ II ~

Сначала Филипп думал начать творить прямо в парке неподалеку от театра, но, найдя там уйму народу, толпившихся то тут, то там по всей площади зеленой зоны, принял решение немедленно вернуться в свою каморку. Сейчас внешних источников вдохновения искать никакой надобности нет, а вот с мыслями собраться возможно лишь в полной тишине и одиночестве. По дороге до дома мысли Лавуана прыгали с одной сцены на другую, начало перелетало сразу в концовку пьесы и вся работа выглядела цельной и великолепной. Мысль пошла дальше – всеобщее признание и почет, важнейшие французские газеты рвутся взять интервью у такого великого писателя, как Филипп Лавуан, а он лишь с презрением отказывает большинству, удовлетворяя запросы абсолютного меньшинства предложений.

Как Филипп взобрался по лестнице на свой этаж было неясно даже ему самому. Краем уха до него донесся голос недовольной мадам Бош, которая хотела было снова завести небольшой светский разговор, однако, увидев настрой Лавуана, не стала настаивать и вернулась в свою комнатку. Мысль испаряется также быстро, как кипяченая вода, так что Филипп старался как можно скорее записать все, что не успело вылететь из головы.

Комната была пуста и темна, когда в нее вновь вернулся француз. Канарейка, завидев свет зажженной лампочки, очень обрадовалась возвращению хозяина, однако тот будто вовсе и не обращал внимания на пение птицы и, быстро достав из большой сумки печатную машинку, принялся корпеть над своим трудом. Поначалу все шло очень даже неплохо. Филипп принял решение погрузить зрителя сразу в самую гущу событий и начать пьесу с большой рыцарской битвы. Разумеется, первым, что пришло на ум французю, было поражение при Пуатье, в котором пал весь цвет французского рыцарства. Этой сценой писатель убьет сразу двух зайцев: представит зрителю интересную баталию, которая позволит приковать интерес к постановке на долгое время и начнет историю восхождения молодой девы, которой впоследствии суждено стать великим рыцарем.

Тут Филипп остановился. Ему не понравилось, что его произведение лишь сухая калька с известных исторических событий и в нем совершенно нет ничего нового и свежего. Поэтому было принято решение немедленно придумать историю для его героини. *Пускай ее отца, единственного кормильца семьи, не известного рыцаря, но бравого солдата, храбро погибшего в бою, привезут прямо к ним домой и героиня, поняв, что надежды жить под покровительством сильного мужчины больше нет, сама примерит эту роль.* Лавуан был горд своей завязкой, она казалась ему интересной и даже захватывающей. В таком экстазе он принялся писать и

писать несколько часов подряд.

Влияние Мелани в данном процессе сложно переоценить. Сам образ девушки всегда оставался рядом, воспоминания о встрече остались на душе приятным послевкусием и придавали сил писателю. Несмотря на большую сосредоточенность непосредственно на написании работы, мысли Лавуана порой возвращались на причал к шахматным столикам и прекрасной Мелани, которая поправляет свои черные волосы, взъерошенные из-за ветра, и обдумывает свой следующий ход.

Очнулся писатель лишь когда наступила ночь. Былое вдохновение пропало, уступив место усталости. Филипп по обыкновению задрал голову, чтобы дать глазам отдохнуть от многочасовой писанины. Результат его трудов был удовлетворительным, но не более. Лавуан был строг к себе и своему творчеству: в голове любое произведение кажется идеальным, но, стоит ему оказаться на бумаге, как вся магия исчезает в мгновение ока. Филипп прекрасно знал, что в этом мире нет ничего идеального, однако это вовсе не значит, что к этому самому идеалу не нужно постоянно стремиться. ***Вышло так себе. Персонажи плоские и однобокие, сцены баталлии пахивают дешевыми романами, героиня и вовсе не привлекает должного внимания.*** Меланхолия, спокойно сидевшая на краю кровати, потихоньку критиковала работу писателя.

Филипп покачал головой, чтобы выбить из нее надоедли-

вые слова паучихи. Но как ни крути в одном эта бестия была права – главный женский персонаж выходил далеко не идеальным, что сильно удручало творца. Было решено выйти покурить. Папироса, которую Лавуан припрятал на такой вот случай, оказалась немного помятой, но это не помешало французу насладиться прелестным запахом табака. Вспомнив слова мадам Бош о том, что курить в доме не стоит и она такого хамского отношения к другим жильцам не потерпит, Филипп решил спуститься вниз, к парадной, и спокойно покурить там. Хозяйка, как и все постояльцы – в основном конторские служащие – уже спали, потому Лавуану не составило труда незамеченным выйти из дома.

Едва писатель зажег сигарету и его легкие вкусили горький табачный дым, как ему вдруг ни с того ни с сего захотелось проверить свое окно. Такого рода obsessions периодически всплывали в голове у Лавуана, но чаще всего он с успехом их отгонял. Непонятно что конкретно хотел он увидеть в своем окне, но отчего то был убежден, что необходимо проверить целостность того образа его комнаты, который присутствовал в голове. Обойдя дом, – окна квартиры выходили на противоположную от парадной сторону – Лавуан поднял глаза на свое жилище.

Свет пробивался через полуоткрытое окно и озарял соседний дом. Филипп часто думал, что мешает своими ночными посиделками другим ровно также, как и его сосед, упомянутый ранее, мешает по ночам ему, однако в данном случае

эгоизм взял верх, и писатель не собирался менять свою дурную совиную привычку сидеть по ночам в угоду мнения людей, которых он, собственно, и знать не знает. Вдруг Лавуану показалось, что в окне он увидел едва заметную, быстро пронесшуюся тень. Это испугало француза, и он стал вглядываться в родное окно, чтобы лучше разобраться что же там происходит.

– Доброй ночи, мсье Лавуан.

Женский голос раздался так неожиданно, что Филипп обронил сигарету. Повернув голову, его глаза были ослеплены огненным светом, отраженным от густых рыжих волос. Девушка стояла прямо под фонарем на почтенном отдалении от писателя. Именно свет этого фонаря так выделял ее из общего мрака переулка.

– Доброй, Фрида, – с облегчением переводя дыхание, ответил Филипп. Он быстро поднял сигарету, дунул на фильтр, избавляясь от дорожной пыли, и вставил ее в рот.

– Не спится? – спросила Фрида.

– Мне сейчас не до сна. Работаю над пьесой. Ты тоже с работы? – Филипп уже давно перешел на «ты» с Фридой, и ее это нисколько не смущало.

– Да, только закончила уборку, – слегка улыбнулась девушка.

Фрида была гардеробщицей в театре. Разумеется, она пробовалась на роль актрисы, и Лавуан прекрасно помнил историю ее провала на пробах, однако в итоге мсье Гобер по-

считал, что ей прекрасно подойдет роль гардеробщицы. Сам факт очень расстроил Фриду, и, как ни пытался Филипп ее уверить, что мол «театр начинается с гардероба», девушка, хоть и выглядела как простушка, быстро догадалась, что писатель лишь пытается ее утешить. В утешении Фрида не нуждалась, хотя многие сочувствовали ее положению. Дело не только в провальных пробах. Они с кузенном, Хельмутом, переехали из Страсбурга в поисках лучшей жизни. После захвата и присоединения Эльзаса и Лотарингии к Германской империи, семья Фриды и Хельмута попала в немилость к новым властям, отчего пострадала прежде всего мать семейства – она потеряла мужа на войне, а потом и сама погибла при неизвестных обстоятельствах. Филиппу всегда была интересна эта история прежде всего из-за ее одиозности по отношению к Германии, которую здесь, само собой, не жаловали, однако Фрида настойчиво молчала, аккуратно переводя тему разговора и лавируя так мастерки, что вскоре Лавуану надоело выпрашивать информацию у девочки. Пусть к немцам отношение было весьма негативное, особенно на фоне последней войны, но к Фриде и Хельмуту никто отворачивания не испытывал: они были трудолюбивы, молчаливы, нелюбопытны, к тому же славились своей рьяной приверженностью католицизму, что играло им на руку. Оба они проводили свои выходные дни в церкви, помогая по хозяйству и делая это, безусловно, на общественных началах, абсолютно безвозмездно.

– Видела Вас с Мелани сегодня, – нарушила неловкое молчание Фрида. Пока Филипп погрузился в свои мысли, что было частым явлением, девушка уже поравнялась с ним.

– Вы знакомы? – Лавуан был крайне удивлен, что такие разные дамы могут иметь какие-то сношения.

– Само собой, – улыбнулась гардеробщица, – Мелани моя соседка. Я частенько помогаю ей по дому. Она не то чтобы хорошая хозяйка, так что ей повезло, что мы с кузеном расположились по соседству... Что-то помыть или передвинуть – все это делаем мы. Разумеется, если больше попросить некого...

Филиппа нисколько не трогала хозяйственность Мелани. В современном мире есть куда более важные качества, считал он. Главное, чтобы было комфортно находиться с человеком, а еще лучше – вдохновляться им.

– То есть в другое время Мелани просит остальных соседей помочь? – Лавуану это было не столько интересно, сколько важен сам факт подогреть разговор о его новом предмете воздыхания.

– Нет, – задумалась на секунду Фрида. – С другими соседями она не особо разговаривает. Она вообще мало с кем говорит. Можно сказать, что для нас она сделала исключение. Просто порой ей помогают ее ухажеры...

– Ухажеры? – резко прервал девушку Филипп. Это слово резало ухо, из-за чего писатель совершенно позабыл манеры.

– Да, ухажеры, – утвердительно кивнула собеседница. –

Мелани весьма популярна...

Это начинало француза просто бесить. *Я не единственный, кого эта девушка вдохновляет. Этого стоило ожидать... Такая утонченная натура, от одного вида которой хочется творить, не может оставаться одна. Неужто ты и впрямь думал, что она будет лишь твоей?* Такие мысли Лавуана вгоняли в жуткую тоску. Казалось, что из рук уплывает не только Мелани, но и надежды на новое произведение. Сцены, которые еще пятнадцать минут назад отчетливо представлялись в голове, внезапно исчезли в потоке переживаний о предстоящей борьбе за Мелани.

– И сколько их? – с комом в горле спросил Филипп.

– На моей памяти было пять, – неуверенно ответила Фрида.

Пять молодых людей! От такого числа Лавуану сделалось дурно. Как ему, такому худому, некрасивому, бесталанному человечешке завоевать даму, у которой уже есть пять ухажеров? *Может и вовсе стоит ее забыть, найти кого другого?* Это был самообман. По крайней мере, так сразу же заключил сам Лавуан. Мелани сумела за одну встречу, всего парой слов, растопить тот лед, что сковывал творческую натуру писателя. Эта женщина, за которую стоит бороться, ее нельзя просто так отдавать.

– Не переживайте так, мсье Лавуан, – поспешила утешить явно страдающего Филиппа Фрида. – Да, у Мелани много ухажеров, но признаться честно, когда вы оба прошли рядом

со мной, даже не заметив, будучи погруженными в свои мысли и чувства, я сразу поняла, что Вы, мсье Лавуан, для Мелани человек непременно особенный. Да что говорить, сколько раз я звала ее к себе в театр на работу, пускай и просто из вежливости, но тем не менее, я всегда получала мягкий отказ, а тут я встречаю соседку, не любящую шумные мероприятия и уж тем более театр, в компании Вас. Простите мне мою прямооту, но я сразу поняла, что вы двое просто созданы друг для друга!

Филиппу стало внезапно стыдно, что он не соблаговолил поздороваться с хорошей знакомой сегодня. Нагло пройти, пусть и не без веской причины, выглядело как оскорбление, хотя таковым не задумывалось. Однако слова Фриды подогрели интерес Лавуана ввязаться в авантюру под названием любовь.

– Прошу прощения за свое поведение, – оправдывался Филипп. – Ты все правильно увидела и поняла. Действительно, Мелани мне показалась девушкой интересной, красивой, умной, обладающей непередаваемым шармом...

– Надеюсь когда-нибудь я тоже услышу такие высокие слова в свой адрес от молодого человека... – вздохнула Фрида.

Немку мужчины своим вниманием не баловали. Невысокий рост, яркие веснушки, курносый нос – не самые привлекательные черты девушки. Утонченности француженок в Фриде не было вовсе. Несмотря на хозяйственность, чест-

ность и прочие никому не нужные сегодня черты характера, в девушке не было женственности и умения правильно себя поставить в обществе, отчего она и страдала.

– Не волнуйся, Фрида, – Филипп решил утешить расстроенную девушку, – ты обязательно найдешь себе кавалера.

Фрида немного насупилась, из-за чего ее нос совсем стал похож на пяточок, а в купе с рыжими волосами, веснушками и бледным лицом стала вовсе похожа на свинку, отчего Лавуан сам не поверил словам, которые только что произнес. Лгать Филипп не любил, но всегда считал, что порой это необходимо.

– Надеюсь, Вы правы... – с явной грустью в голосе ответила Фрида.

Разговор зашел в тупик. Такие моменты от Филиппа сложно было скрыть. Пускай в нем было достаточное количество минусов, но главным достоинством все же оставалась эмпатия. И она говорила, что, если сейчас что-нибудь не предпринять, то столь удачная встреча может закончиться вовсе ничем. *Нужно хотя бы глазком посмотреть, как живет Мелани.*

– Часто ты ходишь одна в такой темноте? – сказал Филипп с напускным беспокойством. – Совсем небезопасно бродить по улицам города в такой поздний час.

– Ваша правда, – согласилась Фрида, – но боюсь, что выбора у меня нет. Раньше Хельмут всегда меня провожал, хоть и тратил много времени на ожидание окончания моего ра-

бочего дня. Но теперь, когда он нашел вторую работу, я вынуждена добираться до дома одна.

– В таком случае, – на лице Лавуана появилась улыбка, – я просто обязан тебя проводить.

– Это было бы замечательно, – улыбнулась девушка.

Простая Фрида совершенно не видела подвоха в предложении Филиппа. Лавуан же не чувствовал ничего неправильного в своем предложении. Сейчас все его мысли были сконцентрированы на Мелани, и до чувств молодой немки ему дела не было.

Фрида жила не так близко к театру, как она бы того хотела. Проходя по едва освещаемым улицам, Филипп молча рассматривал дома, пытаясь вспомнить был ли он когда-нибудь в этой части города. *Почему мы всегда ходим лишь в центр? Да, соборы, площади, парки – все это действительно вдохновляет. Но истинную жизнь людей, их быт, переживания, можно познать лишь на окраинах. Почему же я никогда не бывал здесь?* Однако, Лавуан был неправ. Он уже проходил здесь однажды. И вспомнил он этот момент лишь когда дорога свернула к старому католическому кладбищу. Еще пять лет тому назад именно здесь Филипп искал вдохновение для своей мистической пьесы. *Как я мог забыть, что бывал здесь?* На самом деле, это совсем неудивительно. Еще недавно здесь не было такого количества домов, а был лишь пустырь, который предназначался тоже для кладбища. Филипп, разочаровавшись в жизни, даже примерял себе ме-

стечко здесь, на месте, где теперь высился небольшой многоквартирный дом. *Время течет неутомимо.*

– Спасибо, что решили меня проводить, – прервала поток мыслей француза Фрида. – Я хотела сама Вас об этом попросить, но мне было стыдно, – даже при таком плохом освещении Лавуан почувствовал, как девушка покраснела. – Мне всегда жутко проходить через это кладбище, но это единственный путь к моему дому.

– Не нужно благодарности, – успокоил собеседницу Филипп. – Это мой долг. Я просто не мог позволить себе отпустить тебя одну.

– Вы хороший человек, мсье Лавуан.

О как же ты ошибаешься, глупышка Фрида. Филипп Лавуан – редкостный подлец и эгоист.

Филипп не боялся кладбищ. Более того, все эти склепы, мавзолеи, родовые усыпальницы, просто одинокие могилы и, самое главное, отсутствие людей, всегда привлекали Филиппа. Пьеса, про одинокого доктора, который скучает по своей умершей возлюбленной, была написана за рекордные сроки лишь благодаря той тишине и тому покою, которые Лавуан смог отыскать в этом месте. Помпезность католических усыпальниц сыграла немаловажную роль в выборе декораций для пьесы. Тогда Филипп впервые лично участвовал в выборе всех костюмов и прочего материала для композиции. Сейчас, на фоне творческого кризиса, ему казалось, что та работа была едва ли не лучшей, что выходила из-под

его пера.

– Несмотря на всю мрачность этого места, – писатель придал своему голосу утешительный тон, – стоит признать, что оно не лишено романтики, не находишь?

– Может Вы и правы, – неохотно согласилась Фрида. – Но я вижу кладбище каждый день. Знаю, что вот за тем ангелом, – она указала пальцем на видневшуюся дальше по дороге могилу, украшенную милым ангелочком, – мне стоит повернуть направо, а за тем склепом налево... Видя все это каждый день, теряешь возможность восхищаться...

Нет ничего страшнее рутины. Даже столь заурядная девица порой может выдавать воистину глубокие мысли. Лавуан крепко задумался над словами девушки. Казалось, что простая фраза погрузила его в уныние. Ему самому было не до конца понятно: расстроен ли он самой фразой или же тем фактом, что ее породил не его собственный мозг.

Пройдя через кладбище, путники вышли на хорошо освещенную улицу. Домов здесь было немного и все не превышало высотой пять этажей. Когда Филипп поднял голову на ближайшее здание то понял, что видел его ранее, но с тех пор оно сильно изменилось. Полуразрушенный двухэтажный барак, который был приютом разве что для местных бродяг-алкоголиков, стал полноценным домом, где кипела жизнь обычных французских граждан.

– Вот мы и пришли, – подытожила Фрида, слегка улыбнувшись.

– Ты живешь здесь? – удивился Филипп. – Откуда у вас деньги на съём жилья в таком доме?

– Это не такие большие деньги, – поспешила оправдаться девушка. Мы арендуем небольшую квартирку с видом на кладбище. Немногие хотят жить с такой картиной за окном, но нам выбирать не приходится, и мы рады любой возможности обустроиться здесь, во Франции.

Меньше всего Лавуану сейчас было дело до проблем мигрантов из Германии. В данную минуту он думал лишь о Мелани, о том, как ей тут живется, и находил, что девушка и католическое кладбище вовсе неплохо сочетаются. Филипп проводил Фриду до самых ворот дома. Разумеется, он делал это не ради немки, да и сам он не вполне осознавал на что рассчитывал, когда проделывал весь этот ночной путь. Может быть, хотел увидеть хоть краем глаза Мелани, случайно выглянувшую в окно, или встретиться с ней где-то на лестнице. Но все это было также маловероятно, как для Фриды найти достойного ухажера.

Молчание нарушили звуки, доносившиеся откуда-то со второго этажа. Отсюда, снизу, можно было сказать лишь одно – кто-то ломился в дверь, причем весьма и весьма настойчиво и бесцеремонно. Удивителен был и тот факт, что жильцы никоим образом не реагировали на такое поведение, что для французов, с их любовью отстаивать свои права, в том числе и на спокойный отдых, было совершенно неестественно.

– Этого я и боялась, – Фрида прикрыла рот руками. Девушка определенно знала причину беспорядка в их доме.

– Что это у вас там происходит? – спросил вполголоса Филипп.

– Это снова мсье Моро к нам заявился, – прошептала в ответ собеседница. – Помните я говорила про ухажера Мелани? Так вот это он, – Фрида указала пальцем куда-то вверх, целясь в того самого Моро.

Вот значит, как... Хорошо, значит допытываться кто это и искать с ним встречи не придется. Судьба сама дала мне шанс поговорить по душам с этим человеком! Филипп, будучи уверенным в своих силах, вдохновленным мыслями о немедленном разрешении назревавшего в обозримом будущем конфликта, двинулся в сторону лестницы, машинально сжав кулак и стиснув зубы.

– Погодите же, мсье Лавуан, – Фрида буквально вцепилась в рукав писателя и с известной женской силой стала оттащить француза обратно во мрак коридора, уводя с хорошо освещаемой лестницы.

Филипп хотел поначалу сопротивляться, но, поняв всю серьезность намерений девушки, уступил, и они оба оказались в совсем плохо освещенном углу под лестницей.

– Зачем же ты меня остановила? – раздраженно спросил француз.

– Чтобы спасти! – крикнула шепотом Фрида. – Я прошу Вас... нет, умоляю ни в коем случае не связывайтесь с

этим... этим... – девушка пыталась подобрать слово, но ее французский не позволял этого сделать.

– Да, что с ним такое, Фрида?! Объяснись же!

Девушка замялась, услышав тон Филиппа. Казалось, что ее гложет чувство вины за все, что произошло сегодня: начиная с того, что она согласилась на сопровождение Лавуана и заканчивая этой неприятной встречей с любовником Мелани.

– Просто... Это же сам Виктор Моро, – Фрида специально выделила имя, придавая ему особый вес.

Виктор Моро... Почему это имя кажется мне таким знакомым? Всех людей, с которыми когда-либо Лавуан имел счастье или несчастье быть знакомым, писатель не мог упомянуть. Но имя, внушающее такой страх в бедную Фриду, было Филиппу очень знакомым, однако вспомнить откуда, он, как ни старался, не мог. Лицо Фриды же выглядело так, словно не зная этого мерзавца и вовсе нельзя и приравнивается к преступлению и никак иначе.

– Кто же такой этот Виктор Моро? – решил спросить француз. – Окромья того факта, что он хам, разумеется.

– Он полковник французской армии, – в голосе Фриды отчетливо звучало неподдельное уважение при этих словах, – был героем войны. Всеми почитаем и уважаем.

– Мне плевать кем почитаем этот солдафон! – бросил Филипп. – Никто не смеет так обращаться с дамой!

– Разумеется, но Бога ради, – девушка сложила руки в

мольбе, – откажитесь от этой глупой мальчишеской затеи... Его прозвищем было «медведь» ... Ростом он выше всех людей, с которыми я когда-либо была знакома... И даже если, с Божьей помощью и только с ней, Вы каким-то чудом сумеете его вразумить, во что я, уж простите, зная нрав этого человека, никак поверить не могу, друзья мсье Моро начнут Вам мстить, и уж поверьте мне, от таких врагов отделаться так просто не удастся.

Слова Фриды, какими бы болезненными для Лавуана они ни были, звучали разумно и, что самое главное, немка сама верила в то, что говорит. Не ясно что было бы, будь у Филиппа чуть больше времени на раздумье, но всю эту подлестничную возню прервала открывшаяся на втором этаже дверь и последовавший громкий, но в то же самое время четкий голос:

– Мсье Моро, я благодарна Вам за оказанное моей персоне внимание, более того, Ваше общество мне всегда казалось весьма приятным, однако караулить себя в такой час я не позволю. Как я уже говорила, и буду говорить впредь – прошу оставить меня в покое. На этом разговор окончен!

Голос Мелани был прерван звуком с грохотом захлопнувшейся двери. Виктор хотел было что-то ответить, но девушка не дала ему и шанса это сделать. Все, что оставалось полковнику – это громко ударить в стену напоследок и спуститься вниз, дабы уйти восвояси. Проходя мимо Филиппа и Фриды, Моро, не замечая пару, смачно сплюнул, выругался и

быстрым шагом побрел прочь от дома. На секунду Лавуан был невероятно благодарен судьбе за чудесное спасение в лице Фриды. Ведь не останови его немка, герою пришлось бы встретиться лицом к лицу с двухметровым, широкоплечим солдатом, которого буквально только что так унизила дама. Увидев размеры Виктора Моро, Филипп не на шутку струсил, но, быстро собравшись, вспомнив о своих чувствах, вернулся к разговору с Фридой.

– Как давно у них отношения? – голос француза был как никогда серьезен.

– Давайте пройдем наверх, мсье Лавуан, – буквально ведя за собой писателя, ответила Фрида, – незачем нарушать покой постояльцев еще больше.

Филипп сейчас совершенно не думал ни о постояльцах, ни о шуме, который мог бы создать в столь поздний час. Виктор Моро, своей тушей весьма внушительного размера вытеснил все прочие мысли из головы Лавуана. Те минуты, пока они с попутчицей поднимались, держась за холодные железные перила, по лестнице, казались вечностью. Проблема, только что образовавшаяся перед молодым человеком, казалась абсолютно неразрешимой. Сам факт, что такая важная особа для сердца Лавуана, как Мелани Марсо, уже имеет интимные связи с кем-то еще, выбивал из колеи, но вид этого грозного оппонента поверг Филиппа в настоящее, беспросветное уныние. В беспамятстве, Филипп попал в квартиру Фриды.

– Присядьте, мсье Лавуан, – девушка сама решила усадить

гостя на кушетку, что была подле двери. Филипп не сопротивлялся.

Квартира Фриды, пусть и была вся как на ладони, тем не менее представлялась писателю сквозь призму какой-то дымки. Сам для себя Лавуан не мог найти четкую причину данного феномена: это мог быть как затхлый воздух плохо проветриваемого помещения, так и банальная невозможность мозга сконцентрироваться на созерцании картины, абстрагируясь от мыслей о Викторе Моро. Все, что сейчас мог разобрать Филипп – это убогость и невероятная захламленность помещения. Закрыв на пару секунд глаза, Лавуан старался привести мысли в надлежащее состояние, что давалось непросто. Открыв веки, он увидел квартиру Фриды более четко: это была большая просторная комната, поделенная на несколько секторов при помощи занавесок. Выглядело это все совсем не по-немецки, но бедность, в которой прибывали мигранты, накладывала свой отпечаток прежде всего на быт этих людей. В центре комнаты стоял большой обеденный стол, под которым красовался красивый красный ковер. Он был старым: цвета утратили былую силу, виднелись пятна, ненароком попавшие во время одной из давнишних трапез, бахрому истерлась. Тем не менее, именно ковер задавал тон всему жилищу. Занавески, очевидно, отделяли гостиную, в которой, был уверен Лавуан, принимать было некого, ибо никто из уважающих себя людей не согласился бы опуститься до того уровня, что позволил себе прийти в такое место, от

спальни, куда Филипп соваться и не хотел. Точно также была отделена и небольшая кухонька, проглядывавшая в небольшой зазор между занавеской и стеной, что позволило французу быстрым скользящим взглядом оценить там обстановку. Несмотря на бедный, можно без всякого преувеличения сказать, нищий вид, квартира выглядела невероятно чистой. Казалось, что все вещи здесь, пусть и не совсем к месту, выполняли свои функции четко. Даже в такой обстановке нищеты проглядывался чисто немецкий менталитет.

– Располагайтесь, мсье Лавуан, – снимая теплую накидку, сказала Фрида. – Полагаю, идти обратно в такой час – плохая затея. Вы можете заночевать здесь. Хельмут будет лишь утром, он не станет противиться Вашему присутствию.

Предложение девушки было для Филиппа как честью, так и позором. Гостеприимства Фриде не занимать, это стоит признать, но квартирка казалась Лавуану неуютной. Ночевать здесь он совершенно не хотел, но и грубо отказать столь радушной хозяйке не решался.

– Ты хотела рассказать мне про этого полковника, – перевел тему разговора француз, будто сам внезапно вспомнив про свою новую напасть.

– Рассказывать то, собственно, и нечего, – Фрида аккуратно отодвинула стул так, чтобы не издать ни звука в поздний час, и быстро села, сложив руки на деревянном столе. – Мсье Моро, как уже было сказано, полковник французской армии. До меня лишь доходили слухи, что он награжден множе-

ством орденов, сама я видела лишь пару медалей, что украшали его мундир в один из приездов к Мелани. Сама Мелани же мало о нем говорила. Лишь о его достатке и связях, будто ничего кроме них у него за душой и нет.

Достаток и связи – это не так мало, как тебе кажется, Фрида. У меня, например, ни того ни другого нет. Пусть тщательно подобранные слова немки и не внушали спокойствия, Филипп почувствовал, что в борьбе за мадемуазель Марсо у него еще есть шанс.

– Ты уклонилась от ответа там внизу, – тон Лавуана был грубым, хоть он этого и не планировал. Заметив это, он продолжал куда более спокойным тоном: – Сколько они уже вместе?

– Я бы не сказала, что они вместе... – Фрида начала перебирать пальцы толи от волнения, толи пытаясь найти нужное слово. – Их отношения сложно назвать серьезными. Познакомились они на приеме у одного из важных людей – простите, что не запомнила имя, я совершенно плохо запоминаю подобного рода вещи – там они выпили, он предложил ей уединиться, а она, будучи уже достаточно пьяна, согласилась. Не подумайте, что Мелани имеет проблемы с алкоголем, просто так вышло... – Фрида, почувствовав стыд за произнесенное, схватила за голову. – Не стану терзать Вас подробностями, вижу, что Вам уже от одного слова об их близости становится дурно, скажу лишь, что через пару дней мсье Моро был готов с Мелани обручиться, настолько она

ему понравилась.

Фрида грустно вздохнула. Филипп сохранял внешнее спокойствие, как он всегда умел, но все его нутро полыхало сильнее адского пламени. Ему хотелось знать все, но слыша малейшие подробности он желал закрыть уши, лишь бы избавиться себя от страданий. Картины близости Мелани с Виктором столь ярко рисовались натренированным воображением Лавуана, что все будто происходило прямо сейчас наяву.

– Она ему отказала, – не дождавшись ответа француза, продолжила немка.

– Отчего же?

– Я не стала докучать расспросами. Тема любви – всегда деликатна. Это дело лишь двух влюбленных и больше никого. Кто я такая, чтобы вторгаться в жизнь милой Мелани со своими никому не нужными советами? Разве посмела бы я пойти на такой шаг, пусть даже из-за мнимого желания помочь подруге, которая меня, весьма вероятно, за подругу не считает, на что имеет полное право, ведь кто я такая? Разумеется, я промолчала, дав ей возможность сказать ровно столько, сколько, по ее мнению, необходимо.

– Что же ее смутило, в конце концов, – Филипп больше не мог дожидаться ответа Фриды.

– Вспыльчивость и неуравновешенность, – сказала девушка и посмотрела на Лавуана так, словно эти слова применимы и к нему самому, за что писателю стало стыдно.

Филипп, не выдержав обстоятельств, обхватил руками голову и устался в пол. Больше всего на свете он ненавидел неконтролируемые ситуации – в них он быстро терял привычное самообладание. Мозг жадно принимал и тщательно переваривал усвоенную за столь короткий срок информацию. Голова начала гудеть может из-за недосыпа, может из-за тревожности.

– Если Вам станет легче, – Фрида поднялась со своего места, беззвучно подошла к Филиппу и склонилась перед писателем, встав на колени. – Я знаю, что все вы мужчины невероятно ревнивы и ловите каждое слово, подтверждающее неверность женщины... Но поверьте, я не хотела Вас расстроить. Даже наоборот! Я всем сердцем старалась Вам показать, насколько незначителен этот человек для Мелани! Она не жаждет этих отношений – они ей глубоко безразличны...

– Я все это понимаю, Фрида, – прервал Филипп. – Все понимаю, но ситуация от этого меняется, уж прости, не сильно, – Лавуан встал и бесцеремонно начал бродить по гостиной. – Любовь, даже если она и была, имеет свойство улетучиваться по самым разным причинам. Я убежден, что мне не составило бы труда убедить мадемуазель Марсо в своей куда более искренней любви, нежели любовь солдафона. Но с чем мне сложно мириться – это с его деньгами и влиянием. Понимаешь, люди по природе своей страшные материалисты. И пусть я всей душой уважаю мадемуазель Марсо, она, сле-

дую простейшей дедукции, не является исключением. Материальное положение мсье Моро гораздо лучше моего, к тому же он чрезвычайно настойчив. Рано или поздно, поддавшись общественному мнению, Мелани примет его щедрое предложение.

– Вы, пожалуй, правы, – поднялась с колен Фрида. – Не берусь судить о сложных философских вопросах, которые Вы затронули, но вынуждена не согласиться с житейской частью сказанного. Женщины не так рациональны, как Вам это кажется. Девушки гораздо чаще мужчин слушают голос сердца, а не разума. Поэтому, даже сейчас, услышав Ваши умо- заключения, я все еще стою на том, что вы с Мелани прекрасная пара. Так мне подсказывают чувства. Уважаете Вы их или нет.

– Лишь на чувства мне и остается уповать, – печально согласился Филипп. – Но чувства – привилегия низших слоев общества. Поднявшись по иерархической лестнице общества чуть выше, становится ясно, что чувства мало кого волнуют, что деньги и влияние куда более ценный ресурс. Разумеется, тебе, гардеробщице, начитавшейся дешевых романтических романов и посмотревших столько нелепых пьес кажется, что все самое важное в отношениях лежит в области чувств. Знаешь почему чувства – удел нищих? Потому что кроме чувств у нищих ничего нет.

Слова Лавуана прозвучали резко даже для него самого. Сказав столь ужасные вещи, он понял, что не стоило так сер-

чать на бедную Фриду, что это вовсе не ее вина, что она наоборот, имея столь низкий социальный статус, может разговаривать на весьма серьезные темы. И вся благодарность, которую она получила – это упреки от влюбленного дурака.

– Может я и нищая, мсье Лавуан, – на глазах немки выступили едва заметные слезы, – но не бесчувственная. Может кроме чувств у меня не так уж и много, но чувства сами по себе тоже несут большую ценность, которую вы там, – она указала пальцем куда-то в потолок, – не видите сквозь туман других благ.

Филипп был растроган до глубины души. Слова Фриды музыкой звучали у него в ушах, ибо они имели смысл, который был вполне способен нарушить его собственные представления об устройстве общества. Разгоряченный этими эмоциями, чувствуя стыд за ту обиду, что он нанес девушке, Лавуан схватил Фриду и крепко прижал ее к груди, стараясь оградить от ужасных слов, что он сам же и произнес. Немка лишь тихо посапывала в старую жилетку писателя, мало-помалу отходя от неприятного разговора.

– Прости меня Фрида, – глаза Филиппа увлажнились, но он не придал этому значения.

– Ничего, – ответила девушка, не поднимая головы. – В Ваших словах есть доля истины, пусть мне и неприятно ее слышать.

– Я прошу прощения не только за сказанные слова, – Лавуан отстранил немку от своей груди, – но за то, что намерен

попросить тебя сделать.

Фрида стояла, потупив взор. В глазах отчетливо читался страх. Тут на лестнице послышался звук закрывающейся тяжелой двери и топот каблуков, столь отчетливо различимый в ночной тишине. Фрида, не дожидаясь слов Филиппа, будто ужаленная бросилась к входной двери, с легкостью ее отперла и, едва высунув свой пяточок, принялась разглядывать лестничную площадку.

– Еще не спишь, Фрида? – на лестнице, где-то на ее середине, судя по отдаленности доносившегося звука – хотя Филипп не мог сказать наверняка – спросила Мелани.

– Нет, не сплю, – в голосе Фриды слышалась грусть. – Куда ты в такой час, Мелани?

– К Виктору, – ответила Мелани так, словно это было само собой разумеющимся. – Не хорошо я с ним обошлась. Он проделал большой путь, чтобы добиться меня. Пусть он сам мне не интересен, но относится к чувствам человека с таким пренебрежением нельзя.

– Кажется я понимаю.

Сердце Филиппа замерло. Диалог девушек трогал его до глубины души по нескольким причинам. Привязанность Мелани к Виктору оказалась не такой призрачной, как описывала Фрида, и убирать такого статного человека как Моро с доски было еще рано. Помимо этого, Лавуан опасался, что немка, имея желание свести его с Мелани, выдаст француза с потрохами, скажет, что сейчас он здесь, в ее квартире,

и заставит Мелани поговорить с Филиппом. Будь у писателя возможность, он тотчас бы запер дверь и увел Фриду по-дальше, но так поступать было никак нельзя, ибо это только ухудшит уже и без того накаленную ситуацию.

– Будь осторожна пожалуйста, – сказала Фрида и, будто услышав мысли Филиппа, закрыла входную дверь.

Немка, обессилев от наплыва эмоций, коих, судя по изможденному бледному лицу, она испытывала в огромном количестве и никак не в меньшей степени, чем Лавуан, схватилась за сердце. Филипп понимал ее состояние. От усталости он и сам был готов прямо сейчас упасть бревном хоть на какую-нибудь кровать и уснуть, забыв все то, что сегодня произошло. Но Филипп Лавуан был не таков. Он не мог бросить дело на полпути. По крайней мере не сегодня.

– Я должен у тебя кое-что попросить, – француз встал на колени перед Фридой, чтобы их глаза были на одном уровне. – Знаю, что просьба моя ужасна и бесчестна, но боюсь, что загнан в угол столь могучим противником, – Филипп тяжело вздохнул, слова не хотели покидать его легких. – Я прошу тебя... прошу тебя позволить мне попасть к Мелани.

Фрида не вполне поняла просьбу – это читалось в ее голубых глазах. Казалось, немка не может поверить во всю дикость сказанного. Не могла представить, что столь высокий, по ее мнению, человек может просить о столь низменном коварстве. Потом, помотав головой, словно пытаясь стрясти наваждение, девушка встала, молча подошла к висящей коф-

те и вытащила оттуда связку ключей.

– Это и правда бесчестно, мсье Лавуан, – Фрида с лязгом, отражающимся от стен, протянула связку Филиппу.

Лавуан не решался ее взять. Может это была трусость, может гордость, но ключи на протяжении нескольких секунд так и покоились к маленьком кулачке Фриды. Затем, взяв девушку за запястье, Филипп потащил ее к выходу. Фрида не сопротивлялась, молча давая понять, что она все понимает и согласна подчиниться Филиппу. В душе писателя было беспокойно. Вся эта сцена, где он, такой аристократичный и романтичный, чувствующий, по его собственным убеждениям, людей с полуслова, а иногда и с полдействия, силой тащит бедную немку на грех, который даже ее вера не способна будет смыть, стыдила «великого деятеля искусства». Быстро пройдя по лестничной площадке, пара добралась до двери мадемуазель Марсо, и Фрида, все быстро поняв и приняв, в спешке нашла нужный ключ, вставила в проржавевшую замочную скважину и дважды повернула его. Дверь распахнулась. Свет немка включать не решалась. В ее представлении открыть дверь чужого дома – это одно, но рыться или даже просто трогать чужие вещи – настоящее преступление. Филипп такими нормами морали скован не был, но подождал около двадцати секунд колеблясь из-за одной мысли о том, что Мелани, возможно, еще не ушла так далеко, что стоит ей просто повернуть свою голову, как она увидит свет в окнах квартиры и сразу все поймет. Страх этот не продлился дол-

го, и Лавуан нащупал выключатель, нажав который, француз озарил светом просторную комнату.

Квартира была полупустой. После захламленного жилища немцев, этот дом казался бесхозным, нелюдимым. В углу стояла большая кровать, которая могла с легкостью поместить троих людей. При виде такого ложе, Лавуану сделалось худо от мыслей о происходивших на этом месте сношений. Филипп зажмурил глаза, пытаясь подавить эти мысли и, открыв снова веки, устремил свой взгляд на стоявший посреди комнаты мольберт. На мольберте красовалась картина в духе столь популярного ныне модерна. Филипп в искусстве ничего не смыслил, оттого картина произвела на него огромное впечатление. На ней сидела одинокая девушка в красивом бордовом платье, точь-в-точь, как то, в котором еще утром щеголяла Мелани, и, сложив руки на столе, смотрела куда-то вдаль через открытое окно. Удивительно, что окно, располагавшееся в квартире, находилось ровно там же, куда смотрела и девушка с картины, отчего в голове писателя сложилась своеобразная рекурсия, которую он, едва уловив, неподдельно улыбнулся и даже немного рассмеялся. На вопрос Фриды о причине смеха, француз только махнул рукой, не став ничего объяснять немке, которая, как подумалось Лавуану, все равно не поймет всего великолепия этого наблюдения. В углу, на небольшом комодe из красного дерева, покоилась скрипка. Пыль, осевшая на инструмент, ясно давала понять, что скрипкой не пользовались очень дол-

го. Подметив это, Филипп почувствовал себя настоящим детективом из дешевых романов, наводнивших современную прозу. Наконец, пройдя по скрипевшему под ногами паркету к окну, француз оказался возле небольшого шахматного стола. Фигурки были металлическими, вырезанными явно опытными руками, отчего и стоимость их, по мнению писателя, должна была быть большой. *Должно быть подарок.*

– Она художница? – словно отойдя от транса, в котором пребывал последние несколько минут, спросил Лавуан.

– Это ее хобби, – грубые пальцы Фриды едва коснулись рисунка. – Насколько я знаю, она не зарабатывает этим на жизнь. Но выходит красиво, – Фрида наклонила голову, словно оценивая картину подруги.

– А чем же зарабатывает? – Филипп начал многозадачно смотреть в грязное окно, пытаясь разглядеть пустую улицу.

– Я не знаю, – пожала плечами девушка. – Наверное родители обеспечивают ее.

– Или ухажеры... – Лавуан начал стучать костяшками в и без того потрескавшийся подоконник.

Фрида не стала отвечать. Было ясно, что сама ситуация была ей неприятна. Ей хотелось поскорее уйти из этой квартиры, проводить Лавуана и скрыться в суеде своих забот, забыв этот инцидент. Филипп это прекрасно понимал, как и то, что Фрида, хоть и близка к Мелани, в сущности, почти ничего не знает о ее жизни. Пусть французенка и доверила Фриде ключи от своего дома, пусть она и позволяет ей под-

рабатывать уборкой, но в свою личную жизнь таких людей не пускает, что, по мнению Филиппа, было верным решением.

– Не думаю, что Мелани такая... – Фрида, не зная, как ей скрыть свое волнение, топталась на небольшом пяточке, заставляя подгнившие половицы скрипеть под весом ее тела.

Филипп быстрым шагом подошел к немке, схватил ее за плечи и, смотря прямо в глаза, отражавшие свет старой лампы, произнес:

– Спасибо тебе за все, Фрида. Ты взяла на свою душу тяжкий грех, я знаю это, и потому, отблагодарю тебя как сумею и так скоро, как представится случай. Прошу тебя не извещать мадемуазель Марсо о нашем визите в ее квартиру. Пусть сегодня я узнал о ней немного, но достаточно для того, чтобы с уверенностью сказать – я хочу сражаться за эту девушку.

На глаза Фриды накатили слезы. Сюжеты многочисленных пьес, просмотренных ею за годы работы в театре, происходят сейчас наяву и она принимает в них может быть не самое важное, но как ни как участие.

– Хорошо, мсье Лавуан, – сказала Фрида уходящему прочь Филиппу. – Я буду молиться за ваши чувства. Надеюсь у вас все сложится замечательно.

Последних слов Филипп почти не слышал. Мелани Марсо прочно засела в его голове и не собиралась отдавать ни пяди места для других мыслей. В полном беспомоществе писатель мчался сквозь темноту ночи, сквозь свет дорожных фонарей, сквозь толпу пьяниц и немногих работяг, что толь-

ко сейчас освободились от дел, к своему дому, чтобы наконец привести мысли в порядок, чтобы наконец расставить все точки. Но мрачность улиц давила на сознание. *Зачем ты снова пытаешься любить? Вернее, зачем ты снова собираешься притворствоваться?* Паучиха шла за Филиппом, не отставая ни на шаг, словно порхая в длинном платье. Ее присутствие вызывало тревогу, но вместе с тем, было чем-то знакомым и давно понятным. *Очередная жертва твоих фантазий, твоих иллюзий, которыми ты одурманиваешь девушек. Может они и верят, что ты великий творец, что будь они с тобой, их непременно накроет ореол славы, которым ты, по своим нелепым убеждениям, окружен с детства. Им ты это можешь внушить. Но, родной, нам с тобой правда давно известна. Ты не гений. Даже не творец. Просто притворщик. Слабый, недостойный существования притворщик.*

Филипп ускорил шаг, пытаясь убежать от темных мыслей, но чем быстрее шел он, тем быстрее порхала паучиха. Как бы ни старался он запутать ее извилистыми переулками, узкими лестницами, рыночными прилавками, спутница не собиралась оставлять француза.

Уйди от меня! Я не хочу это выслушивать! Все твои слова – одна сплошная ложь! Ты всю жизнь стоишь на моем пути, мешая мне обрести счастье!

Ты действительно считаешь себя достойным счастья? Ты, со всеми своими изъянами, своим скверным

характером, со своей лживой натурой! Посмотри, что ты только сегодня натворил! Погубил сразу двух девушек! Приворожил одну, которая, быть может, уже на днях сыграла бы свадьбу с видным военным! Вторую и вовсе заставил пойти на грех: ворваться в дом подружки, которая доверила глупой Фриде ключи!

Я не могу быть повинен в чужих грехах. Она сама сделала такой выбор. Да, я был груб с Фридой, да она не заслуживала такого отношения, но я ни к чему ее не принуждал.

Какая изворотливая ложь! Надавил на хрупкую девушку, силком отвел ее к двери, предварительно оскорбительно унизив, и заставил, и никаким другим словом этого не описать, именно заставил ее открыть дверь, которую сам открывать просто боялся, да и отворять которую было никак нельзя. Что самое страшное – ты сам все это прекрасно знаешь. Просто снова отговариваешься дабы обмануть самого себя.

Филипп перешел на полноценный бег. Врезаясь в гладкие стены, спотыкаясь о ступеньки, перелетая через ограды, француз оказался запертым в тупике одной из улиц. Белая стена, высоты которой казалось не видно вовсе, оказалась непреодолимой преградой. Обернувшись, он увидел лишь силуэт маленькой паучихи, неторопливо идущей, казалось слегка подпрыгивающей в свете тусклых уличных фонарей прямоком к Лавуану. Едва она зашла в проулок, свет, озаривший улицу, исчез и девушка растворилась во мраке но-

чи. Но лишь спустя мгновение, Филипп понял, что она никуда не уходила, что существо, преследующее его, пусть и привычное, но теперь так сильно его пугающее, разрослось в темноте и на свет луны, выглянувшей из-за туч, вылезло полное тело монстра. Восемь гигантских глаз уставились на писателя, столько же ног, медленно перешагивающих одна за другой, подносили огромное черное тело паучихи все ближе и ближе к писателю.

Ты урод. Слова казалось эхом отражались от стен и доносились до Филиппа звоном бесчисленного количества колоколов. ***Ты разрушаешь все, что любишь. Скольких ты уже погубил? Когда же ты поймешь, что лучше бы тебе просто лечь и подохнуть здесь, в этом грязном переулке.***

Филипп заткнул уши. Звон колоколов становился невыносим, как и слова этого существа. Обессилев от всех событий, под тяжестью собственной слабости, Лавуан упал на землю и свернулся в надежде, что все наладиться само собой, что голос уйдет, что его страданиям будет положен конец.

Умри уже наконец! Как же ты жалок! Лежишь здесь, как побитая собака! Никакой чести! И после этого, ты еще мнишь себя кем-то?! После этого твой язык поворачивается называть себя «творцом»? Паучиха подошла совсем близко, нависнув страшной черной тучей над скрючившимся Филиппом и продолжала говорить до тех пор, пока писатель не потерял сознания.

Спи спокойно и надейся, что никогда не проснешься.

~ III ~

– Не гоже так в грязи валяться.

Низкий голос с грубым акцентом раздался где-то высоко над головой Филиппа. Едва продрав залипшие от глубокого сна, глаза, Лавуан был ослеплен копной рыжих волос. *Фрида... Нашла меня...*

– Все хорошо, мсье Лавуан? – голос стал еще грубее и будто ближе.

Карим глазам француза предстала вовсе не маленькая немка, а ее большой кузен. Вместо миловидного, как сейчас осознал писатель, пяточка Фриды, все внимание героя было акцентировано на выдающимся лбу немца, который, как казалось отсюда снизу, занимал не менее половины всего лица. *Боже, Аполлон бы в голос рассмеялся с такой рожи.* Грязная густая борода, поглотившая вторую половину лица, также выглядела некрасиво, приютив на себе сажу и грязь, а может и вовсе какую-нибудь живность. От этой мысли Лавуана передернуло, что, однако, помогло ему подняться быстрее с пыльной дороги.

– Все хорошо, – отряхиваясь, промямлил Филипп. – Ничего такого, к чему бы я не был привыкшим. Ты как тут, Хельмут?

Немец стоял, одаривая происходящее вокруг исключи-

тельно тупым взглядом. Несмотря на то, что у Фриды и Хельмута глаза были нежно-голубого цвета, тот свет, что исходил от очей сестры, никак не был сравним с тяжестью и мрачностью взора брата. Казалось, что все то варварское, что зачастую приписывается немцам французами, отразилось именно на Хельмуте и на нем одном, ведь второго такого варвара найти в округе не получится. Из-за своей внешности немец, само собой, сильно страдал. Работу он мог найти только самую грязную и неприглядную, ту, за которую обычный француз едва ли возьмется. Благо, телосложение позволяло ему выносить тяжелейшие нагрузки. Пусть Хельмут и не был высок или особо мускулист, но, будучи исключительно жилистым, выполнял такие задания даже лучше многих именитых мастеров. Руки его были похожи на загородный пейзаж, где вены – это полноводные реки, ярко выделяющиеся на фоне белоснежной кожи, волосы – могучие осенние, из-за своего характерного рыжего цвета, деревья, а шрамы, коими руки изобиловали, были похожи на небольшие карьеры. Немец, будучи человек простым и, не побоюсь этого слова, незатейливым, едва ли мог сам разглядеть всю красоту своих рук, но Лавуан, чувствував себя, по его собственным словам, гением, легко мог различить эту великолепную картину.

– Вчера перебрал, – Филипп не сразу отошел от транса, которым его наградило внезапное пробуждение, но, найдя в себе силы, медленно побрел в сторону еще пустующей улицы.

– Бывает, – ответил Хельмут. – Раньше батенька мой тож выпивал частенько. Ни к чему хорошему эт не привело. Не удивлюсь, что он, нажрамшись в окопе тогда на войне то и погиб.

– Война дело бессмысленное, – Лавуан даже не удосужился полностью повернуться к собеседнику, – какая разница трезв ты или пьян, когда тебя заставляют лезть под пули во имя эфемерной цели. Государь, свобода и прочая ерунда – всего лишь громкие лозунги, но за ними воистину оглушающая пустота.

Хельмут не ответил, а если бы и ответил, француз вряд ли смог бы уловить хоть слово не только из-за нарастающей головной боли, но и от увеличивающего между собеседниками расстояния. Сейчас Филиппу было не до душевных диалогов с черноработчим. Нужно было добраться до дома раньше, чем встанет мадам Бош, ибо ее недовольства организм Лавуана был совсем не в состоянии выдержать. По крайней мере, не сейчас.

Улицы города в четыре утра поистине прекрасны. Летний рассвет, столь ранний и чудесный освещал пустые безлюдные пространства меж домов. Все спокойно спят, пытаясь отнять у Гипноса последнюю возможность запастись силами для следующего дня и только одинокие животные – бродячие собаки и кошки – перебегая с одной стороны улицы на другую, нарушали общий хор тишины. Даже в столь подавленном, в каком-то смысле безжизненном состоянии, в коем

прибывал Филипп, можно было наслаждаться легким утренним воздухом, который бодрил, воодушевлял, а особенно внимательных вдохновлял на великие свершения. А сейчас дорога домой никак иначе как воистину великой, призывающей преодолеть настоящие тернии, назвать было нельзя.

Свет в окне уже не горел. Керосин выгорел, в открытое окно наверняка насыпало листьев и прочего мусора. *Удручает. Помереть охота.* Мысль тяжелая, но привычная уму Лавуана. Если утром она появляется, то день изначально был обречен на неудачу, ведь мысль эта разрастается в бодрствующем уме как гангрена, заражая здоровый ум гадкими мыслями.

Мадам Бош на крыльце видно не было. *Спит.* Обычно с утра она любит покурить свои сигареты, вставленные в старенький мундштук, наблюдая за безлюдной площадью, находившейся на соседней улице. Отсутствие хозяйки могло говорить лишь о глубоком сне, в котором она прибывала. Филиппу стоило воспользоваться возможностью и незаметно проскользнуть вверх по лестнице на свой этаж, но это было бы не в духе нашего героя. Мысль, упомянутая выше, уже поразила здравый смысл, обычно явственно слышимый французом.

На днях, может дней шесть назад, мадам Бош демонстративно выгоняла всех жильцов, чтобы разлить по всем щелям отраву от крыс. Разумеется, сам процесс сопровождался непрерывным брюзжанием по поводу нечистоплотности по-

стояльцев, что, по ее мнению, и привлекло в здание непрошенных хвостатых гостей. Разумеется, все это чушь, крысы перебежали из магазина за углом – все это знали – но вспомнился этот случай Лавуану не случайно. Крысиный яд, покупавшийся в таком обилии, наверняка должен был остаться, и Филипп, отягощенный мыслями о самоубийстве, посчитал это идеальной возможностью для осуществления своего богопротивного плана.

Дверь на кухню, располагавшуюся недалеко от входа, как по счастливому совпадению была не заперта. Боясь издать даже малейший звук, француз лишь слегка приоткрыл дверь и протиснулся в образовавшуюся щель. *Куда ты положила его?* С жадностью Лавуан стал открывать ящики кухни, отбрасывая ненужные банки и склянки, столовые приборы, полотенца и прочую мишуру. Писатель поймал себя на мысли, что никогда не притрагивался к стряпне мадам Бош, то ли от нелепой мысли о возможном отравлении, то ли просто от неприятного запаха ее блюд. *Наконец!*

Заветная скляночка была совсем маленькой. Рядом с ней покоились три ее сестры, но Филипп не стал трогать их. Во-первых, старуха сразу заметит отсутствие всего яда, во-вторых, Лавуан может и параноик, но вполне уверен в том, что одного флакончика будет более чем достаточно для быстрой смерти.

– Меня потеряли, мсье Лавуан?

От неожиданности сердце ушло в пятки. Филипп маши-

нально сунул бутылку в карман и развернулся, чтобы встретить хозяйку лицом к лицу.

– Что Вы у меня крадете? – мадам Бош демонстративно протерла очки, ожидая ответа.

– За кого вы меня принимаете? – подделал оскорбленный тон писатель.

– Тогда что в кармане? – старуха не отрывала взгляда от язычка пиджака, который замялся вовнутрь.

– В этом? – писатель мог притворяться олухом, когда ему это необходимо и частенько этим пользовался в корыстных целях. – Здесь квартплата за два месяца, – в руке Лавуана оказался конверт, которым его наградила мсье Гобер, и о котором Филипп даже успел было позабыть.

– Как благородно с Вашей стороны.

Старуха, едва завидев заветный конверт, с несвойственной ее возрасту прытью оказалась подле француза. Тонкие морщинистые пальцы превратились в лапу хищной птицы, которая вцепилась в деньги и, как Филипп ни пытался сопротивляться, а на это у него сейчас совершенно не было сил, вырвала у писателя его задаток. *Старая карга!*

– Что же Вы не сказали, что и следующий месяц решили оплатить? – пересчитывая деньги, произнесла мадам Бош.

– Хотел сделать приятный сюрприз, – с ноткой грусти в голосе ответил Лавуан. *Надо было хоть что-то себе оставить... Почему я вечно так спешу?*

Сил на беседу у Филиппа совсем не осталось. *Как же*

ты теперь без гроша в кармане будешь тягаться с Виктором Моро? На этот вопрос у писателя ответа не было. Перебирая склянку в кармане пиджака, он медленно поднимался по скрипящим ступеням на свой этаж. Сейчас мысль о самоубийстве совсем не казалась такой уж иррациональной, наоборот, именно в свете последних событий Лавуану этот путь виделся наименее болезненным для его собственной персоны, чем прочие. На секунду он остановился у окна. Нет, там не было ничего интересного, просто, поднимаясь на эшафот, человек начинает видеть красоту повсюду. Филиппу всегда казалось, что эта человеческая черта и есть воплощение трусости, надежный маркер, показывающий, что душа человека готова цепляться за что угодно, лишь бы не прерывать свой земной путь.

– Мне знаком этот взгляд.

Акцент, с которым была произнесена фраза, был до боли знакомым, но голоса этого Лавуан раньше не слышал. Повернув голову, молодой человек увидел старичка, лет эдак семидесяти в больших круглых очках с толстыми линзами. Под ними покоились старомодные пышные усы, голову венчали седые, неаккуратно отпущенные волосы. Морщины, поедавшие лицо этого человека, делали владельца умудренным жизненным опытом в глазах окружающих, но искренняя детская улыбка, украшавшая сейчас его физиономию, выдавала в нем еще не успевшую отмереть юность.

– Боюсь, мы не знакомы, – дедушка протянул сухую ру-

ку, – гер Шульц, я живу этажом ниже.

– Филипп Лавуан...

– Не стоит представляться, право, – еще больше повеселел немец. – Кто же не знает Вас в этом доме? Каждый хоть раз да бывал на Ваших представлениях. Многие говорят, что драматург ничто в театре, что главную работу выполняют актеры и постановщики... Но мы же с Вами понимаем, что это чушь? – старик, словно игривая нимфетка, подмигнул писателю. – Это все равно, что сказать будто бы молоток сам забивает гвозди, или кисть рисует картину... Актеры – инструмент, ни больше ни меньше.

Слова собеседника взбодрили Филиппа, вырвав из омута греховных мыслей. Его рассуждения, безусловно лестные, поднимали самооценку и, что немаловажно, вторили собственным рассуждениям Филиппа о природе его профессии.

– Выглядите не очень, – отметил Шульц. – Пожалуй, стоит обратиться к врачу. Ваше состояние не может не удручать...

– Не волнуйтесь, гер Шульц, – поспешил успокоить немца француз, – это всего лишь из-за недосыпа. Обычное недомогание – не более того.

Немец внезапно сделался серьезным. Столь резкая смена настроения на лице немного напугала Филиппа, но внешне писатель старался оставаться невозмутимым. Шульц почесал лоб, затем глубоко вздохнул и сказал:

– Недомогание может перерасти во что-то куда более плачевное, гер Лавуан. Уж не знаю, чем вызван ваш недосып, но

рекомендую Вам попробовать это, – он медленно достал из большой кожаной сумки, до того момента покоящейся у немца на поясе, банку с голубенькими пилюлями. Драже перекачивалось в беспокойных руках Шульца, пока тот передавал сосуд писателю. Филипп с осторожностью и неохотой взял подарок, но продолжал внимательно изучать как само лекарство, так и врача, выписавшего его. Немец заметил недоверие собеседника. – Не беспокойтесь, это Вас не убьет, – он позволил себе рассмеяться, обнажив оставшиеся пожелтевшие зубы, – станете спать спокойно, вернетесь во времена своего младенчества, к тому покою, что теряет человек с возрастом.

Романтичная натура доктора импонировала Лавуану. Романтичные люди, пусть и нечастое, а нынче даже вымирающее явление, тем не менее то тут то там встречаются в среде самых разных профессий. *Он мог бы быть философом, родись в Древней Греции. Быть может вторым Гиппократом, но, увы, он вынужден влачить свое существование сейчас, в то время, как на первое место выходит рационализм, уничтожая человеческие чувства, а стало быть и романтику, и вместе с ней саму человеческую душу.*

Филипп молча кивнул и поспешил подняться на свой этаж. Разговоров со стариками, блуждающими в четыре утра с омерзительно-позитивным настроением, с него достаточно. Сейчас он хочет отдохнуть. Комната была не заперта. *Глуно.* Канарейка во всю пела дифирамбы новоприбывше-

му господину, печатная машинка молча хранила написанный давеча текст, постель смиренно ждала, что в нее упадут. В комнате было свежо. Лавуан сел на подоконник, медленно подтянул ноги, вдохнул побольше воздуха и достал из кармана склянку с ядом.

Глупая затея. Паучихи не было видно, но голос ее был также отчетлив, как голоса мадам Бош или гера Шульца. *Ты же знаешь, что это глупая затея. Почему не умереть по-мужски? Яд – наше, женское оружие. Вы, мужчины, должны сравнивать счет с жизнью совсем по-другому.* Филипп выглянул в окно. Мощенная улица так и звала его тело в свои объятия. *Есть ли разница как умирать?*

Есть. Ты и сам знаешь. Просто ты слишком слаб, чтобы сделать шаг навстречу смерти... Голос меланхолии становился все слаще, все приторнее и вместе с тем все ехиднее и омерзительнее. Во втором кармане писатель обнаружил склянку с драже. На секунду ему показалось, что довериться совету доктора вовсе неплохая идея. *Выбрось эти пилюли в окно! Какой смысл продолжать влачить жалкое существование? Ты одним своим видом позоришь все, к чему прикасаешься! Довольно этого!*

Резким движением руки Лавуан впихнул в себя таблетку. Мощным глотком протолкнул ее внутрь и стал ждать результата. Все, что пришло вместе с таблеткой – усталость. Ноги сами повели писателя на кровать, чтобы ни дай бог в таком состоянии не вылететь в распахнутое окно. *Организм дума-*

ет обо мне больше, чем я сам...

Перед глазами как калейдоскоп раскинулись события прошедшего дня. Мелани, Фрида, Виктор, Бош, актерская труппа и прочие – все они, со своими мыслями, эмоциями, рассуждениями в один момент атаковали разум француза. Поначалу это показалось адом, но спустя пару минут, всех их поглотило море спокойствия. Каждый из встреченных людей тонул в поднимавшихся волнах океана и затем, когда последние мысли захлебнулись соленой водой, тучи разошлись, выглянуло солнце и вода, бурлившая последнюю минуту так, словно сам Посейдон гневался на весь людской мир, застыла в штиле. Ни ветерка. Только спокойный сон.

Проснулся француз уже от обеденного солнца, постучавшегося в открытое окно. Впервые за долгие годы писатель не чувствовал усталости пробуждения, был бодр и полон сил, что виделось непривычным, казалось неправильным и потому пугало. Канарейка, будто переняв настроение владельца, запела со всем своим мастерством, призывая хозяина начать новый день с позитивного настроения. Пение птицы в кои-то веки не раздражало Лавуана, даже помогло ему подняться и подойти к своему рабочему месту. Текст, с таким энтузиазмом написанный недавно, после прочтения оказался далеко неидеальным, что, в целом, сейчас уже и не казалось настолько критичным. *Пара правок и с этим можно покорять публику.*

Помимо исправления ошибок, что заняло не так мно-

го времени, как можно было подумать, Филипп продолжил написание своей работы. К батальным сценам, которые де-вушкам едва ли будут интересны, Лавуан решил добавить несколько любовных линий. По задумке писателя, романтические аспекты пьесы должны быть во всех плоскостях, должны так или иначе пронизывать весь сюжет, ведь, пусть история Жанны Д'Арк сама по себе и должна акцентировать все внимание юных зрительниц на их грядущей эмансипации, сам сюжет должен быть именно про любовь, ведь таков заказ сверху. Впрочем, одно другому никак не мешало. Пусть мсье Гобер и не слишком доволен политикой суффражисток, пусть он и тиран в своем быту по отношению к женщинам, этот человек слишком любит деньги, слишком хорошо понимает, что такого рода «продукты», как он сам однажды окрестил одну из работ Филиппа, могут принести очень большой доход.

Вдохновение покинуло писателя около четырех часов. Связано это было прежде всего с подступающим голодом. Едва поднявшись со стула чтобы пойти искать себе пищу, Филипп услышал едва уловимый, будто владелец рук при смерти, стук в дверь. Дверь, о ужас, была не заперта, но гость не решался войти, что немного напугало Филиппа, но в то же время, заставило уважать новоприбывшего за соблюдение личных границ хозяина комнаты. Лавуан поспешил открыть дверь и, увидев на пороге мадам Бош, был удивлен. Ничего странного в том, что хозяйка стучится к постояльцам

нет, но в руках у старушки красовался красивенький позолоченный поднос, на котором красовались горячие бутерброды и свежесваренный чай. Картина поразила писателя, ведь за все годы, что он снимал у этой пожилой мадам квартиру, Филипп ни разу не получал завтрак лично в комнату, хотя данная услуга входила в общий перечень.

– Надеюсь, я не сильно потревожила, – мадам Бош натянула улыбку, пытаясь казаться приветливой и дружелюбной, но вышло настолько отвратно, что Филиппу захотелось отвернуться, и лишь хорошие манеры не позволили ему так поступить. – Обед готов. Я хотела зайти раньше, но, увы, не смогла достучаться.

– Прошу прощения, – поспешил оправдаться Лавуан, – работа сильно изматывает...

– Понимаю, и не смею мешать, – старушка вручила поднос Филиппу и поспешила удалиться. Писатель не сразу смог избавиться от ступора, порожденного ситуацией, но когда нашел в себе силы развернуться и пойти обратно к столу, то услышал: – И да, поднос верните, мсье Лавуан!

Даже такой акт вежливости эта женщина сумела испоганить. Закуска и чай испарились также быстро, как и появились. Во время трапезы Филипп думал о предстоящем свидании с Мелани, о ее увлечении живописью, о Викторе Моро. Часы показывали пять. Пора было бы выдвигаться, но писатель стал сомневаться в намерении Мелани прийти на свидание. Даже в самом факте встречи Лавуан сомневал-

ся, ведь буквально ночью девушка спешила к Виктору Моро, откуда, весьма вероятно, она уже не вернется, а если и вернется, то совершенно неясно с каким настроением. Все эти мысли мешали сосредоточиться. В обычной ситуации Филипп уже сдался бы, отдал инициативу в руки судьбы и продолжил плыть по течению, как он и делал большую часть своей жизни. Но толи недавно принятые препараты, толи откуда-то взявшиеся моральные ресурсы не дали писателю впасть в уныние. Быстро собравшись, он пошел к выходу. Внизу его встретила мадам Бош, которую он едва заметным кивком поблагодарил за трапезу и, вспомнив об оставленном в комнате подносе, поспешил скрыться в суматохе улицы.

Город, еще спокойно спавший утром, бурлил жизнью в этот вечер. Попав в общий поток людей, спешащих в центр, где их ждет веселое времяпровождение, Лавуан чувствовал себя неуютно. Нельзя сказать, что у него была социофобия, пусть он сам и любил напустить красок на свой и без того непростой характер. Дело было скорее в глупой привычке Филиппа идти против мнения общества. Он всегда исходил из того, по его мнению, факта, что большинство людей – полные идиоты, едва способные серьезно мыслить, а стало быть, и то, что нравится большинству априори что-то низкое и не заслуживающее никакого внимания. Пусть Лавуан никогда не был в кругах того нобилитета, в чьих руках хранится настоящая власть, он всегда считал себя интеллектуальной элитой, той, что пусть и не владеет богатствами ма-

териальными, но богата ценностями духовными. А такой ресурс подчас даже важнее. Ведь пока один распоряжается городской казной, имея с этого лишь небольшой, относительно той ответственности, что выпадает на его долю, материальный доход, второй управляет умами людей через самые разные инстанции. Газеты, книги, выступления, шутки, да даже театр, в котором наш герой работает – все это формирует сознание французской толпы, за которой, был уверен Лавуан, будущее. И все же, нашему повелителю разумов, было среди скопления того люда, которым он мечтал распоряжаться, максимально некомфортно.

До назначенной встречи было еще полчаса. Филипп хотел зайти купить свежих цветов, однако вспомнил, что карман его прохудился еще с утра, что привело писателя в уныние. На скамейке сидела Мелани. *Почему она пришла так рано? Наверняка только от Виктора Моро, чтоб его!* Писатель, несмотря на хваленную собственным эго способность подмечать мельчайшие детали, не сразу заметил, что девушка одета не как вчера, что вечером она уходила в теплой накидке и черной юбке, а сейчас оделась в красивое белое платье. Волосы были собраны в два пучка, покрытых тонкой черной сеткой. В этом образе она напоминала нимфу, сошедшую прямо древнегреческих мифов.

Ты ее не заслуживаешь.

Сейчас Лавуан был солидарен с меланхолией. Этот факт встал комом в горле и едва давал французу дышать. Лег-

кий взгляд Мелани скользил по бегущим туда-сюда прохожим. Она сидела к нему спиной, и все же Филипп отчетливо представлял себе тот богоподобный образ девушки, которым она одаривала своим сдержанным взором толпу. Будто услышав мысли писателя, Мелани обернулась, и ее взгляд, столь мягкий, столь нежный и теплый, что мог легко растопить лед нерешительности Филиппа, пал на француза. Уголки губ слегка приподнялись, придав лицу девушки приветливый, в какой-то мере совершенно несвойственный, но в то же время совершенно притягательный вид. Немного потоптавшись на месте, Лавуан, влекомый красотой своего предмета воздыхания, ринулся к скамейке, где сидела Мелани. Солнце, показавшееся из-за тени здания, слепило, тяжелый теплый воздух мешал дышать, толпа, как назло, не желая расступаться, вставала на пути, не позволяя пройти. Но все эти препятствия, готовые в любой другой момент времени расстроить ранимого француза, сейчас были словно мухи, пытающиеся остановить спокойного и целеустремленного слона.

– Правильно, что не взяли цветов, – улыбнулась Мелани.

Какой же ты жалкий. Пришел на свидание с единственной любовью своей жизни и забыл принести даже этот скромный подарок. И дело ведь не в деньгах, не в том, что ты как последний остолоп отдал все средства этой старой карге – нет, дело не в этом. Ты ведь мог нарвать цветов в парке по дороге, мог попросить девушку из цветочного, задолжавшую тебе круглую сумму, да

мог хоть украсть эти чертовы цветы! Но ты просто забыл. Жалкий... жалкий человек.

Филиппу стало дурно от наплывших эмоций, вызванных этой оплошностью. Он не находил себе места, хотелось, чтобы прямо сейчас земля разверзлась, оттуда появились холодные лапы Люцифера, его длинные когти пронзили бы плоть Лавуана и утащили в самое сердце преисподней, где ему самое место. Но писатель оставался неподвижен.

– Не люблю я эту фамильярность, – Мелани встала со скамьи, подхватила Филиппа под руку и сама, чуть ли не с силой повела его в сторону театра. – Цветы стали совершенно вульгарным жестом, не считаете?

– Склонен с Вами согласится, – сдержанно поддержал Лавуан. Он никогда об этом не думал, был поборником отцовской морали и материнских советов относительно этикета обращения с девушкой, а стало быть, цветы должны были быть обязательным презентом и, узнай его мать, что сын пришел на свидание с такой дамой, не имея ни то что плохого, вообще никакого букета, он был бы очень строго отчитан.

– Принеси Вы мне какой-нибудь веник, – Мелани пристально посмотрела в глаза Филиппу, – я бы сделала определенные выводы... Не скажу какие, но определенно сделала бы.

– Любовь нельзя просто купить, – поддержал Лавуан.

– Именно так, – закивала девушка. – Мне жаль, что не все мужчины способны понять сей простой факт. Особенно

старомодные солдафоны.

Неужели я побеждаю Моро? Я ненароком нанес этому здоровяку пренеприятнейший удар. Настроение Филиппа поднялось до невиданных высот. От низшей точки ада до высшей точки рая дорога составила пару минут и столько же теплых слов.

– Боюсь, людей, готовых тратить большие средства, но не готовых тратить моральных сил для отношений, сейчас большинство, – Филипп верил в то, что говорил. Может в нем говорила бедность, может умирающий романтик, но слова, сорвавшиеся с уст, были искренними.

– Удручающий факт, – подтвердила Мелани. – Но, если есть мужчины, которые привыкли дам покупать, стало быть, и девушки вовсе не против уподобляться товару.

Точность, радикальность этой мысли понравились Филиппу. Рассуждать так ясно могла не каждая девушка – это Лавуан знал из личного опыта. Большая часть дам, что встречались на его жизненном пути, были глупы и недалеки. Можно было бы сослаться на некорректную выборку, на дурной вкус француза, но он сам, к сожалению, основывался ровно на том опыте, что имел за плечами. Потому речь Мелани, мысли, которые она декларировала своим ангельским голоском, казались ему чем-то необычным, доселе невиданным, отчего образ мадемуазель Марсо взлетел в глазах Филиппа до небес, оставив позади, на грязной земле, все остальные отношения писателя.

У здания театра толпились люди. Очередь, сформировавшаяся из-за неопытного билетера, раздражала многих, но не нашу пару. Воистину, увлеченные натуры сложно оторвать от основного занятия, коим сейчас был увлеченный разговор двух влюбленных. Трудно сказать об истинных чувствах француженки, но чувства писателя можно было прочесть с его одухотворенного лица. Даже все мастерство скрывать чувства не справлялось с эмоциями, бурлившими внутри Филиппа. Живя разговором обо всем на свете и в то же время ни о чем, пара даже не заметила, как купила билеты, как прошла в переполненный коридор, как добралась до гардероба.

– Добрый вечер, – если бы знакомый обоим голос Фриды не вывел пару из транса, они, возможно, проговорили бы весь вечер напролет, игнорируя представление, на которое пришли посмотреть.

– Здравствуй, Фрида, – улыбнулась Мелани, наблюдая за тем, как ее партнер передает немке пиджак. – Как ты? Не видела сегодня Хельмута, с ним все хорошо?

– Да, все отлично, – Фрида говорила, нисколько не отвлекаясь от основной работы. – Хельмут теперь задерживается допоздна и дома бывает крайне редко.

– Печально, – отметила Мелани.

– Да, разумеется. Но мы с братом не в том положении чтобы жаловаться. Мы рады работать там, где нас принимают.

– Если бы все люди в этой стране рассуждали как вы двое

– мы бы достигли воистину великих вершин, – заключила француженка.

На этой минорной ноте разговор был окончен, но тот осадок, что от него остался, породил мысль, которая вылилась в последующий диалог. И пусть Филипп отчетливо видел, что его спутница находится во власти неприятных дум, он и представить не мог, о чем на самом деле пойдет речь.

– Мне нужна Ваша помощь, – Мелани остановилась, толи для демонстрации трагизма ситуации, толи от того, что предмет диалога действительно был для нее важен.

– Разумеется, – Лавуан позволил себе взять собеседницу за руки, – я помогу если это будет в моих силах. По правде сказать, – Филипп закашлял, – мало что в этом мире находится в моей власти.

– Может быть, – отвела глаза Мелани, – но я уверена, здесь Вы можете повлиять самым положительным образом...

Девушка опустила взгляд вниз. Мысли, формулирующийся в ее голове, будто эхом отдавались от стен театра и, если бы Лавуан не был так глух, он мог бы уловить суть сказанного еще до самого разговора.

– Ваша новая пьеса... – француженка подбирала слова осторожно. – Знаю, что Вы пишете пьесы исходя в том числе из актеров театра, которые возможно сыграют ее... Вы подбираете роль под них, так ведь?

– Это отчасти правда, – согласился Филипп. – Правда, порой они умудряются не попадать в написанный образ...

– Да, разумеется, – оборвала его девушка, – актеры лишь люди, от этого никуда не деться. И все же... Не могли бы Вы... Написать роль для Фриды?

Просьба эта, пусть и была прогнозируема, застала Лавуана врасплох. Бедняжке Фриде писатель и сам хотел бы помочь, однажды он даже заикнулся о ее возможных талантах перед мсье Гобером, но, увидев неоднозначную реакцию, предпочел ретироваться. Выступление немки на сцене казалось Филиппу своего рода преступлением перед искусством: актрисой назвать ее было никак нельзя, даже роль гардеробщицы ей досталась лишь благодаря случаю, благодаря состраданию и большому сердцу, по собственным словам директора, мсье Гобера. Так или иначе, выполнить такого рода задачу было бы непросто. Пришлось бы не только унижаться перед директором театра, но и наступить на горло собственному чувству прекрасного.

А если дать ей главную роль? Ведь это было бы странно, но в то же время интересно. Образ не тот, да и играет она из рук вон паршиво, но может это и нужно?

Чушь. Полная чушь.

– Я постараюсь что-нибудь придумать, – смиренно кивнул Лавуан.

Слова вырвались сами. Разум пытался удержать строптивый язык, но тот как обычно спешил и решал все сам.

– Я была бы Вам признательна до глубины души! – загорелись глаза Мелани. Казалось, она и не рассчитывала на по-

мощь спутника, но, услышав заветные слова, поверила в чудо.

Пара направилась по лестнице наверх – в сторону балкона, где Филипп забронировал кресла. Свободные места на балконе были своеобразным показателем статуса писателя, которым он пусть и изредка, но все же пользовался. Пройдя в еще полупустой зал, Филипп и Мелани не спешили садиться – девушка решила оценить вид с высоты второго этажа и, опершись локтями на борт, принялась рассматривать сцену. Писатель последовал ее примеру, но сразу же пожалел об этом. Снизу его заметила Мелиса, подзывавшая драматурга вниз своим тонким пальцем. Филиппу хотелось сделать вид, что он не видит старую подругу, но такую светлую копну длинных волос, столь выделяющихся на фоне старого бордового ковра и такого же цвета обшарпанных стен, было сложно не заметить. Лавуан хотел было извиниться перед своей пассией, сказать, что ему нужно ненадолго отлучиться и он постарается как можно быстрее освободиться, дабы воссоединиться с девушкой, но Мелани его опередила:

– Я подожду, мсье Лавуан. Постарайтесь не задерживаться. У меня на Вас большие планы.

Слова теплой волной окатили Филиппа. Улыбка родилась на лице без ведома хозяина и он, не обращая внимания ни на что, кроме голоса Мелани, все еще отчетливо звучащего у него в голове, побежал вниз по ступенькам, дабы быстрее разделаться с так не вовремя назревшим вопросом старой

подруги. Постоянная беготня последних дней утомляла героя. Ведомый чувствами он совсем уж и позабыл как давно он не ходил столь много. Мелисы не было в проходе. Поняв, что она, должно быть, ушла за кулисы к остальной труппе, Лавуан направился туда.

Шум актеров ударил по ушам писателя. Непривычный, и не желавший привыкать к подобному безобразию, француз принялся быстро искать светловолосую девушку, ради которой он спустился в этот ад. Сейчас он чувствовал себя Данте, искавшим образ Беатриче, без конца ускользавшим от его взора.

– Меня ищешь? – способность Мелисы появляться из ниоткуда начинала раздражать.

– Боюсь, нет, – возразил Филипп, – это ты меня искала. Интересно с какой целью.

Девушка взяла его за руку, как молодого любовника, и потащила в сторонку к декорациям, подальше от громогласного Жака Трюффо, который что-то декларировал своим коллегам. Лавуан поймал себя на мысли, что сделал бы что угодно, лишь бы мадемуазель Марсо не увидела его с Дюбуа, лишь бы не поняла эту сцену неправильно.

– Рассказывай про свою новую девушку, – Мелиса не церемонилась с выбором слов. Казалось, что она ведет разговор со старой подружкой, хотя даже с ней разговор был бы менее фамильярным.

– Боюсь, мы еще не пара... – отступал Филипп.

– Давай без твоей неуверенности, Боже, – Дюбуа демонстративно закатила глаза. – Я не слепая – я вижу, как вы друг на друга смотрите, как держитесь друг с другом.

– И что же такого особого в нашем поведении? – недоумевал писатель.

– Довольно прикидываться олухом, прошу, – Мелиса, казалась, ни на шутку разозлилась. – По тебе то дураку сразу видно, что ты влюблен по уши – тут и разглядывать ничего не надо, знай только тарелку для слюней подставляй, чтоб паркет не запачкать.

– А с Мелани? – с животным интересом спросил Лавуан.

– Она ведет себя куда сдержанней... – девушка призадумалась. – Сразу видны хорошие манеры. Не бросается к тебе на шею, хотя порой язык ее тела говорит, что она этого хочет.

Филипп доверял своей подруге. Может она сама манер не соблюдала, но за остальными всегда наблюдала с особым вниманием, отчего приобрела большой опыт в том, как и с кем стоит держаться. Природная простота, животная страсть, что порой из нее выливалась, часто находила отражение в поведении окружающих людей. Пусть на стороне Мелиссы не было той могучей эмпатии, что владел Лавуан, но познаний в человеческих отношениях у Дюбуа было не меньше, а быть может намного больше, чем у писателя.

– Конечно до моего мастерства ей далеко, – рассмеялась девушка, – но она старается.

Твое мастерство и впрямь велико. В голове Филиппа воз-

никла темная идея, которая так заморозила писателя, что противиться ее притягательности он был не в состоянии.

– В этом я, к сожалению, сомневаюсь, – ответил Лавуан. Лицо Мелисы выдало гримасу ужаса, злости и готовности вцепиться в глотку француза подобно хищнице. На секунду писатель опешил и даже сделал шаг назад, но, вспомнив, что стоит на кону, нашел в себе силы устоять под напором доброй подруги. – Боюсь, ухажеры мадемуазель Марсо тебе не по зубам. За ней ухлестывают банкиры, художники и прочий достойный люд. Слышал даже об отставном генерале...

– Ты правда думаешь, что мое обаяние сравнимо с ее? – Мелиса резко указала пальцем в сторону зрительного зала.

– За это говорят факты, дорогая Мелиса, – добил девушку Филипп.

Лицо мадемуазель Дюбуа нездорово обагрилось. Она высунула красную мордочку за штору, чтобы лицезреть свою оппонентку, только что ставшую заклятым врагом. Лавуан последовал ее примеру, чтобы отвести Мелису подальше, ведь, зная горячий характер девушки, она могла наломать дров очень быстро, за что все участники конфликта будут в ответе еще долгое время.

– И что в ней такого?! – негодовала блондинка.

Филипп не мог дать внятного ответа. На самом деле, успех Мелани объяснялся не каким-то одним фактором. Ни ее ум, ни грация, ни красота, ни умение держаться в обществе по отдельности не давало девушки такого преимущества, ведь

отдельные черты характера присутствуют в той или иной степени у всех девушек и лишь их синтез, преуспевший именно в случае мадемуазель Марсо, давал ответ на риторический вопрос Мелисы. Объяснять все это Лавуан не стал, ведь это было бы неуместно, учитывая нынешнее состояние подруги.

– Это один из ее ухажеров? – большие глаза Дюбуа сейчас налились кровью.

Филипп посмотрел на балкон, и сердце его ушло в пятки. Перед хрупким силуэтом Мелани образовалась гигантская тень. Сомнений в личности, владеющей этой тенью, у Лавуана не было. Бритые по моде виски, пышные гусарские усы, большие черные брови и, разумеется, внушительная комплекция в купе с гигантским ростом: все это выдавало Виктора Моро и резко выделяло его на фоне остальных людей. Филипп не боялся его вида, пусть оно того и стоило. Сердце ушло в пятки от того осознания того факта, что едва ему стоило удалиться, как мадемуазель Марсо тут же окружала себя ухажерами.

– Помяни черта, – вырвалось у писателя.

– Знаешь его? – поинтересовалась Мелиса.

– Кто ж не знает Виктора Моро... О его подвигах...

– Это Виктор Моро?! – Дюбуа готова была лопнуть от зависти едва слышав имя. – Один из самых завидных холостяков Франции? И он, этот достойнейший человек, увлекся столь незатейливой девицей?!

Голос Мелисы повышался в геометрической прогрессии.

Казалось, после следующей реплики вся труппа будет интересоваться личной жизнью отставного солдата. Внимания к отношениям Филиппа уже и без того было много, потому он решил перевести разговор в спокойное русло, пусть ему самому это было и нелегко.

– Как видишь, я не блефовал, – тон голоса Лавуана выдавал фальшивое спокойствие, которое, впрочем, мог распознать только истинный эмпат. – Ухажеров подобно этому у Мелани много. Потому я и не воспринимаю свои отношения с мадемуазель Марсо настолько серьезно, – Филиппу едва самому не стало смешно от абсурда, что он нес.

– Я тебе помогу, – отрезала Дюбуа и направилась было в сторону балкона, но рука писателя остановила ее. – В чем дело, Филипп?

– Брось эту затею, Мелиса, – серьезно сказал Лавуан. – Я знаю, что ты хочешь мне что-то там доказать, но в этом нет никакой необходимости. В твоей красоте и умении обращаться с мужчинами я нисколько не сомневаюсь, – на этих словах у Мелисы на щеках выступил только что испарившийся румянец, – но эта рыба слишком серьезна, и она тебе не по зубам.

Девушка остановилась. На мгновение показалось, что она задумалась над словами друга и привела мысли в порядок. Но Дюбуа была бы не Дюбуа, если бы успокоилась так быстро. Нет, ее взрывной характер так просто не утихомирить.

– Я не ради тебя это делаю, дурья твоя башка, – манеры

Мелисы совершенно испарились. – Не будь столь высокомерен. Не все в этом мире крутится вокруг Филиппа Лавуана...

Дюбуа не обращала внимания на активную жестикуляцию француза, к тому же, он остался позади и, как ни пытался поспеть за блондинкой, ему это не удавалось. План писателя сработал даже лучше, чем предполагалось. Холерический нрав Мелисы перевесил здравый смысл и она, сама того не ведая, повелась на поводу у злостного манипулятора. Выдав свое желание за ее собственное, он возможно нашел единственный способ избавиться от столь надоедливого конкурента.

Прямо перед проходом на балкон Дюбуа остановилась, поправила взъерошенные небольшой пробежкой волосы, отряхнула платье – оно было костюмом для предстоящей постановки – вдохнула и вошла в залу. Мелани и Виктор беседовали. Беседу никак нельзя было назвать милой: судя по выражению лица девушки, солдат ей докучал, но не сильно, хотя и этого было достаточно, чтобы она улыбнулась при виде непрошенных гостей. Моро же напротив – был крайне возмущен тем, что его прервали.

– Добрый вечер, – Мелиса, которая еще пару минут назад готова была подобно Зевсу метать во всех молнии, превратилась в милейшее создание. Такое перевоплощение непосвященный в натуру Дюбуа человек назвал бы колдовством. Но не Филипп. Ведь писатель ровно на эти навыки подруги и рассчитывал. – Боюсь, нас еще не успели представить, –

это прозвучало как укор в сторону Лавуана, плетущегося еще позади.

– Мадемуазель Марсо, это мадемуазель Дюбуа, она имеет честь работать здесь – в театре, – исправился Филипп.

– Наслышана о вашем актерском мастерстве, – улыбка Мелани была настолько светлой, что даже Филипп не мог понять притворяется она, или искренне рада встрече. – Мелани Марсо.

– Также наслышана, – кивнула в ответ Мелисса. – Правда в основном из уст дорогого Филиппа, – эти слова пристыдили героя, но спровоцировали смешок со стороны Мелани.

– А это мсье Моро, – указала Марсо на собеседника.

– Виктор Моро, – низкий бас, на фоне милых голосков девушек, прозвучал устрашающе. Маленькие зеленые глазки, прячущиеся под густыми бровями, бурили Лавуана, но, едва попав на мадемуазель Дюбуа, приобретали вид весьма доброжелательный.

– Ваша фигура не нуждается в представлении, – Дюбуа, будучи не очень высокой, приходилось задирать голову, чтобы сохранять зрительный контакт с солдатом. – Полагаю, в этом зале всяк знает кто такой Виктор Моро – герой войны, храбрый воин и человек чести. Большая удача познакомится с Вами.

Кажется, лесть Мелиссы, столь небрежная, столь слащавая, что уши Филиппа едва не закровоточили лишь бы не слышать этого кошмара, сработала тем не менее на ура. Вик-

тор, все это время косившийся на мадемуазель Марсо, переключил свое внимание на миловидную блондинку, столь щедро осыпавшую его комплиментами. *Как можно повестись на такое? Ну что за остолоп! Будь я на его месте, сразу бы раскусил эти уловки.*

– Не хотите ли посмотреть на наш театр? – спросила Дюбуа. – Ах, простите, я, верно, прервала вашу беседу с мадемуазель Марсо. Прошу прощения, очевидно, что Вам сейчас не до скромных экскурсий.

– Все нет, – возразил Моро, – я уверен, что мадемуазель Марсо будет не против, если я отлучусь на несколько минут.

– Разумеется, – подтвердила Мелани, – разве способна хрупкая девушка остановить матерого солдата, – девушки рассмеялись, будто обе оценили издевку, которую, впрочем, совершенно не понял Виктор.

Пара, во главе с Мелиссой, направилась к выходу. Девушка, проходя мимо писателя, кокетливо подмигнула, очевидно намекая на свою оглушительную победу и горькое поражение Лавуана. *Она еще более наивная, чем ее новый ухажер.*

Удачное стечение обстоятельств ободрило француза. Сейчас он верил, что с помощью самой фортуны сумел легко избавиться от назойливого конкурента. Сам себя Филипп убеждал, что он при этом помогает и самой Дюбуа, которая уже давно искала себе ухажера по статусу и похоже только что сорвала большой куш. *Главное не пытаться съесть больше, чем сможешь проглотить.*

Зал постепенно наполнялся людьми, занавес полноценно закрылся в ожидании готовых к предстоящему действию актеров, звонки отсчитывали время до начала представления. Все это Филипп улавливал лишь краем уха, концентрируя почти все свое внимание на разговоре с Мелани. Само содержание беседы в данном контексте совершенно не имело значения – сам факт ее наличия уже грел французу душу. Между тем на сцене уже во всю шел Гамлет. Пьер Шерро в образе главного героя восхищал своей игрой толпу: выразительная речь, яркая мимика, точные интонации, западавшие в душу зрителей – все это доказывало его статус молодой звезды театра. Даже Мелани прерывала диалог, который уже давно перешел в активный шепот, дабы насладиться игрой молодого дарования. Филипп не винил ее. Он прекрасно понимал, что Пьер хоть и был весьма эксцентричным молодым человеком и тем самым в какой-то мере раздражал писателя, тем не менее имел явный актерский талант, которым активно пользовался мсье Гобер.

Вражда Филиппа и Пьера носила давние корни. Все дело в том, что Шерро быстро понял свою значимость для театра и, пусть он и не говорил о своем статусе громко, отдельными действиями показывал, насколько его влияние велико. В частности, был случай, когда актер начинал переделывать пьесу, столь кропотливо написанную Лавуаном, под себя, заменяя реплики, отдельные сцены, а в итоге и весь образ персонажа. На этой почве у молодых людей разгорелся

конфликт, компромисс по которому был найден лишь мсье Гобером – в этом он был мастер, потому свое кресло и занимал – и если бы не директор, то постановку про Фауста французская публика так бы и не увидела.

Совершенно другое отношение было к Жаку Трюффо. Его Лавуан уважал куда больше, а таланта в нем было никак не меньше, чем у вышеназванного коллеги. Однако талант в наши дни совсем не главное. Будь ты хоть современным Исааком Ньютоном, если не умеешь себя продавать или на худой конец не нашел человека, способного тебя грамотно продать – ты будешь сидеть со своим талантом в выгребной яме. Так и случилось с беднягой Жаком. Он был абсолютный идеалист. Все материальные ценности были ему чужды отчего, впрочем, страдала его зарплата. Гобер, не будучи дураком, всячески экономил на своих дарованиях: Трюффо получал зарплату рядового актера. Таким образом между Жаком, настолько вживающимся в роль, что порой даже за пределами театра его можно встретить в каком-нибудь мундире, разучивающим роль посреди парка, и рядовой актрисы, то и дело забывающей простецкие реплики, с точки зрения получаемой зарплаты разницы не было. Филипп, сам будучи тем еще идеалистом, восхищался натурой актера, но даже для него такое отношение к Трюффо казалось чем-то неправильным и даже омерзительным. Мелани, впрочем, тоже оценила игру Жака, указав, что играет он никак не хуже Гамлета. Такое замечание поднимало авторитет девушки в глазах писателя,

обнажая способность мадемуазель Марсо видеть прекрасное даже там, куда ее взор пал впервые.

У первого ряда показалась внушительная туша. Даже при полном мраке образ Виктора Моро различался отлично. Солдат не смотрел на балкон, полностью увлекшись происходящим на сцене. Не совсем понятно куда в итоге отправилась с ним Мелисса – но итог был более чем очевиден. Виктор покорен этой дамой.

– Как удачно они встретились, – будто прочитав мысли Лауана, прошептала Мелани. – Видит Бог, не приди она сюда – не бывать нашей встрече успешной.

– Полагаете, он бы остался? – прошептал в ответ Филипп.

– В этом нет сомнений, – закивала Мелани. – Наш последний разговор снова оборвался на полуслове... Право, спорить с солдатами невозможно – они донельзя упрямы. Порой они не то что собеседника, голос собственного разума не слышат...

– Может его просто контузило?

Мелани еле сдержала смешок. Столь вульгарную и оскорбительную шутку по отношению к такой персоне ей, видимо, слышать не приходилось. От смеха девушки смешно стало и французам, и они вместе залились смехом. Люди вокруг начали оглядываться на пару и бросать осуждающие взгляды, которые, впрочем, растворялись во мраке зала.

– Ваша непосредственность меня поражает, – заключила девушка.

– Стоит ли мне воспринимать это как комплимент? – с улыбкой спросил Филипп.

– Само собой, мсье Лавуан, – улыбнулась Мелани. – Само собой.

Рядом с этой девушкой Филипп расцветал. И пускай сейчас ему было не до написания своего опуса, хорошее расположение духа – это уже большая победа для столь угрюмого человека. В темноте сложно было разглядеть улыбку на лице Мелани и все же Лавуан чувствовал, что прямо сейчас уголки ее губ мило поднимаются при виде Виктора Моро, который наконец дал девушке вздохнуть спокойно.

Она улыбается юному Пьеру. Не обольщайся.

Меланхолия, молчавшая и не подававшая до сих пор виду, вдруг проснулась и притаилась в одном из темных уголков театра. Сейчас она была слаба настолько, что ее хватило лишь на пару предложений. Причину такого недуга соперницы Филипп не знал. Это могло быть прекрасное расположение духа писателя или же остаточное действие препаратов, подаренных немцем еще утром. В любом случае, сейчас болезнь отошла на второй план и испортить настрой героя ей никак не удастся.

Тем временем первый акт подходил к своему логическому завершению. Вот и свет начал зажигаться, а затем в его лучах появился ведущий, объявивший небольшой антракт. *Сейчас нельзя допустить появления Виктора, нужно оградить Мелани от его влияния. Иначе не быть этому вечеру удачным.*

– Мсье Лавуан, – прервала раздумья Филиппа Мелани. – Знаю, что постановка невероятно интересна, и мне правда хотелось бы досмотреть это прочтение классики до конца...

– Но? – с улыбкой любопытствовал Лавуан.

– Но еще больше я хочу другого, – улыбнулась в ответ Мелани. – У меня на Вас большие планы, Филипп, и, если Вы позволите, я бы с радостью начала их выполнение, – в глазах девушки различался едва заметный огонек. – Как насчет начать с Вашей квартиры?

Не дождавшись положительного ответа, Мелани пошла к лестнице и, увидев, что писатель отстает, оставаясь в кресле крепко о чем-то задумавшись, она повернулась и спросила:

– Неужто Вы против?

~ IV ~

От предложения девушки глупо было отказываться. И пусть Филипп и считал себя редкостным мерзавцем, хоть и признавал, а порой даже гиперболизировал, свои недостатки – глупцом свою персону никак назвать не мог. По дороге до дома, которая занимала достаточно много времени, особенно учитывая тот факт, что пара была возбуждена мыслями о предстоящем времяпровождении, Мелани и Филипп останавливались, чтобы приласкать друг друга. Проходим такое поведение, разумеется, казалось чересчур вульгарным, а потому совершенно неприемлемым, но все мы знаем, что влюбленным до этого дела не было. Пусть Лавуан и был на седьмом небе от происходящего, мысли о причине такой возбужденности мадемуазель Марсо, терзала его разум, не давая полностью насладится моментом. Резкая смена настроения девушки немного пугала писателя. Еще полчаса назад она с холодной отстраненностью обсуждала профессионализм театральной труппы, а уже сейчас нежно покусывает губы француза. Многие назвали бы такое поведение непристойным, недостойным такой дамы. Даже для некоторых мужчин это был бы яркий флажок, на который стоило бы обратить внимание. Но Лавуан прекрасно понимал, что подобного рода суждения ничто иное как глупое предубеж-

дение. Что это лишь попытка нацепить на девушку ошейник, как на собаку. Ошейник этот был соткан из традиционалистских стереотипов, давно устаревших и неприменимых в современных реалиях. Именно для устранения подобного рода мыслей и пишется пьеса Филиппа.

Как пара ввалилась в здание, где арендовал комнату Лавуан, никто, за исключением мадам Бош, не помнил. Старуха, выбежав в проходную, по обыкновению кричала что-то вслед влюбленным, но слова ее остались неслышанными. Филипп, словно подсознательно понимая необходимость как можно быстрее оказаться в своих покоях, дабы не вступать в длительную дискуссию с мадам Бош и не испортить настроения всем и до конца вечера, схватил Мелани на руки и, под одобрительное хихиканье, переходящее в откровенный заливистый смех, начал бежать по ступенькам на свой этаж. Мадемуазель Марсо была на удивление легкой. Даже физическая неполноценность Лавуана не мешала ему непридуманно тащить на себе хрупкую девушку. Писатель поймал себя на мысли, что будь на месте его новой пассии кто-нибудь из прошлых предметов воздыхания, он едва ли сумел бы справиться с задачей. И связано это было не только с конституцией тела девушки, с ее хрупкостью и изяществом – вовсе нет. Первоочередную роль играл душевный подъем Лавуана, который к тому же влиял и на его физические возможности.

В комнату влюбленные едва ли не вкатились. Филипп, бу-

дучи натурой романтичной, первую ночь с Мелани представлял совсем не так. Он был уверен, что будут долгие и томные разговоры на серьезные темы, что к самому моменту поцелуя пара дойдет постепенно и что этот поцелуй будет легким и сладким. Это вовсе не значит, что Лавуан был разочарован той страстью, с которой они целовались, параллельно раздеваясь. Да и может ли мужчина быть недоволен, когда в его постели лежит полуобнаженная дама? В этот момент о причинах ее появления вопросы не задаются.

Филипп, стоя перед распластавшейся, поджав тонкие ножки, Мелани, представлял себя хищником, готовым наброситься на газель. Само сравнение, возникшие в голове, показалось писателю настолько тривиальным, настолько заезженным, что это едва ли не повлияло на сам настрой молодого человека. Благо образ Мелани был настолько привлекательным, что Лавуан быстро забыл эту мысль, едва опустившись к своей избраннице. Стоило ему приблизиться к ее шее, как в нос ударил запах парфюма. До этого он был едва различим, но сейчас, когда нос француза касался кожи Мелани, следуя за бесконечными поцелуями, которыми писатель неустанно покрывал девушку, цветочный аромат был настолько ясно слышен, что даже возбуждал Филиппа. Руки француза, следуя общему такту момента, обхватили тонкие бедра Мелани и Лавуан, по-животному грубо притянул к себе Марсо и, не без церемоний приступил к своему грязному делу. Девушке такой напор, судя по реакции, был очень даже

приятен. Казалось, что животная сторона соития ее удовлетворяла куда больше нежных прелюдий, к которым, по словам самих же девушек, большинство и тяготеет. Лавуан же, слыша сначала настолько слабые, что их было слышно лишь во время поцелуя, но затем постепенно нараставшие, доходя до практически крика, содрогавшего стены, стоны, понимал всю абсурдность слов дам. Толи они просто притворяются, толи сами не знают, чего на самом деле хотят. От экстаза, явственно отражавшегося на лице француженки, удовольствие получал и сам Филипп. Впервые за долгое время его дурную голову не отягощали никакие мысли. Были только восторг и желание никогда не покидать этот момент.

Часы, что пара нежилась в любви, пролетали незаметно. За это время менялись позы и места. Казалось, что в маленькой комнатушке Лавуана уже и не оставалось точки, которую они не успели облюбовать. Даже рабочий стол, будучи своеобразным святым местом, храмом творчества, обителью настоящего искусства, не сумел избежать участи быть опороченным страстным сексом. Печатная машинка с треском летела на пол, за ней как осенние листья медленно опускалась и рукопись. Филиппу, разумеется, никакого дела до творчества не было. Единственная здравая мысль, родившаяся в его возбужденном мозгу, была связана с беспокойством за старый стол, который мог и не выдержать любви французов. Однако у старого служаки еще был порох в пороховницах – с удивительной стойкостью он выдерживал все новые и новые

поступательные движения.

Устали влюбленные далеко за полночь. Лавуан, тяжело дыша, принялся искать папиросы. Как назло, все было выкурено. Мелани, почувствовав желание Филиппа, указала на свою сумочку, из которой выглядывал, поблескивая в свете луны, портсигар. Писатель молча кивнул, слегка улыбнулся и достал пару папирос, протянув одну из них владелице. Девушка отказалась: сил на то, чтобы курить у нее не было. Судя по виду, Мелани даже не хватило бы сил на подъем с кровати – отойти от бурной ночи она все никак не могла. Француз же легким прыжком сел на подоконник и, с несвойственным ему счастливым видом, принялся разглядывать улицу.

Насколько же сильно влияет состояние нашего внутреннего мира на мир внешний. То, что еще позапрошлой ночью казалось омерзительным и не привлекающим ровно никакого внимания, сегодня пестрило красками. Разговоры двух пьянчуг, медленно бредущих с кабака, Филипп решил вставить в предстоящую пьесу. Почему-то сейчас ему это казалось замечательной идеей, раскрывающей не только центральную линию повествования, но и знакомящей людей с бытом обычного люда и показывающей, что во все времена можно найти события, происходящие у жителей города буквально повседневно. *Откуда столько вдохновения? Неужто обычный секс способен повлиять на это? Неужели действительно только заполнив базовые потребности можно переходить на новый, более высокий уровень – к творчеству?*

Печатная машинка была цела. На покупку новой у Филиппа в любом случае не было бы денег, потому счастьем творца не было предела. Вдохновение, взбудораженное после бурной ночи, подтолкнуло Лавуана продолжить писать пьесу прямо сейчас. Свет француз включать не решался, боясь разбудить возлюбленную, но в том и не было совершенно никакой необходимости – свет июньской луны озарял едва ли не всю комнату своим холодным сиянием, и, усевшись с машинкой на окно, Филипп начал судорожно барабанить по клавишам. Цоканье аппарата эхом раздавалось на улице. Таким грохотом можно было разбудить не только мирно лежавшую Мелани, но и давно уже спящих соседей. Больше всего писателя удивлял тот факт, что на пороге его квартиры все еще не маячила мерзкая фигура мадам Бош. Помнится, в том месяце к нему в гости заглянули знакомые или, как они сами себя именовали, друзья из местного книжного клуба. Люд в этом клубе был заурядный: по большей части там толпились те, кто хотел покрасоваться, показать свои новые наряды, и заявить всему городу, что приобщен к чему-то культурному. Для таких людей книга ценна сама по себе, лишь бы имела форму книги и была хоть отдаленно на нее похожа. Филипп был уверен, что будь в подобной пустышке хоть все страницы белыми – это нисколько бы не смутило многих посетителей заведения. Тем не менее, даже в таком псевдокультурном месте Лавуан ухитрился встретить достойных личностей, с которыми было о чем поговорить. Но стоило ему

лишь пригласить компанию к себе, как старая домохозяйка сразу же начала вставлять палки в колеса. И пусть из-за выпитого Филипп не помнил, чем конкретно закончилась ночь, он знал, что не мог совершить ничего постыдного, а потому гнев старой карги был мягко говоря не обоснован.

Ночь выдалась тихой. Легкое посапывание Мелани прерывалось звоном машинки. Пожалуй, это та идиллия, о которой так мечтал Лавуан. *Если бы вся моя жизнь или хотя бы большая ее часть прошла именно так – я был бы самым счастливым человеком на земле. Я бы смог реализовать ровно так, как должно. Сколько травм можно было бы избежать, сколько светлых эмоций получить... Почему Господь решил иначе?*

Потому что Господь воздает людям по заслугам. Паучиха определенно была в комнате, но где конкретно писатель определить не мог. Голос звучал будто ото всюду. *Тебе пора бы отринуть Бога, родной. Даже сейчас... Тебе кажется, что ты счастлив... Ты не видишь дальше собственного носа... Каким же наивным глупцом надо быть, чтобы хоть на секунду представить, будто ты станешь счастливым? Эта женщина...* Огромная туша наконец показалась из тени. Паучиха висела прямо над кроватью, где спала ни о чем не подозревающая девушка. Восемиглазая морда, обнажив тройной ряд острых клыков, медленно спускалась вниз. Перемещение твари едва можно было разглядеть – свет не доходил до той части комнаты. Лаву-

ану стало страшно за свою любовь.

Отчего ты так трясешься, Филипп? Боишься, что я ее сожру? В голосе Меланхолии звучали нотки радости от той садистской мысли, что появилась в голове. *Какая нелепая мысль посетила твою дурную головушку, родной... Зачем же мне сейчас это делать? Это было бы неразумно с моей стороны. Нет уж, я подожду. Куда приятней наблюдать за твоими страданиями. А жизнь милой Мелани я поглотить еще успею.*

Филипп не испугался, однако слова Паучихи заставили его крепко задуматься. Он вспомнил о своем нелегком состоянии, которое нес как крест всю свою жизнь, и не хотел втягивать в это новоиспеченную возлюбленную. Счастье, что она подарила ему за пару дней знакомства, осветило ему жизнь. Лавуан не хотел, чтобы этот свет был поглощен непроглядной тьмой, поселившейся в его душе. Писатель выпил таблетки.

Вдохновение прошло, но воспоминание пылкой страсти, рожденной этой ночью, стало тепло греть душу. Сегодняшний вечер стал казаться настолько уютным, что его не хотелось прекращать. Усталость давала о себе знать. Филипп упал на кровать. Рука, скованная ночным морозом, наткнулась на кисть Мелани, которая сумела сохранить тепло горячей ночи. *Воистину лед и пламень.* Мадемуазель Марсо не соизволила проснуться даже от холода Лавуана. Казалось, сон этой дамы нарушить невозможно, как ни пытайся.

Филиппу и не хотелось. Спящее личико девушки вызывало улыбку, вместе с которой приходила и вера в светлое будущее.

Проснулся француз поздно. Судя по шуму улицы, доносившегося из открытого настежь окна, было уже не меньше десяти утра. Рука начала машинально искать Мелани, но, как бы она ни старалась, девушка испарилась. Здесь стоит отметить немаловажную деталь, которую Филипп тоже не сразу разглядел, но которая, тем не менее, была достаточно важна. Мелани все делала чрезвычайно тихо. Голос ее, как уже неоднократно отмечалось, был мил и притягателен, но немаловажную роль в этом играло то, что он был едва различим. Филипп всегда был глуховат – еще в детстве он застудил левое ухо и едва им слышал, потому имел при разговоре дурную привычку поворачиваться к людям правой стороной, чем смущал собеседника. В любом случае, сейчас речь не о нашем герое. Мелани не только говорила тихо, но и передвигалась, стараясь создавать минимум шума. Порой это было непросто – судя по нескольким встречам, она очень любила каблуки – но даже цоканье ее туфельек было не таким громким, как лошадиная походка большинства француженок.

Лавуан поднялся в прекрасном расположении духа. Он выглянул в окно: сегодня толпа его не раздражала, даже наоборот – он находил занимательным рассматривание смешных людишек. Улыбка не спускалась с лица Филиппа и ему самому в какой-то момент этот факт показался противным,

ведь он на дух не переносил оптимистов. Но не успел он содрать ухмылку со своей неумытой рожи, как его взгляд пал на двух прохожих. В высокой блондинке писатель сразу признал Мелису – это было совсем не сложно – а вот спутник ее был куда занятнее. Рядом с ней красовался настоящий средневековый рыцарь. Сперва Филипп было подумал, что Виктор Моро пригласил свою новую пассию на очередной маскарад, коих в городе проводилось преступно много. Но рыцарь был не столь высок, не столь мускулист. Было видно, что доспехи ему мешают, что его тело совершенно к ним не привыкло, но, несмотря на это, мужчина старался держаться достойно. Писателю стало до того любопытно пообщаться с этими двумя, что он принялся кричать в их сторону, дабы быть замеченным. Голос Лавуана, однако, растворился в толпе, не доходя до адресата. Тогда он решил что-нибудь бросить в пару. Едва его мозг родил, мягко говоря, абсурдную идею, руки уже все сделали – по улице эхом прокатился звон металлического лязга. Это старенький поднос встретился с уличной брусчаткой. Дюбуа вскрикнула, недовольно поморщилась, разглядывая испугавший ее предмет, затем, высоко замахнувшись пнула его с такой силой, что бедный поднос, судя по потертостям служивший этой гостинице не один десяток лет, погнулся и полетел вниз по улице. Филипп рассмеялся, но, вспомнив, кто является хозяйкой этой утвари, невольно обронил улыбку с лица. Рыцарь, до сего момента молча наблюдавший за нелепой картиной, принялся показы-

вать в окно, из которого торчали неопрятные волосы Лавуана. Поняв, что свою злость можно выместить не только на безобидном подносе, но и на живом обидчике, Мелиса, со свойственной ей прытью, ринулась ко входу. Навстречу ей выскочила мадам Бош, которая, очевидно, услышала странный звук на улице и решила посмотреть. Это было опрометчиво с ее стороны. Короткого разговора двух барышень француз не слышал, но четкое и ясное «с дороги старая кошёлка» со стороны Дюбуа разобрать труда не составило.

Несмотря на уйму последствий, грядущих за действиями последних минут, Филипп в душе лишь хохотал. Даже звук приближающихся гостей, который был отчетливо слышан на лестнице, через запертую дверь комнаты, не мог перебить залиvistый смех французского сердца.

– Совсем уже с ума сошел? – именно с этими словами Мелиса ворвалась в незапертую дверь. – А если бы ты в меня попал? Что тогда? Попортить личико одной из лучших актрис города! Даже если продать все то немногое, что есть у тебя за душой – этого все равно не хватит, чтобы оплатить такой ущерб!

Теперь писатель рассмеялся в голос. Абсурдность сказанного наложилась на милую злобу девушки и не оставили Филиппу и шанса сдержаться. Смешок, впрочем, послышался и из доспехов рыцаря, еле поспевшего за своей спутницей.

– И этот туда же! – возмущению Дюбуа не было предела.
– Прошу прощения, мадемуазель Дюбуа, – оправдывался

знакомый голос, приглушенный ржавым шлемом. – Просто нахожу ситуацию крайне забавной.

– Что тут забавного, Жак? – недоумевала девушка. – Это покушение на жизнь! Этому обалдую слишком многое сходит с рук.

Филипп не сразу признал в рыцаре Трюффо, однако сейчас, приглядевшись и отметив комплекцию мужчины, он и сам для себя подтвердил, что это Жак. На улице рыцарский доспех смотрелся куда солиднее нежели вблизи. Сейчас было отчетливо видно ржавчину, покрывавшую добрую половину всего комплекта брони, а на шлеме и вовсе красовалась плохо содранная плесень. Прорези создавали иллюзию гримасы, будто рыцарь прищурился, а зеленый след плесени был будто родимым пятном на лице.

– Откуда вы вытащили эту рухлядь? – с ехидством в голосе спросил Лавуан.

– Сам ты рухлядь, – выругалась Мелисса. – Посмотри в каком свинарнике живешь! А это настоящая рыцарская броня. Между прочим, ее когда-то носил действующий рыцарь. Нам его уступили по приемлемой цене. Все равно в музей такое не взяли бы – слишком уж, как они выражаются, «деформирован», а нам, уж будь уверен, он еще пригодится.

– Мсье Гобер сказал нам купить его, – подтвердил Жак. – Сказал, что он будет нужен для Вашей новой пьесы, а свои костюмы у нас в дефиците.

Этот костюм совершенно не подходит. Неужто не вид-

но?.. Это комплект пятнадцатого, а то и шестнадцатого веков... Он никак не подойдет для столетней войны. С другой стороны, лучше уж так, чем те нелепые костюмы, что клепают за кулисами. Это хотя бы можно назвать полноценным реквизитом...

Несмотря на тот факт, что конечный образ рыцаря не совпадал с тем, что писатель рисовал у себя в голове, сам подход директора очень радовал Лавуана. Поиск настоящих доспехов для такого скряги как Гобер наверняка был весьма труден.

– Как так вышло, что ты сразу надел костюм, Жак? – поинтересовался Филипп.

– К образу следует готовиться заранее, – бубнеж Трюффо был едва различим из-за шлема, однако, на удивление, Филипп все понимал. – Роль рыцаря весьма непроста. Сказать по правде, мне – натуре прагматичной – весьма сложно себя ассоциировать со средневековым романтизмом. Публика находит это красивым: рыцари в своих сияющих доспехах, турниры во имя красивых дам, самопожертвование на благо народа. Хотя на самом деле все мы понимаем истинную картину... Это просто времена немых солдат, где правда за тем, у кого знатней покровитель.

Сам бы не сказал лучше. Пусть Жак и выглядел в этом костюме как нелепая железная луковица, пусть слова его отдавались звонким эхом, все сказанное имело воистину великий смысл. Сейчас Филипп ловил себя на мысли, что возможно

Трюффо нравится ему вовсе не потому, что он хороший актер, а потому что у него с писателем весьма схожие взгляды на жизнь и историю. *Ничто так не объединяет, как одинаковое мировоззрение. Вы можете работать в разных сферах, иметь разные политические взгляды, вы можете даже находиться в совершенно разных слоях общества, но если ваши воззрения одинаковы, то не подружиться вы не можете.*

– Двух актеров гоняют ради одного костюма... – призадумался Лавуан. – Совсем Гобер о вас не думает.

– Все совсем не так, – возразила Дюбуа. – Во-первых, не двух актеров, а трех, – она демонстративно выставила три пальца. – Во-вторых, костюмов тоже было три. Изначально мы искали три доспеха, но женского варианта найти не удалось – что не удивительно – зато я нашла себе вот такое платье, – Мелиса достала из сумки аккуратно сложенное белое платье с простым покроем, но отлично передающее, в отличие от доспехов, времена столетней войны. – В-третьих, мы не только за костюмами пришли, но и по твою душу. Мсье Гобер сказал взять написанную часть пьесы. Да, он знает, что ты не даешь читать неготовые работы, – оборвала девушка уже готового начать долгий спор писателя, – но время поднимает, а сроки, со слов директора, не выполнены. Труппе надо готовиться...

– Не терпится узнать, что за роль мне достанется, – влез Жак.

– Погодите минутку, – недоумевал Филипп, – вы сказали

трое, но я вижу лишь двоих. Где вы успели потерять третьего?

– Это весьма длинная история, – вздохнула Мелисса. – Мы вышли втроем с Пьером – он тоже хотел посмотреть себе костюм на предстоящий спектакль. Антиквар, к которому мы ходили живет недалеко отсюда, что к лучшему, потому что, уж прости, я бы ни за что на свете не стала через весь город идти, чтобы забрать твою пьесу.

Трюффо, заметно уставший стоять под тяжестью старинных лат, не спросив, сел на кровать. Та прогнулась, но выдержала ношу. Филипп, хотел было возмутиться бестактному действию, но это значило бы, что разговор Дюбуа будет прерван, а с последствиями сего никому не захотелось бы столкнуться.

– А где живет этот антиквар? – с ложным любопытством спросил Лавуан.

– Там, рядом с кладбищем, – интерес со стороны француза она восприняла с энтузиазмом. – Я боялась, что он один из тех ненормальных мародеров, что стаскивают вещи с умерших, а потом продают.

– Тогда ему должно быть по меньшей мере пятьсот лет, – съязвил Филипп.

Мелисса, само собой, язвительность в свою сторону не оценила, но продолжила как ни в чем не бывало:

– В любом случае, мсье оказался весьма добропорядочным и честным: уступил мне платье вполцены, отметив кра-

соту моих глаз, – улыбнулась девушка.

– Еще бы, – вздохнул Трюффо, – за доспех то он попросил больше оговоренного.

– Это не столь важно, – рывкнула Дюбуа и бросила неодобрительный взгляд на коллегу.

– Так где вы потеряли Пьера? – спасал доброго друга писатель.

– Он увязался за той рыжей бедняжкой, – девушка играла с волосами, пытаясь вспомнить вылетевшее из головы имя. – Фрида, так ведь? – вопрос был обращен к Жаку, но тот пытался вытереть с шеи пот, что в доспехе было сделать мягко говоря непросто, отчего проигнорировал реплику девушки и фраза осталась висеть в воздухе. – Гардеробщица наша, – пояснила девушка, – рыженькая такая... Постоянно забываю ее имя. Ох уж эти немцы...

Лавуана стали одолевать сомнения. Хорошее настроение, до этого державшее оборону от скверных мыслей, которые постоянно висели над головой Филиппа, стало потихоньку сдавать. Писатель никогда не видел Пьера и Фриду вместе, более того, как-то он имел наглость, пусть и ненароком, подслушать разговор, в котором Мсье Гобер и Шерро отзывались о Фриде в негативном ключе. *Что ему от нее надо?*

– Наверно это их первый разговор, за все время совместной работы, – отметил Филипп.

– Пожалуй, – согласилась Мелисса. – Я не припомню, чтобы они тесно общались. Его поведение меня сильно удиви-

ло. И тем не менее, факт остается фактом – он накинулся на девушку как собака на кость: все постоянно о чем-то спрашивал.

– О чем же? – уже откровенно донимал расспросами Лавуан.

– Почем мне знать? – оскорбилась Дюбуа. – Я по-твоему совсем манер не знаю? Стала бы я подслушивать чужие разговоры...

Филипп о манерах Мелисы был осведомлен как никто другой. Именно поэтому и поинтересовался у нее, а не у обливавшимся седьмым потом Жака. Дюбуа точно слышала предмет разговора, но говорить не хотела. И не потому, что там было что-то интересное, как думалось Филиппу, а потому что боялась прослыть сплетницей. Так или иначе, интерес Филиппа к этой новости рос с каждой секундой и в какой-то момент, как это часто случалось с писателем, стал занимать все мысли Лавуана. Не сказав ни слова, француз начал собираться для незапланированной прогулки. Официально он хотел проведать Мелани, которая упорхнула из его постели ни свет, ни заря, однако, так как и Фрида жила буквально в двух шагах, это была прекрасная возможность узнать наверняка что же такое происходит. Лавуану не хотелось думать о худшем и все же, будучи человеком рациональным и способным сложить два и два в голове, он прекрасно знал, что ничего хорошего в финале прогулки он не увидит. Возможно он и шел с настроением помешать ужасу случиться.

– Ты куда? – прервала транс писателя Дюбуа.

– Нужно на воздух, – на ходу ответил Филипп.

– А пьеса? Нам нужно ее забрать, Филипп!

– Возьмите то, что есть, – выходя из комнаты сказал писатель.

– Теперь еще и по всей комнате листы эти собирать?! Ну что за человек...

Возмущения подруги Лавуан уже не слышал. Он быстрым шагом пустился вниз по лестнице. Сейчас его целью было как можно быстрее достичь пункта назначения. Время играло против него. *Можешь даже не пытаться. В твоем то возрасте ходить столь быстро чревато последствиями. Все равно ты не успеешь... А даже если и успеешь, то вряд ли сумеешь на что-то повлиять.*

– Мсье Лавуан!

Сейчас голос старой мадам Бош раздражал до безумия. Филиппу хотелось схватить женщину за горло и сиюминутно придушить, лишь бы не тратить драгоценное время на бессмысленные разговоры. Тем не менее, манеры писателя заставили его развернуться и выслушать нотацию, о предмете которой он уже догадывался.

– Ваше поведение просто возмутительно! – лицо мадам Бош покраснело как помидор. – Сперва эта непрошенная гостья, которая кричала на весь дом! Я было подумала, что Вы ее, прости Господи, убивать вздумали – хотела прийти и всыпать Вам как следует – и лишь потом я поняла, что дело

обстоит куда хуже! Вы сделали из моей гостиницы какой-то бордель! Притон! Неслыханная наглость... Даже убийство этой мамзельки не расстроило бы меня больше...

– Я прошу прощения, мадам Бош, визит мадемуазель Марсо был столь же неожиданным, сколь и развитие вечера.

– А что скажете насчет этого? – старуха показала погнутый от многочисленных столкновений с землей поднос. – Я Вам приготовила и лично принесла завтрак... Так старалась, трудилась не покладая рук... В обмен попросила малость – вернуть мой поднос назад, чтобы я и дальше могла радовать посетителей... И чем же Вы мне отплатили?

Хватит причитать, старая карга! Это входило в твои обязанности! Какого черта обязанность выставляется за услугу? В следующий раз разобью этот чертов поднос о твою тупую башку.

– Хорошо, мадам Бош, я извиняюсь – я оплачу стоимость подноса, как только появятся деньги.

– И друзей своих заберите, – не унималась хозяйка. – Привели хамов каких-то! Один откуда-то выкопал железки эти и ходит по моей гостинице гремит так, что все посетители должно быть в ужасе попрятались! Вторая не лучше – напала на меня в моем же собственном доме, так еще и оскорбила прилюдно! Неслыханная, неслыханная дерзость...

– Еще раз прошу прощения...

– Что мне от ваших просьб, мсье Лавуан? Выведете своих дружков отсюда или, помяните мое слово, я вызову жандар-

мов, чтоб они этим занялись. Не в том я возрасте, чтоб рыцарей и хамок гонять...

– Уверю Вас, – слегка поклонился Филипп, – они скоро уйдут – даю слово. Но мне, к сожалению, необходимо удалиться сейчас.

На этом неприятный разговор был завершен, мадам Бош осталась позади, а длинная дорога расстилала свой путь перед писателем. Пусть Дюбуа и уверяла, что дом антиквара находится совсем рядом – в данную секунду дорога казалась невероятно длинной. Голова кишела мыслями о предстоящей встрече. Что сказать возлюбленной после ее внезапного ухода? Что делать, если прогноз Лавуана относительно Шерро окажется верным? Как на это все реагировать?

Состояние Филиппа сложно описать. Представьте, что вы находитесь посреди дороги. Вокруг Вас лежит и плавно перетекает под силой ветра туман, непроглядность которого мешает увидеть полную картину окружающей Вас действительности. Это, безусловно, неведение, но оно поистине блаженно. Выходить из этой мглы Вам не хочется, ибо Вы уверены, что по ту сторону нет совершенно ничего хорошего. И вот туман рассеивается... По мере его исчезновения Вам все больше виден тот ужас, что за ним скрывался. Быть может ограничивать себя таким погодным явлением было невероятно глупо, однако известное спокойствие, что Вы ощущали, того определенно стоило. Теперь же ничто не защищает Вас. Вы сами по себе.

Чувства эти были смешаны. Чем дальше шел Филипп, тем чаще его кидало от отчаяния и уныния до злобы и откровенной ярости на происходящее. Справиться со своей психикой писатель, увы, не мог, а потому стал просто рабом своих эмоций. Сейчас он был подобен сломанному кораблю, который дрейфует на волнах бушующего моря, намеревавшегося уничтожить остатки судна.

При свете солнца ожил не только дом, еще недавно казавшийся абсолютно мертвым, но и кладбище, которое мертвым должно было оставаться. На людей, решивших потратить столь редкую возможность насладиться прекрасным днем на то, чтобы провести свободное время с холодными воспоминаниями об умерших, Лавуану было больно смотреть. Возле жилого дома тоже суетились люди: двое господ, явно не из этого района, вели какую-то наискуднейшую, судя по обрывкам, что услышал Филипп, беседу, двое малышей куда-то бежали от раздраженной матери, одинокий мужчина совершенно непрезентабельного вида, прогуливающийся взад-вперед, пинал небольшой камешек о бордюр. Неясно как писателю удавалось замечать столь незначительных людей, учитывая нестабильное состояние психики. Возможно это была его врожденная способность подмечать интересные, но, тем не менее, никому ненужные факты.

На знакомой лестнице, при свете дня казавшейся больше, Лавуан заметил узнаваемые силуэты. Пьера Шерро Филипп знал слишком хорошо, чтобы признать жестикуляцию

его тонких ручек даже с такого расстояния. Общался он с девушкой, призрак которой прятался в тени крыши, отчего был едва различим. Гость остался незамеченным и прошел сквозь арку ближе к лестнице, откуда уже можно было разоб-
брать диалог.

– Играть Гамлета мне доставляет особое удовольствие, – голос Пьера был воодушевленным, весьма громким, а речь сбивчивая, словно он хотел побыстрее заполнить пустоту пауз своими увлекательными историями. – Классические тексты всегда остаются актуальными, а герои их – бессмертны. К тому же мотивы моего героя понятны и очевидны, отчего играть его несложно... Не подумайте, что я боюсь сложных ролей – вовсе нет! С моими врожденными талантами это су-
щий пустяк. Знаете ли Вы, мадемуазель, что мои пробы бы-
ли самыми короткими? Директор сразу увидел мой талант. А ведь мне было лишь пятнадцать.

Говер тебя так быстро принял лишь потому, что ему срочно нужно было в нюзник, чертов лжец! Тоже мне талант нашелся!

– Как впечатляет! – голос принадлежал Мелани, тут даже отнекивающийся Лавуан должен был признать. – Прошу прощения, что не имела возможности познакомиться с Вашим творчеством раньше... Однако Ваша вчерашняя игра была бесподобна, здесь только слепой не признает.

Вовсе не так уж он был и хорош... Гамлета сыграть много ума не надо, Шекспир всю работу сделал за актера. Гряз-

ный мерзавец использовал шулерский ход!

– Ваша высокая оценка, мадемуазель, делает мне честь, – улынулся Пьер. – Не скажу, что это была моя лучшая роль. Поверьте, если бы Вы видели меня в «Фаусте»...

– Наверняка я была бы поражена, – согласилась Мелани, – мне нет смысла отпираться, коли Вы утверждаете, что та роль была лучше вчерашней.

– Сказать по правде, – запнулся актер, – она не во всем лучше. В «Фаусте» больше возможности для интерпретаций, ведь сценарий был переписан мсье Лавуаном... Не то чтобы я принижал работу Филиппа, но с полной уверенностью говорю, что я сделал произведение лучше своими изменениями. Даже сам мсье Гобер хвалил меня за это.

Филипп? Наглец назвал меня по имени, не проявив ни капли уважения? Еще и топчется на моем творении?! Его карьеру я теперь уничтожу лично... Гобер его похвалил... Знал бы ты как мы смеялись над твоими нелепыми изменениями. Старик едва сумел уговорить меня пойти на это, заверив, что это просто потакание молодому таланту, дабы у него было пространство для роста. Надо было выкорчевать этот сорняк сразу!

– Полагаю, – уверенно ответила девушка, – что работа мсье Лавуана была прекрасной, но и Ваша интерпретация никак не могла сделать ее хуже...

О, еще как могла!

– Я далеко не последний человек, – заверил собеседницу

Шерро. – Сам много читал и многое знаю. Мсье Лавуан, конечно, читал больше моего, однако он не видит сцену, он на ней не живет, он не знает ничего о ремесле актера. Поэтому пьеса должна писаться совместно с актерами.

Вздор! Откуда этому полоумному юнцу знать каково это творить великие тексты? Он только кривляется и может на сцене. До чего же раздутое эго!

Терпеть этот диалог Филипп больше не мог. Глаза заблестели от гнева, вена на виске запульсировала выбивая неприятный такт будто вбивая в голову невидимые гвозди. Переваривать это было невыносимо, и писатель двинулся вверх по лестнице. Плана у него не было, а если бы и был, он едва ли сумел последовать ему в таком состоянии. Сейчас он хотел просто проломить молодому Пьеру голову и посмотреть есть ли внутри хоть какие-то мозги.

– Мсье Лавуан, – первой заметила гостя Мелани. Ее милый голосок немного поумерил пыл француза и даже вызвал улыбку на его физиономии, – мы как раз Вас вспоминали. Как Ваше самочувствие? Ночь выдалась... – она едва заметно посмеялась, – трудной.

– Да, ночь и правда была весьма утомляющей, но результат получился выше всяких похвал, согласны? – сделал недвусмысленный намек Филипп.

– С этим никто бы спорить не стал, – улыбнулась Мелани.

– Надеюсь, – встрял Пьер, – написание пьесы идет полным ходом. Мсье Гобер сказал нам купить костюмы...

– Да, я уже успел поговорить с мадемуазель Дюбуа и мсье Трюффо на этот счет, – остановил собеседника писатель, ибо не собирался все выслушивать во второй раз, ведь и в первый раз чуть не умер со скуки. – Костюмы неидеальны, но вполне имеют место быть. Могут придать аутентичности спектаклю.

– В таком случае, что же Вас сюда привело? – вопрос был задан в крайне грубой, как показалось писателю, форме. Было слышно, причем отчетливо, что Шерро не рад видеть здесь Филиппа.

– Все также по делам, – парировал Филипп.

– Что же у Вас тут за дело?

– Хочу предложить главную роль одному незаурядному, но малоизвестному актеру. Хотел сделать это лично, ведь никогда не знаешь, как человек отреагирует на такую новость. Вдруг откажется? В таком случае, я буду просто обязан уговорить актера взяться за это непростое дело.

Пьер, услышав это, расправил свой павлиний хвост. Кажется, сейчас устами писателя будет выложена мощенная дорожка к сердцу мадемуазель Марсо.

– Не стоило, мсье Лавуан, – высокомерно произнес актер, – Вы вполне могли мне сообщить об этом и при трупке.

– О, не переживайте, мсье Шерро, – ухмыляясь ответил Филипп, – такая новость быстро разлетится по округе. Но Вы узнаете одним из первых.

– Почему же о моей роли сначала узнают другие? – недоумевал Пьер.

Попался.

– Прошу прощения, мсье Шерро, – Лавуан положил руку на сердце, будто сам находился на большой сцене, – я видимо ввел Вас в заблуждение. Я хочу предложить роль мадемуазель Шлоссер, а не Вам.

– Кто такая мадемуазель Шлоссер? – брови актера сдвинулись, пытаясь выдавить маленькие глазки.

– Это Фрида, – пояснила Мелани. – Тот факт, что Вы не знаете ее фамилии, не делает Вам чести, мсье Шерро.

– А кто такая Фрида? – с неподдельным интересом спросил Пьер.

Тут у Мелани слов не нашлось. Пьер Шерро только что упал со своего пьедестала, на который взбирался с таким трудом. Филипп этому был только рад, и его лицо едва могло скрывать радость выигранной битвы. Но Лавуан не был бы столь успешен, если бы поддался сладости этой победы. Выиграна битва, но не война. Противника следовало бы добить окончательно.

– Наша гардеробщица, – тон у писателя был снисходительный, такой, будто учитель что-то объяснял не самому одаренному ребенку. – Вы должно быть видели ее... Каждый день...

– О, конечно, – сыграл озарение Пьер, – Фрида, да. С этой ролью все вылетело из головы, – несмотря на актерское мастерство, никто из присутствующих не поверил в достоверность показанных эмоций. – Стало быть, Вы, мсье Лавуан,

собираетесь предложить роль на нашей сцене... Гардеробщице?

– Именно так, – кивнул Филипп.

– Скажите, что Вы пили вчера и я потребую, чтобы мне налили того же, – рассмеялся актер.

Мне даже помогать тебе не надо. Ты сам себя закопаешь на местном кладбище.

– Полагаю, – огрызнулась Мелани, – мсье Лавуан, пришел к этой мысли исключительно трезвой головой. Вам стоило бы поучиться его изобретательности и находчивости.

Пьер понял, что его унизили, но не понял, что сам сполна помог обидчикам. Его одолевала горесть обиды. Что с ней делать он не знал.

– Я подумал, что главная роль подойдет ей как нельзя кстати, – Филипп не знал, что на него нашло, но этот гвоздь, вонзившийся в забитую крышку гроба Пьера Шерро, окончательно удовлетворил писателя. Мелани же, услышав это, расцвела и засияла от счастья.

– Какая интересная и благородная...

– Какая несусветная чушь! – перебил своим воплем Пьер девушку. – Какая вопиющая наглость! Какая дерзость! Как Вы можете говорить такое? Чертова гардеробщица не может играть главную роль! Она ведь... Уборщица, прости Господи. Она не то что главную, вообще никакую роль играть не способна! Одумайтесь, Филипп!

– Здесь абсолютно нечего обсуждать, – махнул рукой пи-

сатель. – Роль идеально для нее подходит.

– Она не умеет играть! – казалось, у Пьера сейчас пойдет пена изо рта.

– Это простительно, – не терял спокойствия Филипп. – Самой ролью подразумевается неуклюжесть. Она вполне справится.

Актер смекнул, что пламенность речи разбивается о холодную решимость, что на любой аргумент найдется контраргумент, а потому предпочел ретироваться. Возможно он и продолжал бы уже проигранный бой, но, увидев лицо Мелани, ее глаза полные разочарования, предпочел не ввязываться в эту авантюру. Пьером овладел страх. Страх не перед девушкой, а перед тем, как он теперь будет выглядеть в ее глазах.

– Прошу прощения, что прервал Вашу беседу, – поклонился Лавуан. – Мне нужно выполнить поставленную еще утром задачу. Фрида у себя?

– Должна быть, – подтвердила Мелани. – Она только забежала за вещами и хотела уже уходить на работу – говорила, что есть что-то срочное – однако, насколько я знаю, сейчас она все еще дома.

– Надеюсь ее застать.

Филипп солгал. На самом деле, было бы куда проще если Фрида просто исчезнет куда-нибудь. Например, поедет к родным в Страсбург. Или в командировку любую, но желательно далекую. Или умрет. В любом случае, Фрида сейчас

очень мешала писателю. Сказанное ранее мало соотносилось с реальными мыслями Лавуана. Несмотря на всю показушность перед дорогой сердцу дамой, писатель был согласен с актером практически во всем. Как бы он ни уважал Фриду, как бы не хотел помочь ей в нелегкой жизни, сцена не для нее. И сейчас он мало того, что выведет ее туда, он к тому же даст ей ложную надежду на прекрасное будущее, которому никогда не бывать. Перебирая варианты, Филипп не находил нужного, все были приемлемы, но не более. Дойдя до квартиры виновницы переполоха, француз на секунду остановился, чтобы перевести дыхание, затем, набрав в грудь побольше воздуха, замахнулся чтобы постучать в дверь. Прочно сжатый кулак промахнулся мимо цели – дверь в то же мгновение открылась с характерным скрипом и последовавшим за ним криком испугавшейся немки.

– Мсье Лавуан, – схватилась за грудь Фрида, – зачем же Вы так меня пугаете? Зачем караулите среди бела дня?

– Позволишь войти? – выдохнул наконец Филипп.

Девушка не ответила, лишь отошла и жестом руки призывала в свою квартирку. Было видно, что Фрида еще не оклемалась от испуга, но старалась держать себя в руках.

– Надеюсь, Ваш визит не омрачит сегодняшний день, – сказала немка и сразу поспешила поправиться. – Не то чтобы встречи с Вами приносят мне горе, вовсе нет! Я имела ввиду совсем не это! Просто... Что еще могло привести Вас сюда посреди дня?

– Интересное предложение, – сел возле входа Лавуан, – оно меня привело. Как ты знаешь, – Филипп формулировал речь на ходу, – попасть на сцену нашего театра может далеко не каждый...

– Мне это известно, как никому другому, – перебила француза Фрида. – Ой, простите...

– Ничего, – отмахнулся собеседник. – Рад, что ты об этом заговорила. Я решил исправить сие недоразумение. Ты... Получишь роль.

Лавуан был уверен, что новость немку обрадует. Что она если уж не бросится к нему в объятия, то по крайней мере будет источать сияние, заливая светом всю округу. Но нет. Фрида стояла как истукан посреди комнаты, правая рука игралась с пальцами левой, лицо выдавало гримасу испуга и непонимания. Казалось, новость повергла ее в шок больше, чем поджидавший возле порога писатель. Филипп хотел было начать успокаивать девушку, но та наконец отмерла.

– Это неправильно.

– Что же в этом неправильного, позвольте узнать, – Филипп, который должен был бы обрадоваться отказу Фриды, оказался возмущен им. – Ты столько лет хотела выступать на сцене... А сейчас, когда Божьим проведением это наконец может воплотиться в жизнь, ты отступаешь! Как так можно?

Девушка почувствовала себя неловко. Само предложение было как снег на голову, а теперь к нему прибавился звериный напор Лавуана. Писатель, подсознательно понимая сло-

жившуюся ситуацию, тем не менее, отступить не намеревался, что отчетливо выразалось в его карих глазах.

– Я благодарна Вам за этот жест, мсье Лавуан, – прикусывая свои бледные губки, сказала Фрида, – но я уверена, что это совершенно ни к чему... Я прекрасно знаю, как труппа отнесется к моему появлению в их рядах... Я едва ли сумею выдержать их гнев... И... Мсье Гобер... Директор никогда не согласится на этот шаг...

Все сказанное было верно. От первого до последнего слова. Сомнения Фриды были более чем оправданы. Здесь Филиппу стоило бы отступить и вернуться к Мелани с посланием, пусть и неприятным, но решающим сразу несколько проблем, вызванных изначально нелепой просьбой. Но француз, почувствовал острую необходимость протолкнуть немку на сцену театра. Желание было спонтанным и Лавуан едва ли мог в сам момент его появления четко назвать причину этого. Однако уже позже он смаковал мысль о своем гениальном интеллекте, способном за доли секунды проанализировать обстановку настолько четко, что даже величайшие умы планеты приняли бы писателя за своего. Если бы Филипп сейчас опустил руки, то задача, поставленная его любимой, была бы с треском провалена, что повлекло бы за собой его собственное падение в глазах Мелани и сыграло бы на руку другим ее ухажерам, в частности Пьеру Шерро, который пришел сегодня сюда явно не для того, чтобы просто потрепаться с милой дамой.

– Мсье Гобера я беру на себя, – заверил Лавуан. – Он прислушается ко мне, вот увидишь. Быть может мое положение в театре не так прочно, как я бы того хотел, но на то, чтобы уговорить этого старика отдать роль тебе его вполне хватит. С труппой, разумеется, все сложнее. Здесь тебе придется работать самой. Быть может Мелиса согласится помочь...

– Мадемуазель Дюбуа? – послышался страх в голосе девушки. – Я никогда не осмелюсь просить ее помощи. Я думаю, нет, почти уверена, что она меня недолюбливает...

– Ерунда, – отмахнулся Филипп, – с ней тоже поговорю, в таком случае. Но даже с ее помощью тебе придется поработать самой, Фрида.

Сил стоять у немки не осталось. Она плюхнулась рядом с Филиппом и прильнула к его костлявому плечу. Лавуан, непривыкший к подобного рода вольностям от простых знакомых, опешил, но дергать Фриду, исходя лишь из своей прихоти, не стал. Даже наоборот, его рука сама потянулась к ее мягким волосам и сама, без очевидных команд писательского сознания, начала их поглаживать. Девушка немного успокоилась.

– Не уверена, что у меня получится, мсье Лавуан, – дрожал голос девушки. – Я слишком слаба для этого.

– Если слаба ты, то насколько же бессильна в этом мире я? – на пороге появилась хрупкая фигура Мелани. Ее легкая улыбка принесла спокойствие не только писателю, но и отчаявшейся Фриде. – Сказать по правде, – француженка села

с другой стороны от немки, – я не встречала людей сильнее тебя.

– Хельмут сильнее, – смеясь ответила Фрида, – вы бы видели какие тяжести он поднимает...

Все трое рассмеялись. Магия мадемуазель Марсо чудесным образом повлияла на, казалось бы, зашедшую в тупик беседу. Едва ли уговоры могли бы увенчаться успехом, не приди эта милая девушка. Филипп, разумеется, еще долгое время после этого восхищался этой ее способностью приносить легкость и непринужденность в самые тяжелые ситуации.

– Уверена, – продолжила Мелани, – мсье Лавуан все уже обдумал и принял решение не просто так. Пусть я не так давно имею честь быть знакомой с Вами, дорогой Филипп, но отчего-то уверена, что Вы из тех людей, что трижды подумают, прежде чем сделать что бы то ни было. Или я не права?

Может ты и не права, дорогая Мелани, но твое мнение обо мне невероятно лестно. Пусть таковым и остается, не будем разрушать иллюзию такого серого кардинала.

– Не всегда получается, конечно, – признал Лавуан, – но я всегда стараюсь поступать именно так. К тому же, в этом вопросе я абсолютно уверен.

– Мне не хватит слов благодарности, – Фрида встала и отошла к противоположной стене коридора.

– Это согласие? – решил убедиться Филипп.

– Оно самое, – кивнула девушка.

– Уверена, ты не пожалеешь, дорогая Фрида, – Мелани встала и пошла к выходу, заманивая писателя за собой тоненьким пальчиком.

Сопrotивляться Филипп не хотел, да и не стал бы ни за какие деньги. Не идти за Мелани он просто не мог. Особенно сейчас, когда Фриде было нужно дать больше свободного времени для принятия сложного факта.

– Вы меня поразили сегодня, мсье Лавуан, – сказала Мелани, когда пара отошла чуть поодаль от квартиры немки.

– Вы про ночь или про день? – решил пококетничать Филипп.

– Ночь была чудной, – рассмеялась Мелани, отчего наконец улыбнулся и писатель. – Но то, что Вы сделали сейчас, значит для меня гораздо больше. Понимаете, ухажеров у меня было предостаточно. Этим я не горжусь, разумеется, как многие, но тем не менее, не признавать этот факт, как минимум глупо. Со многими из них я провела чудесные ночи. Но вот на большее их не хватало. Они не могли выйти за рамки чего-то абсолютно доступного им: денег, влияния, физических возможностей. Вы же сразу взялись за мою просьбу, пусть она была и непростой.

– Вы преувеличиваете, – поспешил оправдаться Лавуан. – Это не такая большая просьба и я рад, что сумел ее исполнить.

– Я слышала слова Пьера, – вздохнула девушка. – К сожалению, многие мужчины привыкли смотреть на обслужи-

вающий персонал, особенно девушек, как на людей второго сорта. Ему будет сложно принять ее. Как, я уверена, и вашему директору.

Значит она имела представление о сложности задания и просто проверяла меня. Я бы чертовски разозлился на такое поведение, будь это кто-то другой. И все же, я почти выполнил задание, и теперь смысла злиться совершенно нет.

Раздумья Филиппа были прерваны нежным поцелуем Мелани. Ее губы, какую бы горечь порой не произносили, были невероятно сладки. Лавуан, до этого момента прибывавший в недоумении как же ему относиться к выходкам этой девушки, тотчас же растаял.

– Я жду Вас сегодня у себя.

Весь следующий месяц пролетел как один день. Богат ли он был на события? Весьма. Однако, как Филипп терял их в суматохе дней, так и я не вижу никакого смысла расписывать все подробно. Несмотря на это, стоит отметить как общую канву действий писателя, так и отдельные интересные и важные для героя моменты.

Отношения с Мелани складывались как нельзя лучше. Страсть, бушевавшая первые дни немного отпустила влюбленных, уступив место чувству куда более, как казалось Лавуану, глубокому. Мадемуазель Марсо баловала писателя своими частыми визитами. Мадам Бош, поначалу относившаяся к госте с великим подозрением, постепенно прониклась девушкой и даже стала встречать ее улыбкой, что сильно удивляло Филиппа. Сперва ему подумалось, что дело только в природном обаянии Мелани, но, встретив ее пару раз заранее, а не на пороге квартиры, как обычно, француз понял, что доброта мадам Бош идет исключительно из меркантильных соображений, ведь гостыя всегда приносила ей какой-нибудь недорогой презент, который, пусть и не был особо полезен, но являлся прекрасным жестом доброй воли по отношению к домоправительнице. Та в свою очередь, была рада вниманию, и отвечала взаимностью.

Время влюбленные проводили по-разному. Лавуан находил беседы с Мелани на удивление увлекательными. Не то чтобы Филипп был поборником общественных настроений, которые настойчиво вдалбливали ему мысль о том, что девушки едва ли способны думать. Вовсе нет. Но крупница сомнения относительно женских способностей все же, к сожалению, просочилась в сознание писателя. Поэтому разговоры с мадемуазель Марсо были своего рода терапией, которая как хороший фермер выкорчёвывала недостойные мысли с корнем. Диалоги затрагивали едва ли не все аспекты человеческого бытия: отношения, политика, религия, искусство – это лишь малый перечень глобальных тем, которые подверглись добродушной дискуссии влюбленных. Неясно как именно эти разговоры интерпретировала Мелани. Порой Филиппу казалось, что для нее это не более чем игра. Своего рода прелюдия к соитию, к которой, впрочем, девушка подходила весьма и весьма серьезно. Беседа была насыщенной и продуктивной, Лавуана поразила способность собеседницы слушать и, самое главное, слышать позицию француза, что нынче встречается все реже и реже.

За разговорами почти всегда и почти везде следовала бурная страсть. Любила друг друга пара всеобъемлюще и неистово. Порой, начав непотребство, они ловили осуждающие взгляды горожан, что редко их смущало. В постели эти двое были единым целым. Филипп всегда считал, что секс сам по себе не так важен, что духовная составляющая сою-

за куда важнее и уделять основное внимание стоит именно этому. Оказалось, что ему просто попадались не вполне подходящие партнеры, ведь теперь, заполучив Мелани, обладающую недюжинным опытом, он понял, что даже самые низменные потребности должны быть удовлетворены наилучшим образом. Главным для писателя, как ни странно, было лицезреть удовольствие на лице девушки, а бывшие пассии Лавуана нечасто баловали его этим, отчего и самооценка француза катилась в пропасть. С Мелани все было совсем не так. Ее глубокие вздохи, поморщившееся личико, огонек в глазах выдавали истинное наслаждение, которое передавалось и Филиппу.

Соседи то и дело жаловались на шум. Писатель и без того не был на хорошем счету у них. Раньше, когда он еще мог себе это позволить, в квартире регулярно устраивались пьянки. Люд на подобного рода празднествах всегда был мягко говоря несговорчивым и, когда гостям приходилось встречать постояльцев, затевалась потасовка, разгонять которую мало кто решался. Теперь, когда друзей у Филиппа не осталось, единственной гостьей в скромной комнатке осталась мадемуазель Марсо, которая, впрочем, тоже вела себя совсем не тихо. Разумеется, с соседями Лавуан спорил до конца, отчего снискал еще более дурную славу.

Все эти события – плохие и хорошие – отражались на бумаге. Пьеса, до сего момента имевшая определенные шероховатости, преобразилась. Истории, которыми Филипп на-

полнял свое произведение, корнями уходили в его собственный опыт, отчего мир, созданный автором, казался живым. Мсье Гобер, периодически читая приносимый работником материал, лишь утвердительно кивал. Громких слов от него никогда не дождешься, это писатель хорошо знал, но был благодарен увиденной реакции. Одобрительные кивки – едва ли не самый благосклонный жест со стороны директора.

Мсье Гобер сразу же приступил к постановке пьесы. Филиппу это не шибко понравилось – он привык всегда иметь пространство для маневра. Например, когда он писал Фауста, начало пьесы было полностью переделано в угоду финалу. Сейчас же, лишенный возможности что бы то ни было менять, Лавуан был расстроен. Благо Мелани не давала ему утонуть в этих мыслях. Без нее, был уверен Филипп, быть беде.

Актерам пьеса пришлась по душе. С особым рвением работали двое. Первым был Жак Трюффо. Актер не расставался со своим костюмом и сценическим образом. Тот, кто буквально вчера заверял, что ненавидит средневековый романтизм, утонул в оном по уши. Его фразочки, произносимые на старый манер сначала труппу забавляли, но со временем, когда он продолжал оставаться в образе даже во время походов в уборную – что нужно бы обсудить отдельно, ведь в латах не так уж удобно ходить по нужде – всем это порядком осточертело. И это не смотря на тот факт, что к такого рода выходкам со стороны Жака все, в общем-то, привыкли.

Вторым актером, если позволите, старавшемся изо всех сил, стала Фрида. Девушка не сразу вошла в труппу. Многие приветствовали нового члена небольшого сообщества, особенно благосклонен был Жак. Главным человеком, поддерживавшим девушку, был, разумеется, ее брат Хельмут. Здоровяк приходил на каждую репетицию даже если ему в этот день давали выходной. Порой, когда Филипп смотрел на морщинистое лицо немца, он видел слезы. То были слезы счастья за маленькую сестричку, осуществившую свою мечту. Мелани, попросившая Лавуана найти в спектакле место для Фриды, поддерживала подругу куда скромнее. Она лишь изредка позволяла себе показывать эмоции, и то лишь будучи наедине с немкой. Эти двое служили двумя столпами морального и душевного спокойствия новоиспеченного актера. Однако, предстояло еще влиться в весьма монолитный коллектив труппы.

Здесь, как и планировалось, на сцену – в весьма буквальном смысле – вышла Мелиса Дюбуа. Актриса, обычно холодная и немного агрессивная к окружающим ее людям, нашла где-то у себя в сердце тепло и заботу и вылила их остатки на Фриду. Разумеется, сделала она это лишь с просьбы Филиппа, но даже так, это был весьма широкий жест от столь ворчливой персоны. Фрида и Мелиса вместе разучивали реплики, Дюбуа показала, как нужно держаться на сцене, как и с кем взаимодействовать. Немка не сразу схватывала материал. Неуклюжесть исходила из каждого движения девушки.

Актеры то и дело делали ей замечания. Особенно на этом поприще отличился Пьер Шерро. Молодой человек будто нарочно поставил себе четкую цель – выжить бедную гардеробщицу не только со сцены, но и чуть ли не со свету. По первости его действия находили отклик у труппы, но со временем, когда упреки становились все более безосновательными, начали появляться люди, которые решили поставить актера на место. Первым это сделал, разумеется, Хельмут. За свою кузину этот человек был готов убивать – в этом никто не сомневался. Потому, когда он стал слышать претензии в сторону двоюродной сестрички с определенной регулярностью, то начал приходить к Пьеру с серьезными разговорами. Сделать он ему толком ничего не мог, и Шерро это прекрасно понимал, потому и не боялся пустых угроз. Хельмут был скован обязательствами перед мсье Гобером, поручившемся за немцев перед важными в городе людьми. Сделай Хельмут хоть что-то противоправное, им с сестрой тотчас пришлось бы посыпать главу пеплом и бежать из города восвояси. Директор, к слову, никак не успокаивал юного актера. Но, в его оправдание, и не поощрял такой подход. Он предпочитал быть эдакой Швейцарией. Не сказать, что у него это хорошо получалось.

Гобера пришлось долго уговаривать взять Фриду на главную роль. Не то чтобы Филипп не предполагал, что так оно собственно и будет, но сам разговор показался ему слишком долгим, скучным и контрпродуктивным. Помимо никому не

нужных лекций от директора на тему творческого кризиса писателя, который совершенно не вовремя и вовсе не кстати сейчас, была еще тирада на тему величия истории театра как вида искусства. *Как давно тебя не распирало от этих пустых мыслей.* Стоило Лавуану все это вытерпеть, как поспеела награда в виде согласия дать роль гардеробщице.

Если Хельмута Пьер не слишком боялся, то все изменилось, когда на сторону Фриды встала мадемуазель Дюбуа. Помимо неоднократно упоминаемого взрывного характера, Мелиса имела еще один немаловажный в нашем обществе ресурс – авторитет. Актриса в театре была уже давно, в труппе знала все и обо всех. На половину актеров у нее был компромат, которым она, разумеется, не собиралась пользоваться, но само наличие которого пугало людей. Мелиса ухитрялась держать баланс между своей горячностью, ворчливостью, неприветливостью и обходительностью, красноречием, доброжелательностью. Наблюдать за этим было как минимум интересно, особенно если знать девушку столь же долго, сколь имел честь знать Лавуан. Так или иначе, против авторитета Дюбуа Пьер идти не стал, ибо это было бесполезно. Особенно в последнее время, когда недавняя подавленность француженки испарилась.

Большинство людей, если и заметили этой ее перемены, ни с чем конкретным ее не связали, просто потому, что знали недостаточно много о жизни Мелисы. Лавуан же был уверен, что причиной всему был Виктор Моро и его влияние на

девушку. С тех пор, как они сошлись с легкой руки писателя, солдат практически не посещал Мелани. Исключением была лишь пара встреч, во время которых Виктор, встретив на своем пути холодную стену безразличности мадемуазель Марсо, просто отступал. Раньше он наверняка бы проявил куда большую настойчивость и добился своего, но теперь, когда у него уже была свободная гавань, куда он мог зайти практически в любой момент, надобность в Мелани пропала сама собой. Филипп был поражен тем, с какой легкостью ему удалось избавиться от могучего конкурента, и даже чувствовал определенную гордость за свою находчивость.

– Без этого человека мне дышится легче, – сказала как-то Мелани. – Но порой, я скучаю по его варварским замашкам. Есть в них определенная первобытная красота...

Этого Лавуан не разделял совершенно, но был рад, что более этих «варварских замашек» он рядом со своей возлюбленной не увидит. Это вовсе не значит, что Виктор не попался писателю на глаза. Он регулярно провожал Мелису до работы: за их лобызаниями Лавуану было тяжело наблюдать, но все лучше, чем было раньше. Был ли Филипп рад за Мелису? Себе он говорил, что безусловно это так. Боюсь, это был очередной самообман.

Но девушка выглядела счастливой. Разумеется, она это никому не показывала так открыто, как это делает большинство, но от Филиппа это скрыть не удавалось. Был лишь один момент ссоры, который застал писателя. Пара стояла в холле

театра, совсем неподалеку от входа и разговаривала на повышенных тонах. Лавуан, понимая, что стоять и слушать бытовые споры ему не по нраву, поспешил удалиться, однако той небольшой части услышанного разговора хватило, чтобы воочию увидеть, как рассыпается идиллия их отношений. Через пару минут писатель видел Дюбуа в компании Фриды, из чего сделал вывод, что немка своим присутствием развеяла напряжение и развела бойцов по разные углы ринга. Расспрашивать подругу Лавуан не стал. По многим причинам, главной из которых было отсутствие интереса к проблеме.

Как вы могли заметить, мы постоянно упускаем из виду бедного Пьера. Он периодически появляется, но служит лишь фоном для остальных героев. Таково было его нынешнее положение. Он и сам его прекрасно осознавал и все никак не мог с этим смириться. Звезда театра, еще недавно бывшая на всех плакатах города, внезапно стал актером второго плана. Пусть мсье Гобер и дал ему главную мужскую роль, Шерро был убежден, что этого ему недостаточно, талант его зарывается в землю, а он сам тратит силы на никому ненужную постановку. Неудача на сцене проецировалась и на личную жизнь актера. От его неуклюжих ухаживаний за Мелани не было никакого толка – все внимание девушки захватил Филипп, проводивший со своей пассией большую часть свободного времени. Пьер пытался дискредитировать оппонента, но мадемуазель Марсо, теперь регулярно посещавшая репетиции и наглядно лицезревшая все моральное

падение молодого актера, делала вид, что ничего не замечает. Все это было по самолюбию Пьера Шерро. Мальчик стал чахнуть на глазах.

Главной проблемой Шерро была недальновидность. Он так и не понял, что истинной причиной присутствия Мелани на репетициях был вовсе не Филипп, который скорее присоединился к девушке, составляя компанию, а ее подруга Фрида, бывшая предметом искреннего беспокойства и поддержки. Разумеется, все нападки Пьера в сторону Фриды Мелани воспринимала как личное оскорбление. Потому его комплименты были обречены остаться неуслышанными и навек забытыми. В то же время узы Мелани и Фриды стали еще крепче. Когда француженка была не со своим кавалером, она сидела с немкой и ее братом. Это общество весьма радовало Филиппа, ведь немцам он доверял, пожалуй, больше, чем кому бы то ни было в городе. Подозрительный Лавуан, поджидавший измену буквально ото всюду и от всех, был в кой-то веки спокоен. Простота Хельмута и Фриды подкупала, как и отсутствие видимого интереса в разрушении отношений Филиппа и Мелани.

Последний месяц был идеальным для отношений французов. Казалось, что счастье, которое Лавуан так долго искал, наконец нашло его само. Однако, несмотря на все то счастье, что заполняло душу писателя, он знал, что в этом мире ничто не длится вечно, что все умирает. И чувства, к сожалению, не исключение. Все началось с незначительной для Филип-

па, но важной для Мелани новости: в городе снова состоится шахматный турнир.

В шахматы пара играла часто. Лавуан, пусть и поднаторел в этой непростой игре, но все так же проигрывал сопернице. Сказать по правде, он уже утратил всякую надежду на победу, однако продолжал составлять девушке компанию, дабы поддержать ее интерес. Поначалу ей это нравилось. Проводить время за любимым занятием, да еще и с любимым человеком – что может быть прекрасней? Ответ не заставил себя ждать. Игра с сильным соперником.

Манера игры Лавуана была весьма однотипной. Хоть он и выучил, не без помощи Мелани, пару-тройку новых дебютов, выходя из оных он все так же играл с особой осторожностью, стараясь не рисковать. В эндшпиле и вовсе куда-то спешил, при том, что играли влюбленные не на время. Разумеется, долго получать от такой игры удовольствие девушка не могла, потому, едва заслышав о намечающемся турнире, она воспряла духом и поставила себе одну единственную цель – попасть на это мероприятие.

В квартире постоянно были слышны речи о бесконечных планах попасть на состязание. Центральной загвоздкой, смешавшей все карты, была невозможность подать заявку на турнир девушке. Играли только мужчины. Филипп считал это чрезвычайно несправедливым и искренне пытался помочь своей возлюбленной. В частности, он пошел и хотел записать ее от своего имени, но, переговорив с чинушами,

принимавшими заявки, понял, что подать документы от своего имени можно, но и играть в таком случае придется ему самому, в чем писатель не видел никакого смысла. Он хотел было предложить гениальный, как ему тогда казалось, план, по которому Мелани, будучи лишь зрительницей, подсказывала бы Филиппу во время матча и таким образом играла бы руками француза. План был настолько гениальным, что превратился в полнейший мусор едва Лавуан дошел из конторы в свою квартиру. Француз внезапно понял, что Мелани оскорбилась бы такому предложению, потому решил держать его при себе, а именно, спрятать куда-нибудь подальше в темный уголок своего разума, коих было предостаточно.

Узнав, что легальными способами на турнир никак попасть не получится, пара решила действовать грязно. Первой идеей было дать взятку. Но кому? Кто из этих бесконечных однотипных пиджаков имел достаточно веса, чтобы протолкнуть такую безумную идею? Сперва Филипп дал взятку престарелому мужичку, сидевшему в конторе, где заполнялись документы. Это не дало ровно никакого результата. Оказалось, что это мелкий клерк, работавший там на полставки и которого взяли только из-за его больной жены, на содержание которой старичку не хватало денег. *То-то он так радовался деньгам... Мог бы и предупредить.*

Первый блин комом, но писатель и не думал сдаваться. Если главным был не тот, кто старше, значит наверняка это был тот грузный напыщенный пиджак, что расхаживал ту-

да-сюда по конторе и раздражал всех присутствующих своим резким парфюмом. С этим молодым человеком, имя которого Лавуан помнил ровно тот момент пока его называл владелец, диалог, казалось, был куда более продуктивным. Во всяком случае, этот клерк мало того, что убеждал, будто у него имеется достаточно власти для такого вероломного хода, как запись женщины на мужской турнир, так еще и имел наглость торговаться о цене взятки. После встречи с этим неприятным типом кошель Лавуана, наполняемый лишь редкими подачками директора, совсем прохудился. *Зато он все сделает. Это не такая большая цена за счастье дорогой Мелани.*

Он ничего не сделал. Более того, он даже не соизволил извиниться или хотя бы объясниться с Филиппом. Вместо этого, когда писатель пришел узнать, как продвигается дело, толстячок стал всячески его избегать, наотрез отказался общаться и в целом делал вид, будто ни о какой сделке и не слышал. Пожаловаться Лавуану было некуда, просить помощи тоже, потому он просто ушел из этого ужасного места, поджав хвост.

Настало время третьей идеи. Она была самой абсурдной, поэтому Филипп и оставил ее напоследок, обозначив самым запасным вариантом. Нужен был человек с невероятно обширными связями. Тот, чье слово имеет вес не только в той конторе, куда писатель устал ломиться, но и в городе в целом. Таких знакомых у Филиппа не было. Мсье Гобер, с ко-

торым у Лавуана были весьма неплохие отношения, не смог бы помочь даже если б захотел – его руки были не настолько длинными, и явно не дотягивались до городских властей, которые и организовывали турнир. Нет, здесь нужен был человек куда больше скрученного из-за больной спины Гобера.

– У меня к тебе просьба, – неуверенно сказал Филипп.

– Каждый наш разговор, начинавшийся с этой фразы вел нас в самое поганое русло, Филипп, – ответила Мелиса. – Твои просьбы обычно настолько дикие, что их и выполнять то не хочется.

– Тогда будем считать это оплатой долга, – заявил Лавуан.

– Долга? – раздраженно спросила девушка. – О каком долге речь?

– Я был счастлив узнать, что твоя жизнь налаживается. Мсье Моро стал отличным решением твоих проблем...

– Все-то тебе надо опошлить, – оборвала девушка. – Виктор заботится обо мне – это правда. Я его ценю и уважаю, а может даже и люблю...

– И это замечательно, – закивал Филипп. – Стоит ли напомнить, кто именно свел столь замечательную пару?

– Если ты намекаешь на себя любимого, то уволь – я готова признать причастность твоей девушки к нашему знакомству, но никак не твое.

– Мне и не нужно, чтобы ты признавала меня свахой, – рассмеялся писатель. – К тому же, просить я в любом случае буду не за себя.

– Я не подпущу Мелани к Виктору...

– Я бы и сам этого не хотел, – согласился Лавуан. – Посему предлагаю нам быть посредниками в этом нелегком деле.

– Чего ты хочешь? – сдалась Мелисса.

– В городе через пару недель начинается шахматный турнир, на который, по совершенно идиотской, простите, причине не пускают девушек. Мадемуазель Марсо хотела бы поучаствовать в нем, но никто нас слушать не стал. Я подумал, что Виктор, с его обширными связями, явно сможет помочь мне с этой проблемой.

Мелисса крепко задумалась. *Тебе не идет столь серьезное выражение лица... Просто скажи, что согласна.*

– Я спрошу у него, – согласилась девушка. – Но это все, что я могу. Едва ли он станет меня слушать. У нас... у нас сейчас не лучший период...

Мелиса заметно погрузтелла. Филипп, едва увидев тень печали на лице девушки, отступил, дав ей возможность переварить полученную информацию и принять верное, для него разумеется, решение. Следует отметить, что само это решение, как бы Филипп не желал сейчас его успеха, не устраивало писателя. Это был своего рода шаг назад – признание собственного бессилия перед важной для его любви проблемой. Обратиться к Виктору Моро за помощью было как актом великого отчаяния, так и великой смелости.

Лишь спустя неделю мадемуазель Дюбуа соизволила ответить на просьбу старого друга. Она договорилась со сво-

им кавалером о встрече на выходных, заранее оговорившись, что с ней будет мсье Лавуан, у которого будет просьба. Формулировка звучала унижительно для Филиппа и, не будь он так слепо влюблен, наверняка бы тотчас отказался от подобного рода встречи. Но выбора не было.

Когда Филипп просил подругу о просьбе, он и не предполагал, что ему вообще придется общаться с Виктором лично. Будучи уверенным в силы и влияние Мелисы, писатель предполагал, что она сама способна уговорить возлюбленного на подобного рода авантюру. Как выяснилось – Лавуан ошибался. И за эту ошибку он будет расплачиваться весьма неприятной беседой.

Виктор Моро владел апартаментами в элитном районе города. На невысоком холме, откуда открывался живописнейший вид на залив, располагалась гряда небольших, богато отделанных зданий, где нашли приют одни из самых влиятельных людей города. *Любой из них мог бы с легкостью решить мою проблему... А я иду к злейшему врагу. Не могу понять дурак я или гений.* Мелиса встретила Лавуана еще на выходе из старого квартала, где дорога начинала свой серпантинный крюк в элитный район. Актриса посчитала, что писателю стоит напомнить, как вести себя в приличном обществе. Ведь, по ее мнению, француз, прошедший столько лет в нищете городских трущоб, напроць должен был бы забыть все должные и присущие его классу манеры. *Не суди меня по себе.* Сама Мелиса и вправду поначалу чувство-

вала себя весьма неуютно в компании друзей Виктора. Да, они были солдафонами, но не лишенными манер, которых девушке и не хватало. Со временем, конечно, Дюбуа освоилась, подучилась и стала представлять собой среднестатистическую французскую светскую львицу. По ее словам, после этого преобразования, к ней даже стали проявлять недвусмысленный интерес друзья Виктора. Впрочем, им отвечали отказом, ибо «честь куда важнее каких бы то ни было статусов».

Мелиса говорила, не замолкая ни на секунду. Лавуан слушал вполуха, а вполглаза разглядывал вычурный квартал. Многие места, поразившие его, непременно запечатлелись в его сознании и остались там «до подходящего случая». Например, синий дом с виноградной лозой, разбитой прямо на фасаде или небольшой дворик желтого дома, где в тени зонтов расположились две милые старушки. Все вокруг выглядело богато и со вкусом. Это не была роскошь ради роскоши, которую можно было встретить у ютящихся за пределами города цыган. Здесь все было аристократично, отчего глаз радовался. Однако, внимание рассеивалось из-за бесконечного потока мыслей о предстоящей встрече. Филиппу никак не удавалось внятно сформулировать ту единственную мысль, которую он намеревался донести до Виктора, и это его гложило. Если для Дюбуа была важна форма подачи информации, то писатель думал над тем что именно сказать при встрече. Какие слова быстрее найдут путь в душу столь

холодного человека.

Квартира, находившаяся на последнем этаже, снаружи была статной. Тяжелая дубовая дверь, изрисованная разного рода цветочными, вроде бы розами, орнаментами, выглядела невероятно красиво – один ее вид наглядно демонстрировал все богатство, имевшееся в карманах владельца квартиры. Ожидая глухого стука, Филипп не заметил, что Мелисса уже вставила большой ключ в резную замочную скважину и повернула два раза, отворив тем самым, ворота. Писатель был поражен уровнем доверия, которого достигли Моро и Дюбуа за столь короткий срок. *Ладно ключи от моей коморки – они ничего не стоят, потому я их так спокойно и дал Мелани. Но ключи от такого... Почти первой встречной... Виктор либо доверчивый дурак, либо бесконечно влюбленный дурак. Впрочем, одно другому не мешает.*

Филипп справедливо посчитал, что последнюю свою мысль лучше до ушей солдата не доносить – мало ли что. Да и вообще стоит говорить лишь тщательно подумав. Ведь солдат совсем не равен деятелю культуры. Лавуан и Моро, по представлению Филиппа, думали совершенно в разных плоскостях. Тем временем, мысли о натуре Виктора были вытеснены ярким образом большой прихожей, в которую герой попал. *Для чего вообще нужно столько места?* Зала могла бы легко соревноваться не только с узкими прихожими дома, где жил Лавуан, но и с самой комнатой писателя. Здесь по разным углам были распиханы красивые столики,

на стене красовалось зеркало в старинной раме, отчего пространства становилось будто бы больше, хотя, казалось бы, куда еще то, возле двери стоял персидский пуфик с бахромой, а рядом притаилась вешалка для одежды. Вешать на нее свой потертый пиджак герой не решался, но, заметив на себе грозный взгляд Мелисы, поспешил избавиться от лишней одежды. Следуя за девушкой, Филипп не мог не замечать великолепие паркета, принимавшего на себя удары звонких каблучков Дюбуа. Все, что видел вокруг себя Лавуан, было невероятно дорогим, а возможно еще и редким. Это не могло не впечатлять, хотя куда сильнее это било по эго гостя. *Пожалуй, для этого здесь вся эта роскошь и находится. Едва ли нашелся бы человек настолько чванливый, что смог бы комфортно жить в таких условиях. Все это не иначе как шутка и издевка над посетителями. Мерзко.*

Виктор Моро сидел в своем кресле напротив окна. Ставни были распахнуты настежь, из-за чего комнату наполнял свежий ветер, пение птиц, доносившееся снаружи, превращало и без того роскошную атмосферу в откровенно сказочную, солнце освещало все до чего могло добраться, а это почти вся комната, ведь окно было преступно большим. Если полковник и ждал гостей, то виду никакого не подавал. В руках он держал трубку, куда старательно набивал табак. Рука то и дело соскальзывала. Филипп принял это за следствие травмы. Трубка была необычной: непрофессиональным взглядом оценив ее, Лавуан пришел к выводу, что она из

северной Африки, возможно была подарена солдату за хорошую службу. Казалось, ничто не способно отвлечь хозяина от важного занятия, но, как только Мелиса оказалась подле него, он тотчас поднял глаза, улыбнулся из-под густых усов и добровольно отдал трубку в руки девушке.

– Добрый день, – бас полковника был обращен к писателю. – Рад, Вас видеть, мсье Лавуан. Рад встрече в более благоприятной обстановке, нежели тогда, в театре. О Ваших постановках частенько говорят по всему городу. Да и Мелиса постоянно про Вас жужжит.

– Жужжу? – возмутилась девушка, продолжая забивать табак. – Я всегда говорю исключительно по делу!

– Разумеется, разумеется. – ехидно ответил, едва не рассмеявшись в голос Моро. – Не отвлекайся, пожалуйста.

– Я тоже слышал о Вас исключительно положительные факты, – попытался растопить беседу Филипп. – Бравый солдат, верный отечеству и своему слову...

– Эта лесть ни к чему, – оборвал Виктор. – Когда я слышу подобного рода речи, значит мне предстоит ввязываться в неприятности.

Насколько же эти двое похожи... Она на него так повлияла? Или же он сам всегда был таким, и идеальная пара нашла себя по воли случая? Их историю можно было бы описать в дешевом романе о неизбежности судьбы. Такое бы даже читали...

– Давайте без любезностей, согласен, – кивнул Лавуан. –

Мы оба друг друга уважаем – это ясно. К тому же, Вы один из немногих людей, которым я могу довериться, ведь это уже делает моя хорошая подруга, неплохо разбирающаяся в людях, между прочим...

– Слышал, Вы с Мелани сошлись, – Моро обрывал резко и бесцеремонно. Кулаки писателя сжимались каждый раз, как его мысль прерывали столь беспардонно. – Интересный союз, как ни посмотри. Хотя с ней по-другому никак – все выйдет интересным. Этим и подкупает, чертовка. В постели тоже хороша... Ну ты знаешь и сам, полагаю. Но все с ней сложно. От подарков отказывается, общается холодно, строит из себя черт пойми кого... Не знаю, как ты с ней уживаешься. Хотя порой ловлю себя на мысли, что хочу этой женщиной обладать...

Слова полковника, столь обычные и нормальные, судя по тону, для него самого, сильно задевали не только Лавуана, но и Дюбуа, которая на мгновение даже перестала забивать трубку. Спорить со здоровяком открыто никто не стал, но неприятный осадок остался, и так просто от него уже не избавиться. Филипп, собрав всю свою вежливость, ответил:

– Не стал бы представлять все это в таком ключе. И, тем не менее, мадемуазель Марсо и вправду чудная женщина. Я рад, что нам обоим так повезло с дамами, – после этих слов на лице Мелисы появилась улыбка. – Именно поэтому я и хочу помочь Мелани в ее нелегкой борьбе за равные права...

– Да, еще одна головная боль, – недовольно поморщил-

ся Виктор. – Как я устал слушать эти речи, Господь всемогущий. То и дело... Вот сидим мы в прекрасном ресторанчике, у мсье Ришара, должно быть знаете, такое примечательное местечко на западе города... Там еще устрицы интересно подают... Думаю, знаете... Так вот, нет чтобы просто насладиться хорошим видом, да вкусной едой – нет, нужно устроить истерику потому что какой-то морячок прихватил милую официантку за попку! Ну какой пустяк! Бедолаге пришлось выслушивать нотации о важности женской личности... Я был вынужден ему дать пару монет, в качестве моральной компенсации, разумеется. Не то чтобы большая потеря, но сам факт...

– Мир меняется, к лучшему или к худшему, – ответил Лауан. – Те, кто отказываются идти в ногу со временем, обречены остаться на обочине и бесследно исчезнуть.

– Не думаю, что меня ждет забвение, – рассмеялся полковник. – Слишком многое я уже сделал для этой страны и общества в целом. Можете сколь угодно говорить об этой вашей моде, а я отвечу просто – мода, она ведь явление временное, быстротечное. Придерживайся чего-то фундаментального и останешься на коне в любую погоду.

– Стало быть, Вы не станете мне помогать? – рассердился Филипп.

– Вам – Христа ради. Уверен, Ваши проблемы едва ли могут пересечься с чем-то противоречащим моим моральным принципам. Но вот Мелани, а сейчас Вы просите меня имен-

но от ее имени, я помогать в этом деле не стану. Мой авторитет зиждется на непоколебимости натуры. А тут получится, что говорю я одно, а руки мои тем временем делают другое. Совершенно некрасиво получается.

Мелиса закончила и отдала возлюбленному трубку. Весь разговор она молча слушала. Ее позицию узнать наверняка было невозможно, но, судя по лицу, постоянно меняющем гримасы, девушка испытывала смешанные чувства, сама, не понимая, как ей стоит реагировать на услышанное. Лавуан полагал, что сейчас в ней боролись два начала. Первое было несказанно радо тому факту, что Виктор никоим образом не хочет контактировать и уж тем более помогать своей бывшей возлюбленной. Это значило, что у нее куда больше шансов наконец окончательно вытеснить Мелани из головы солдата. Второе же было полностью не согласно с причинами отказа. Мелиса сама, будучи поборником суфражистского движения, совершенно не разделяла взглядов любимого, и в любой другой ситуации уже кричала бы с пеной у рта о правах женщин, об их чувствах, о важности их для общества и о прочих вещах, которые явно не желал бы услышать полковник. Было неясно, что именно ее останавливает: манеры перед гостем, любовь к Виктору, или обычный страх перед ним.

– Если вы не хотите это делать ради ее взглядов, – переубеждал Филипп, – то сделайте это хотя бы ради нее самой. Вспомните ее как человека, как прекрасную девушку.

Неужто вы скажете, что она не заслуживает простого участия в турнире? Это же мелочь для нас, которая сделает ее невероятно счастливой.

– Мелочь? – задыхался табаком Виктор. – Откуда Вам знать, что это мелочь? Может в Вашей голове оно и так, вот только на практике все не так просто. Думаете, мне стоит просто прийти в городской совет, рывкнуть на них посильнее, как тотчас все же решится?

– Полагаю, Ваше влияние...

– Его явно недостаточно для принятия такого решения, друг мой, – от этого обращения Филиппа покорило. – Мне придется договариваться с теми, кто мне откровенно неприятен. Кто знает, может даже унижаться и просить их о милости мне помочь.

– Уверен, с Вашими связями...

– Связи здесь ни при чем, – рывкнул полковник. – Все эти чинуши редкостные лизоблюды! Мать родную продадут, потом еще подумают, что продешевили! Одно общение с этими шакалами меня раздражает! И все это ради чего?! Чтобы очередная мамзелька поиграла в свои идиотские игры? Какая глупость.

– Может и глупость, но для нее это важно! – прикрикнул Филипп, отчего остановился даже собеседник. – Совершенно не имеет значения, что думаю я и каких позиций придерживаюсь – моя любимая хочет участвовать в турнире по шахматам, возможно важнейшем событии в ее жизни. Как я

могу ей не помочь в этом?! Кем бы я был, если бы бросил ее с этими проблемами на произвол судьбы?! Думаете, мне было так легко и просто прийти сюда, к Вам, с такой просьбой? Вы ее бывший возлюбленный, я должен ненавидеть Вас всеми фибрами души, обязан сторониться сам и держать Мелани как можно дальше от Вашего влияния! Но я здесь! Унижаюсь перед Вами, прося о сложной, безусловно, просьбе! Мне от этой ситуации ни капли не легче, и, если бы я имел хоть какой-то вес, то сам бы пошел по головам этих чиновников, чтобы выгрызть место для Мелани на этом чертовом турнире!

В комнате повисла тишина. Воздух продолжал вибрировать от громких заявлений Лавуана. Виктор и Мелиса быстро, едва заметно, переглянулись, чтобы затем дружно тарачиться на покрасневшего Филиппа. Писателю стало немного стыдно за свою выходку, хоть и в сказанном он был твердо уверен.

– Это слова настоящего мужчины, мсье Лавуан, – отметил Виктор. – На мой вкус немного слащаво, правда, но кто я такой, чтобы судить... К тому же, Ваша просьба едва ли сравнима с моими выходками во время влюбленности, – полковник крепко задумался, втянул побольше дыма из трубки и задержал дыхание. После глубокого вдоха он, наконец, окончательно успокоился. – Я вспомнил один случай. Как-то давно, еще во времена, когда я был простым капралом, понравилась мне жена нашего старшины. Фигурка у нее склад-

ная была, волосы черные как смоль, под стать глазам... Старшина был редкостным идиотом, да еще и щуплым, как ободранный гусь, в общем человеком, совершенно недостойным столь прекрасной леди. Ну и застукав нас как-то вместе, он меня на дуэль решил вызвать. Испугался ли я тогда? Ни капли. Я уже тогда был на две головы выше него. А еще дураком был, поскольку не знал, что старшина то наш – лучший стрелок в роте. Выиграл не одно соревнование, да и вообще какую-то там награду имел, сейчас и не вспомню – давно было. В ночь перед дуэлью я просто мечтал, чтоб хоть кто-то нас остановил, но все мои друзья и знакомые были, откровенно говоря, ничего не значащими солдатиками. Остановить старшину мог только человек выше званием, а с такими я не имел чести быть знакомым.

– И чем же все закончилось? – с неподдельным интересом любопытствовала Мелиса. Очевидно, эту историю Виктор ей рассказать не успел или не посчитал нужным рассказать.

– Дуэль состоялась, – полковник оттянул халат, обнажив грудь, на которой красовался давно заживший, но прекрасно сохранившийся шрам от пули. – Он мне оставил подарочек тогда. Еле уцелел. Кровищи было много.

– Что же стало с оппонентом? – спросил Лавуан.

– Он лежит в земле с того самого дня. Ему не повезло. Попади он чуть левее, чтобы сразу поразить сердце – и не жить мне. А так... Я выстрелил в ответ, и он выкарабкаться не сумел. С женой его мы, к слову, с того утра ни разу и сло-

вом не обмолвились. Горькая победа. И невероятно пустая.

– Действительно грустно, – заключила Дюбуа. – Столько нервов, сил, да еще и человеческая жизнь... И все ради чего?

– Хотел бы я сказать, что ради любви, – Виктор посмотрел на девушку пустыми глазами, – но это ложь. Наверно все дело в человеческой гордыне.

– Не уверен, что Ваша история коррелируется с событиями сегодняшними, – сказал Филипп.

– А вот тут я не согласен, мсье Лавуан. Целая жизнь была утеряна просто потому, что не нашлось достаточно сильного покровителя, чтобы остановить это безумие. Здесь же ситуация схожа тем, что Вы прямо как молодой я – наделаете из-за мимолетного чувства глупостей, наломаете дров, да так, что потом глядишь всю жизнь будете все это расхлебывать.

– Полагаю, что уже знаю, куда Вы клоните, мсье Моро.

– Все верно. Я не очень хочу помогать Вам, мсье Лавуан. Сказать по правде, совсем не хочу. Но понимаю, что сейчас именно я тот самый покровитель, от которого все зависит. Мне будет непросто, но чувствую, что это мой долг перед самой судьбой.

Историей о дуэли писатель совершенно не проникся. Выводы, к которым пришел Виктор, не нравились Филиппу. По словам полковника, он теперь станет эдаким мессией, помогающим бедному заблудшему человеку, который еще не ведает, что творит. В то время, как единственным ребенком в помещении продолжал быть Моро, со своим раздутым эго

и страстью создавать из ничего драму. Лавуану стоило бы, исходя из его крайне противного характера, начать спорить, а то и откровенно высмеивать поведение солдата, но тогда просьба, с которой писатель пришел в этот дом, и ради которой терпел все это время его хозяина, будет совершенно точно не исполнена. *Не стану расстраивать этого высокомерного дурака. Какая разница ради чего он исполнит мою просьбу? Пускай придумывает какой угодно удобный повод, лишь бы Мелани в итоге попала на турнир.*

– Ты уверен? – с беспокойством спросила Мелиса. – Помогать людям, конечно, хорошо, но как бы эта ситуация не сказалась на тебе.

– Все будет нормально, – Виктор поднялся со своего большого кресла, поправил халат так, чтобы он наконец сидел по-человечески, и двинулся в сторону писателя. По мере продвижения этой ходячей горы, Филипп потихоньку начинал по-настоящему понимать причину своего страха перед этим человеком. – Это дела мужские, Мелиса. Женщинам этого никогда не понять, да и не нужно. Это дело чести, дело мужской солидарности.

– Благодарю Вас от всего сердца, – пожал протянутую ему руку писатель. – Надеюсь, у Вас все получится без лишних проблем.

Филипп был счастлив удалиться из квартиры полковника. Мелиса, постоянно о чем-то говорившая, провожала француза до выхода. Тот не слушал спутницу. Он еще в комна-

те понял, что ей не по душе тот факт, что Моро согласился помочь. Речь Филиппа если и тронула ее, то не поколебала настроя не впутывать возлюбленного в дела бывшей девушки. Впрочем, до мнения Дюбуа Лавуану не было никакого дела. *Пускай оба думают, как им удобно. Главное, чтобы все свершилось.*

Всю дорогу домой, и потом еще дня три, Филипп думал о том, как бы сообщить Мелани о хорошей новости. И если само известие должно было бы вызвать единственную реакцию в виде бесконечной радости, то средство достижения могло вызвать непредсказуемый эффект. Обращение Филиппа могло оскорбить девушку, столь долго пытавшуюся избавиться от назойливого ухажера. Еще одна просьба, по которой Виктор мог бы вполне просить чего бы то ни было от Мелани. Это поставило бы девушку в неудобное, мягко говоря, положение. Но будь еще хуже, если бы мадемуазель Марсо обрадовалась решению Филиппа. Это бы вновь сблизило их с полковником, и отдалило от Лавуана. Таким образом, писатель стал бы своеобразной свахой, сам того не желая.

– Хочешь, обрадую тебя? – Филипп лежал на коленях у Мелани, сидевшей на скамье посреди центрального парка. Вокруг копошились люди, но это ни коим образом не мешало ни девушке читать, ни молодому человеку наблюдать за сим процессом.

– Ты меня и так всегда радуешь, – француженка оторвалась от книги, чтобы поцеловать возлюбленного в лоб.

– Но сегодня особенно, – поднялся Лавуан, чтобы быть на одном уровне с девушкой. – Думаю, я нашел способ записать тебя на турнир.

– Правда? – улыбнулась Мелани. – И какой же?

– Это секрет, – замялся писатель.

– А Вы мастерски интригуете, мсье Лавуан, – откровенно рассмеялась девушка. – Расскажите поподробнее, прошу!

– Никак нельзя, – наотрез отказался француз.

– Такой большой секрет? – продолжала смеяться Марсо.

– Если я расскажу тебе, родная моя, – начал Филипп, – то могу поставить под угрозу благополучие предприятия. А оно, как ты знаешь, и так весьма шаткое. Лишняя шумиха лишь навредит.

– Ах ты считаешь, что мой длинный язык сорвет Ваши грандиозные планы? – шутила Мелани, особенно выделяя обращение.

– Ваш язычок мне весьма нравится, – Филипп поцеловал спутницу настолько страстно, насколько мог. – Однако...

– Ох всегда есть это Ваше «однако»...

– Однако, пусть это дело будет в тишине, – улыбнулся наконец Лавуан. – Надеюсь, Вы простите мне мою скрытность, мадемуазель Марсо, – полное обращение пара, с недавних пор, использовало исключительно в издевательской манере и всегда ради шутки.

– О, мсье Лавуан, боюсь Вам придется замаливать сей грех еще очень долго. Может быть Вы и сумеете отработать его,

но кто знает, насколько сложно это будет...

– Я постараюсь все исправить так быстро, как только смогу.

– Вот уж скорость здесь совершенно ни к чему, – придвинулась Мелани так близко, как только было возможно.

– Поверьте, мадемуазель Марсо, там, где надо, я могу и потерпеть, и подождать.

Влюбленные соединились в поцелуе, не обращая внимания ни на что вокруг. Им как обычно было весело и прекрасно вдвоем. Филипп отдал бы все на свете, лишь бы момент не заканчивался, лишь бы остаться здесь, наедине с Мелани, наедине с душевным покоем, наедине со своим счастьем. Но мир, как уже знают все зрелые люди, не стоит на месте. Все меняется. Не только общество движется вперед, но и люди сами по себе склонны к постоянному движению, личностному росту и прочей ерунде, которую Лавуан считал жутко переоцененной. Какая разница сколько денег у тебя в карманах или какое положение ты занимаешь, если ты несчастен? Для себя писатель уже давно решил, что пусть его путь и ведет к стагнации, а то и откровенной деградации, если он сам будет в этот момент самым счастливым человеком на планете, то пусть будет так. Отстаивать эту точку зрения француз не стремился, ибо уже пытался и безрезультатно. Людям совершенно невозможно что-либо доказать – они склонны стоять на своем до последнего, а даже если Ваши аргументы были железными и непоколебимыми, то признают свое поражение

столь неохотно, что тебе самому кажется, будто это была и не твоя победа вовсе.

После разговора в парке Мелани еще пару дней пыталась выведать у Филиппа его тайный план. Любопытство – это, конечно, замечательная человеческая черта, но уж больно приставучей стала девушка. Лавуан отказывал ей в ответе сначала игриво, переводя все в шутку, затем спокойно, чтобы не дай бог не поранить чувств прекрасной девушки, а в последний раз все-таки ответил весьма жестко. Тогда он был не в духе. Пьеса, пусть и писалась в хорошем темпе, начала становиться все более и более сухой. Все больше мелочей ускользало от писателя, сюжет становился плоским и однообразным. Зрители наверняка не заметили бы разницы, но для писателя это была настоящая пытка. К тому же в тот день Лавуан поругался с мсье Гобером из-за Фриды. Девушке все сложнее давалась роль. Тонна текста, которую на нее вылили, начинала давить немку. Не будь рядом с ней столько именитых профессионалов – быть беде. В любом случае, настроение Филиппа было мягко говоря скверным. И на этом фоне расспросы Мелани, которая, впрочем, не виновата в том, что ее распирало от любопытства, ведь речь шла о ее будущем, оказались совершенно не к стати.

– Прошу, Мелани, Христа ради, не донимай меня этим, – рявкнул писатель. – Если бы я мог сказать или имел желание – ты бы непременно узнала! Я же не просто так все это держу в таком секрете!

Девушка ничего не ответила. Лишь медленно, выдерживая театральные паузы, собралась и ушла. Лавуану потребовалось три дня, чтобы вернуть отношения в былое русло. Впрочем, это оказалось так легко лишь из-за отходчивости Мелани. Она поняла и приняла доводы возлюбленного и не стала делать из мухи слона, чем влюбила в себя Филиппа еще сильнее.

– Я прощаю Вас, мсье Лавуан, – заключила француженка. – Но впредь прошу Вас наблюдать за своим тоном. Мне не нравится, когда на меня кричат.

С тех пор Филипп ни разу не повысил на девушку голос. Он и не хотел, но сам факт, что он успел причинить девушке боль, его удручал. На фоне этого, все чаще к писателю стала приходиться паучиха. Чем больше ненавидел себя за тот инцидент писатель, тем сильнее и массивней становилось существо. Поначалу хватало таблеток, которыми любезно поделился сосед-немец. Однако, поняв всю пагубность препарата на творчество писателя, Филипп стал потихоньку отказываться от медикаментозного вмешательства в свое ментальное самочувствие. Разумеется, за этим последовал рост влияния паучихи на жизнь, но при этом француз мог продолжать писать, пусть и лишь при свете дня.

За этой чередой происшествий пролетело две недели. С девушкой все налаживалось, пусть и медленно, пьеса писалась в том же темпе, будто вторя отношениям влюбленных. Единственной преградой на пути к счастью оставалась ме-

ланхолия, которой Филипп, пусть теперь и в меньшей степени, был подвержен.

Тебе не стоило заходить так далеко, родной. Пусть тебе и кажется, что все налаживается – это иллюзия. Посмотри сколько ошибок ты уже натворил... Кричишь на девушку, третируешь ее, обманываешь своими напускными чувствами... А все, что даешь взамен – обман! Даже участие в турнире организуешь не ты, а другой ухажер! Быть может, стоило оставить их вдвоем? Это было бы куда логичнее и правильней. Ты доставляешь лишь боль окружающим тебя людям.

Спорить с аргументами паучихи не было ни сил, ни времени, потому в бой после такого монолога сразу шли пилюли. Все мысли сразу же испарялись как вода в пустыне, и писатель мог спокойно заниматься своими привычными делами. *Столько всего нужно сделать.*

~ VI ~

Дописал. Очередная глава была закончена. Лавуан чувствовал удовлетворение от проделанной работы, вперемешку с приятной усталостью. Филипп встал и подошел к окну. Утро было прохладным и туманным. Писатель любил такую погоду – ему гораздо приятней было под куполом туч и в объятиях густого тумана, чем под неистово палящим южным солнцем. Прохожие, уже успевшие повылезать из своих нор, явно не разделяли увлечение Лавуана: они спешили куда-то по своим важным делам, в своих важных костюмах, с важной физиономией на лице, совершенно не обращая внимания на красоту вокруг. Мелани, уставшая за ночь, мирно посапывала, уткнувшись носиком в подушку. Казалось, это был один из тех дней, когда ничто не может нарушить душевного покоя.

На сегодня у Филиппа была договоренность о встрече с мсье Гобером. За ночь француз таки успел дописать задуманное и был полностью готов к сдаче материала. Писать ночью, правда, становилось все сложнее. Меланхолия то и дело мешала сосредоточиться на работе, постоянно путая мысли Лавуана. Однако, сегодня он справился с наваждением.

Мсье Гобер ждал писателя после обеда. Обедал директор не раньше часа, поэтому наш герой для себя решил, что спе-

шить нет никакой нужды. Филипп хотел было лечь к своей любимой, приобнять за обнажившуюся ножку, да прижаться посильнее, но на утро также имелись планы. Мелиса ждала Лавуана на завтрак в кафе. Разумеется, он отказался бы при первом же удобном случае, но на встрече должен был обсуждаться весьма важный вопрос. Виктор столкнулся с проблемами в лице местного чиновника, с которым они вместе служили. Тот наотрез отказался сотрудничать с однополчанином, вроде как из личной обиды. Сей факт несколько не удивил Филиппа, но писатель все же надеялся, что полковнику удастся-таки уговорить старого знакомого пойти на уступки и выбить обещанное для Мелани место на турнире.

– Могу я забрать поднос? – громко ворвалась в комнату мадам Бош.

– Тише, мадам Бош, – палец Лавуана был прикован к губам, недвусмысленно намекая хозяйке заткнуться. – Вы разбудите гостью, – продолжал он шепотом.

– Прошу прощения, – старушка вошла в комнату на цыпочках, аккуратно взяла поднос – он был новенький, не тот, что летал по местным улочкам – и спешно удалилась.

Филипп последовал ее примеру. Собрав все необходимое: одежду, печатные принадлежности и оставшиеся со вчерашнего вечера булочки – поспешил вниз, на улицу. Внизу оказалось столпотворение. Добрая половина дома собралась возле коморки мадам Бош и о чем-то спорила между собой. Сама хозяйка же спешно скрылась в своей комнатуш-

ке, слушая злые упреки, прилетавшие в спину.

– Что тут за столпотворение, гер Шульц? – спросил новоприбывший у немца, стоявшего в углу поодаль от основного скопления людей.

– Честно, голубчик? – доктор поправил сползавшие вниз по носу очки. – Понятия не имею... Слышал что-то про новое нашествие крыс, кажется. Сам их не видел, но деньги с меня сегодня уже попросили. Я-то просьбу удовлетворил, конечно, но ни одной крысы в последнее время не видел.

– Почему же с меня ничего не взяли? – недоумевал писатель.

– Судя по собравшимся – здесь только первые два-три этажа, – пояснил Шульц. Он начал перечислять толпившихся людей по именам и комнатам, что они занимают. Вся эта информация за ненадобностью быстро покидала голову Лавуана. Никого из присутствующих он не знал, пусть и имел честь видеть несколько раз, но лишь вскользь и ненароком. В любом случае, его соседей по этажу здесь действительно не было.

Филипп не стал дослушивать Шульца. Это было грубо, бесспорно, однако времени на пустые разговоры не оставалось. Тем не менее, француза распирало от любопытства. Он прорвался через толпу и аккуратно, так, чтобы никто из окружающих не обратил должного внимания, проскользнул через дверь на кухню. В маленькой комнатке притаилась старушка. Судя по виду, она ничем важным занята не была, но

и выходить к раздраженной толпе не желала. Вид у нее был весьма поникший, но сосредоточенный, будто она обдумывала что-то.

– Что Вам угодно, мсье Лавуан? – нарушила молчание Бош. – Вам я тоже что-то должна? Вроде у Вас денег я не брала.

– Так эти господа и дамы за этим стоят у Вас под дверью? – вздохнул Филипп.

– Людям никак не объяснить, что за все в этом мире приходится платить, – старушка начала старательно оттирать пятно на скатерти стола. Предприятие изначально было обречено на провал, ведь это пятно уже полгода как украшает местный интерьер. – Будто это моя вина, что чертовы крысы перебегают к нам...

Лавуан был уверен, что хозяйка привирает. *Наверняка решила подзаработать на постояльцах и выдумала очередное нашествие вредителей. Кто здесь крыса еще нужно разобраться.*

– Яда с прошлого раза не хватило? – язвительно отметил писатель.

– Нет, – четко и ясно пояснила Бош. – Я думала, что оставила достаточно. Но выяснилось, что из-за своей рассеянности я отложила на будущее слишком мало. Того флакона, что лежал и ждал своего часа, хватило лишь на пару хвостов. Основная масса все еще жива и наверняка плодится пока мы разговариваем. И денег на покупку новой отравы у меня нет.

Филипп почувствовал себя виноватым. Все это время он крутил в кармане тот самый флакон, который украл еще месяц назад, но не решался отдать его, ведь это было бы буквально признанием собственного греха. Лавуан уже прослыл неплательщиком, плохим соседом, и не хотел быть еще и вором. *Лучше остаться лжецом.*

– Мне нечем Вам помочь, мадам Бош, – оправдывался Филипп.

– Мне это известно, мсье Лавуан, – успокоила собеседница. – Я ничего у Вас не прошу. Сказать по правде, я уже жалею, что у стоящих за дверью попросила что-либо... Но им оно куда нужнее.

– Мне правда жаль...

– Хотите помочь? Платите в срок. Быть может на эти деньги мне удастся исправить ситуацию...

– Я как раз за этим и пришел, – в руках постояльца виднелись деньги. – Может что-то из этой суммы пойдет на крыс.

– Безусловно пойдет, мсье Лавуан, – спокойно принял плату мадам Бош. – Не знаю лишь, хватит ли их на спасение этого дома от полчищ паразитов.

Француз поспешил удалиться. Желание помочь отчаявшейся старушке схлестнулось со стыдом и нежеланием прослыть вором, лжецом и прочими отвратными ярлыками. К тому же разум Лавуана постоянно пытался приглушить боль всплывающими воспоминаниями о том, какой же злодейкой была хозяйка дома. В одно мгновение перед его глаза-

ми разыгрались сцены ее регулярного недовольства самыми разными мелочами, из которых состояла вся жизнь Филиппа. *Она заслужила это.*

Толпа и не думала расходиться. Сначала одинокая старушка, затем грозного вида мужчина средних лет начали расспрашивать писателя о предмете разговора, развернувшегося на кухне. Лавуан не стал подливать масла в огонь – просто отмахнулся дежурными фразами, мол он и не о том пришел спросить хозяйку, и что его вся эта ситуация едва ли касается, да и в конце концов ему уже пора бы скорее убежать, ведь столько важных дел у столь важного человека.

– Оно коснется всех, кто здесь живет, молодой человек, – заметила старушка. – Ниже или выше Вы живете – рано или поздно крысы все равно доберутся до своей цели.

В словах женщины была доля правды. Но все это мало волновало Филиппа сейчас. Его ждал куда более насущный вопрос – что случилось у Виктора и может ли Лавуан хоть чем-то помочь.

Туман, своей вуалью опустившийся на город, радовал глаз француза. Люди, стоило им отойти от писателя метров на семь, исчезали, утопая в непроглядной дымке. Человеку, живущему в своих фантазиях и редко спускающимся в реальный мир, комфортно в такой погоде. Природа будто помогает мечтателям оставаться в мире грез. Родители то и дело твердили маленькому Филиппу, что его витания в облаках лишь мешают ему развиваться, что ничего из этих мечтаний

путного не выйдет и стоит больше времени уделять делам приземленным, куда более реальным. Например, учебе или поиску спутницы жизни. Ни в одном, ни в другом молодой Лавуан заинтересован не был, пусть и преуспевал отчасти. Порой ему казалось, что реальный мир лишь фон для мира дум. Если бы Филипп был фермером, то сравнил бы реальный мир с сырьевой базой, откуда можно черпать вдохновение, но на этом вся польза этой безвкусной жизни заканчивается. Интересных персонажей тут не сыщешь, а если и получается откопать интересный, как казалось поначалу, экземпляр, то стоило лишь немного познакомиться с человеком, пообщаться с ним, как сразу же становилось ясно – очередная посредственность. То же касалось и сюжетов. Все диалоги читались заранее: казалось люди разговаривают по трафаретам – однообразно и не вариативно. Все это не могло не вгонять в тоску молодого человека, потому он и укрылся в своей голове, где сидел как в платоновской пещере – лишь изредка выглядывая и довольствуясь не самими вещами, но лишь их тенями.

Опять крепко задумавшись, Лавуан не заметил, как влетел в спину впереди стоящего человека. Тот не сразу спохватился, а когда заметил неприятность, лишь немного отряхнул спину, быстрым взглядом осудил молодого человека, и продолжил смотреть куда-то вперед.

– Прошу прощения, – поспешил оправдаться Филипп, но его слова остались без должного внимания.

Только сейчас писатель понял, что перед ним стоит не один человек, а целая толпа. *Что ж за день то такой.* Все без исключения были повернуты к Лавуану спиной. Где-то поодаль, в метрах тридцати, слышался шум потасовки, но из-за гула людей ничего конкретного разобрать было невозможно. Единственное, что доходило до ушей молодого человека, это фразы рядом стоящих людей:

– Какой ужас! И это среди бела то дня...

– И вот этим людям мы доверяем свою защиту? Безобразия! Форменное безобразие!

– Ничего удивительного... Я слышала, что все солдаты такие. Лишь бы крови побольше. Звери, не иначе...

Очередные причитания... Лишь бы осуждать и жаловаться. Еще и посреди улицы столпились. Ну что за город!

Филипп стал расталкивать людей. Выслушивать их брюзжание долго было невыносимо. Прохожие немного возмутились наглости писателя, но уж больно были заняты разговорами и не начинали серьезной перепалки. Находясь в центре столпившихся, Лавуан заметил темно-синие фуражки жандармерии, затем, из густого тумана показались три всадника на гнедых конях, которые своим весом стали оттеснять толпу дальше от центра небольшой площади. Филипп почувствовал себя рыбой в консервной банке. Казалось, что весь тот тернистый путь, что прошел француз сквозь толпу, был проделан напрасно.

– Возмутительное обращение! – прокричал толстячок по

правую руку от писателя, получив удар локтем под дых от рядом стоящего человека.

Противиться конной жандармерии было глупо. С весом их коней едва ли можно было поспорить, а если это кому-нибудь и пришло бы в голову – затея не увенчалась бы успехом. Тут Лавуан увидел лужу крови, которую так безрезультатно пытались закрыть лошадиные туши. *Наверное, очередная пьянь.* На глаза попалась прядь светлых волос, заметно испачканных в крови. В голове Филиппа что-то щелкнуло. Несмотря на давку, жандармов и их коней, он стал продвигаться вперед. Удары в живот и грудь от рядом стоящих людей мало заботили француза. Жандармы, увлекшиеся парочкой молодых людей, которые намеревались дать отпор городской полиции, напрочь потеряли из виду Филиппа, который, со свойственной его худому телу ловкостью, проскользнул мимо и оказался на пустыре, обрамленном плотным кольцом правоохранителей.

На площади лежала Мелиса. Понять это можно было лишь присмотревшись. Череп был размозжён о брусчатку так, что от головы практически ничего не осталось. Если бы не соломенные волосы, вдоль которых сочилась ярко-красная кровь, и светлые мертвенно-пустые глаза, то и сам Филипп едва ли опознал бы в девушке свою подругу. Слезы увлажнили глаза француза. Он опустил перед бездыханным телом без всякой цели. Быть может его подсознание хотело обнять девушку в надежде спасти, но, увы, этому не

суждено было сбыться. Тем не менее, Лавуан поднял голову девушки и прижал к своей груди. Холодное тело, безжизненно лежавшее на руках, вызвало еще больше эмоций. Душа Филиппа разрывалась от горя и неприятия происходящего. *Кто это сделал? Зачем?*

Жандарм напротив заметил нарушителя. Он хотел было подойти и отогнать молодого человека, но, едва увидев реакцию Лавуана, отступил в нерешительности. Более того, он отдернул за рукав своего молодого коллегу, направившегося к паре.

Как такое возможно? Еще вчера же была тут... Кто это сделал? Кто это сделал?!

Возле ресторанчика была возня, которую Филипп заметил не сразу – она смешалась с происходящим вокруг хаосом и выпала из поля зрения. Там, под навесом, пять особо крупных жандармов успокаивали бушующего Виктора Моро. Сначала Лавуан подумал, что он тоже убит горем и хочет прорваться к телу возлюбленной. Но нет. Он оправдывался и грозился упечь всех за решетку, если его станут судить. Хук с правой отправил в нокаут самого хилого из стоявших там полицейских. Это был достаточный повод, чтобы остальные четверо, вооружившись деревянными дубинками начали избивать полковника. Удары были хлесткими и такими же мощными, как люди их наносившие. В любой другой ситуации Филипп бы желал прекращения этой бойни. Сейчас же он желал лишь смерти солдата.

Смотря в потускневшие глаза Мелисы, ощущая едва теплую кровь девушки на своих руках, Филипп все больше падал в объятия ярости. Туман, окружавший все и вся, пал в том числе и на последующие события. Француз ринулся к убийце с одной единственной целью – расквитаться с ним его же оружием, но не успел. Жандарм, до этого лишь наблюдавший со стороны, схватил бедного Филиппа и оттащил куда подальше. Лавуан постоянно что-то выкрикивал и, если бы Вы спросили у него потом, что же конкретно слетало с его уст, он бы не ответил даже если бы захотел. Все происходило так быстро и медленно одновременно, что в этом можно было бы найти повод для шедевра любого вида искусства. И сам Филипп наверняка был бы рад воспользоваться этим. Но рад он не был. Полицейский постоянно что-то говорил писателю, но шум толпы и звон в ушах не давали сосредоточиться на голосе собеседника.

Лавуан взял себя в руки. Ярость, отступившая еще не так давно, прилила с новой силой. Вырвав свою правую руку из клещей жандарма и захватив левой рукой сумку, Филипп ринулся к обидчику. Виктор к тому времени уже оправился от града ударов, что прилетел так внезапно пару минут назад и, вытирая небольшие кровоподтеки, выпрямился в полный рост. Писателя сей факт лишь еще больше разозлил. Он лосиным шагом преодолел пустую улицу, раскрутил, несмотря на солидный вес, который был в этот момент абсолютно незаметен, свою сумку как пращу, и, не отвлекаясь на спе-

шивших к нему со всех сторон жандармов, зарядил ею прямо по голове полковника. Печатная машинка, до сего момента мирно покоящаяся в сумке, издала характерный звон, после чего вылетела наружу, отделяя свои части в полете. Буквы, вырезанные на красивых клавишах, прилетали прямо в окровавленное лицо солдата, сторбившегося от полученной травмы. Могучий череп Виктора Моро, прошедшего ни одну битву, повидал кучу сражений и мог быть ранен столько раз, что и ни счесть, проломился именно от печатной машинки художавого писателя.

Правоохранители наконец подхватили Лавуана. Бить его сильно не стали, разумеется, но и решили не отпускать, а поселить в тюрьму пока следствие будет разбираться что и к чему.

Путь за решетку Филипп совсем не помнил. Все, что его окружало проходило серым, едва различимым фоном к мыслям об убитой Мелисе. То и дело приходила Меланхолия, которая всячески навязывала свою правду писателю. *Это ты ее во все это втянул. Твоя гордыня, твоя алчность, твоя похоть – вот истинные причины ее гибели! Моро лишь орудие преступления, не более. Единственный убийца здесь – это ты! Именно ты решил бросить ее в объятия маньяка. И даже не смей говорить, что не знал его натуры... Тебе было просто плевать. Ты хотел любой ценой заполучить себе его женщину – и вот она цена! Возрадуйся! Ты получил то, чего так желал! Что-то я*

не вижу радости, дорогой...

Филипп мог только плакать и жалеть себя. В таком же состоянии писатель пробыл еще около двух суток. Информационный вакуум, столь желанный им в любой другой ситуации, сейчас казался адским наказанием. Его оставили наедине с его мыслями, наедине с ужасным монстром, обитавшим в его больной голове. Мысли сжирали француза, но убежать от них он был не в силах. Таблетки, что помогали ему на протяжении последнего месяца, были конфискованы вместе с той сумкой, на которой до сих пор должно быть оставался кровавый след от лица полковника. *Наверняка будут использовать как вещественное доказательство.*

Догадка пока не подтверждалась. Прошло уже три дня, а Лавуана лишь отвратно кормили и ни в какую не хотели ему говорить о дальнейшем судебном разбирательстве. Посетителей также не пускали. Единственные с кем мог поговорить Филипп – это братья по несчастью, занимавшие соседние клетки. С этими товарищами разговор особо не шел. Все, что писателю удалось выяснить, это обрывки информации о побеге проклятого убийцы из Франции. Он использовал все свои связи, чтобы пересечь границу и уйти от правосудия. По слухам, он нашел себе место в Бельгии, но наверняка было сложно сказать, особенно из тюремной камеры. Разговоры с сокамерниками быстро наскучили Филиппу. Ему нужна была отдушина, которой раньше служило писательство. Теперь, лишившись печатной машинки и самой возможно-

сти писать, Лавуан буквально лез на стену от тоски и скуки. Заметив это, тюремщик – невысокий мужичок в годах – нарушив правила, предоставил писателю бумагу и карандаш. Получив заветные инструменты, мастер приступил к работе.

Работалось в камере легко. Здесь как будто не на что было отвлекаться. Недавние события, пусть и были печальными, но подстегнули Филиппа добавить больше батальных сцен, и наполнить их куда более зрелищными боями. *Жаль, что переделать уже сданный материал не получится.* По вечерам, однако, печальные сцены, завуалированные еще более печальными мыслями, полностью подчиняли волю Лавуана. При свете дня весь этот негатив можно было вылить на бумагу, но под луной, не имея никакого даже намека на нормальное освещение, писать было никак нельзя. Потому бурная фантазия варилась в котле, не имея возможности вылиться на бумагу.

Когда еще через пять таких вот кошмарных дней к Филиппу пришел мсье Гобер, то его первой же фразой было:
– Боже, как же Вам поплохело, мсье Лавуан...

И вправду, синяки под глазами стали еще больше и виднелись окружающим все явственней, тело будто похудело пуще прежнего, отчего и без того худая фигура Филиппа, выглядела совсем уж тонкой, что не могло не вызывать отторжения. К тому же в тюрьме отсутствовала элементарная гигиена, и если раньше писатель был неряшлив, но выбрит и чист, то сейчас к остальным проблемам внешности добавились гряз-

ные сальные волосы и ужасная небритость. *Не гоже в таком виде представлять перед начальством...*

– Вижу, Вы тут освоились, – директор слегка улыбнулся надсмотрщику, который любезно принес ему старый табурет, до сих пор валявшийся за дверью. Гобер, легким движением смахнув пыль со стула, будто это хоть сколько-нибудь могло помочь делу, водрузился на предоставленное место и стал пристально рассматривать покои Филиппа. – Интерьер, конечно, оставляет желать лучшего. Надеюсь, Вы не планируете тут задерживаться. Работа стоит, мсье Лавуан...

– Это мне известно, – писатель подошел ближе к краю клетки и протянул директору стопку грязных листов бумаги, на которых небрежно был накалякан сюжет пьесы.

– Какой кошмар... – мсье Гобер сперва не хотел вовсе брать рукопись, скривив такую мину, будто его весь день поили касторкой. Потом, переборов свой страх и свойственную ему легкую ипохондрию, все же забрал листы, но читать сию же секунду, как он это делал обычно, не стал, засунув работу во внутренний карман своего дорого пиджака. *Наверняка потом ее сожжет.*

– У меня не было другого выбора, – оправдался Филипп. – Здесь, знаете ли, не балуют письменными принадлежностями...

– Безусловно, Ваше стремление закончить работу весьма и весьма похвально, не подумайте, что я этого не отметил, – Гобер потер свой длинный нос. – Но я бы все же подумал о

том, как бы поскорее отсюда выбраться.

– Я был бы признателен Вам за помощь, мсье Гобер.

– Само собой я уже поговорил с кем надо. Полагаю, в скором времени они разберутся в ситуации должным образом. Однако...

– Однако? – недоумевал Филипп.

– Как я слышал, – директор подвинулся чуть ближе и перешел на шепот, – там все не так просто, как кажется. Дело вышло весьма сомнительным. Понимаете ли... Начнем с того, что случай с мадемуазель Дюбуа – ужасная трагедия. В первую очередь для моего кошелька, да и для театра в целом. Постановка, которую Вы так старательно пишете даже тут, оказалась на грани срыва. Труппа не понимает, как реагировать на произошедшее. Это я молчу про Вашу протезе, которая теперь совсем замкнется в себе, наверное... Еще и этот Шерро...

– Понимаю, проблем много, мсье Гобер, – прервал Лавуан, – но посочувствовать Вашему положению, увы, никак сейчас не могу, ведь мое куда хуже.

– Справедливо, – кивнул Гобер.

– Что за проблема с моим выходом? – вопрошал Филипп. – Неужели мой проступок столь ужасен, что многоуважаемому суду никак не удастся решить, как меня наказать?

– Проступок Ваш, на мой скромный взгляд, ничтожен, – спокойным тоном ответил директор. – Однако, здесь стоит принять во внимание статус фигуры, которой Вы ухитрились

проломить череп, прости Господи.

– Любой на моем месте поступил бы точно также.

– Пожалуй.

– Неужто его кто-то станет защищать?

– Нет, – отрицательно замотал головой Гобер, – ну что Вы!

Этого монстра никто в здравом уме защищать бы не стал.

Другое дело Республика.

– Республика?

– Она самая. Понимаете ли, мсье Лавуан, – директор встал и заходил взад-вперед словно лектор по аудитории, – Виктор Моро – отставной полковник французской армии. Его проступок бросает тень не только на его собственную персону, но и на армию в целом. Понимаете, к чему я клоню?

– Решительно не понимаю, мсье Гобер.

– Эх, – вздохнул гость. – Одно дело, когда преступление касается лишь человека и только его. В таком случае, он должен нести наказание как все, в обычном порядке. Но здесь мы говорим о служащем высокого ранга, ветеране с полной грудью наград. Такой человек априори просто не может быть плохим в глазах общественности. Несмотря на то, что город уже несколько дней полнится слухами относительно этого ужасного убийства и причастности к нему мсье Моро, власть всячески пытается найти пути наиболее благоприятнейшего решения данного вопроса. Проще говоря, тут всем нужно выйти сухими из воды, что весьма непросто. Для начала, как я понял, и здесь я могу сослаться лишь на услышанное в кулуарах.

рах, мсье Моро спешно вывезли за границу, дабы он своим вспыльчивым нравом не натворил новых глупостей. Мудрое решение, пусть и запоздалое. Однако, оно ни коим образом не избавляет нас от уже произошедшего здесь, во Франции. Полагаю, чтобы замять это дело, и только за этим, я подчеркиваю, они станут искать нового козла отпущения. Теперь Вы понимаете куда я веду этот неприятный разговор?

– Они повесят все на меня...

– Не стоит думать об этом, как о свершившемся факте, мсье Лавуан. Это лишь моя догадка, пусть и не обоснованная. В любом случае, Вы самая подходящая кандидатура на эту роль, уж простите за прямоту. Знаете, в таких делах, когда Вы хотите предупредить грядущие события, стоит себя спрашивать: «а как поступил бы я?». Тут, разумеется, стоит сделать поправку на интеллект человека и сравнивать его со своим, дабы сделать верные поправки... Не столь принципиально сейчас. Это я все к тому, что я поступил бы на их месте ровно также.

– Это несправедливо! – Лавуана разорвало от ненависти и презрения к бюрократии в современном обществе. – Столько свидетелей, столько людей подтвердят мою непричастность к убийству Мелисы... Мы были лучшими друзьями на протяжении стольких лет!

– Мсье Лавуан, ну право, уж передо мной-то оправдываться Вам совершенно не нужно. Мне ситуация ясна как Божий день. Но для стороннего человека, ни коим образом не свя-

занного с Вами, с театром, с мадемуазель Дюбуа, все это не имеет никакого значения. Поймите же, голубчик, Вы единственный, кого люди видели на площади, кроме истинного убийцы, жандармы подтвердят Ваше агрессивное поведение, стоит им только получить команду сверху. Поймите же, Филипп, это ситуация пусть и гипотетическая, но весьма вероятная.

– Что меня ждет дальше? – отчаялся писатель.

– Я не знаю, – развел руками директор. – Я не всеведущ и не всезнающ.

– Надеюсь, Вы меня поддержите, мсье Гобер.

– Куда же я денусь без своего главного писателя? – натянул широкую улыбку Гобер. – В любом случае, отдохайте, дорогой мсье Лавуан. От Вас сейчас мало что зависит. Потому и беспокоиться особого смысла не вижу. Спокойно пишите, авось в этих стенах, в этой тишине Вам будет попроще закончить рукопись. Я к Вам еще зайду, уж будьте уверены. Проверю Ваше состояние, ну а на сегодня, – директор вытащил из кармана золотые часы на цепочке, – мне пора бы удалиться. Дела сами себя не сделают. Успехов, – он прижал руку к груди, едва заметно поклонился, взял трость из рук подоспевшего охранника и быстрым шагом побрел куда-то вглубь темного коридора.

Слова Гобера, разумеется, негативно отразились на состоянии Филиппа. Поверить в то, что вместо Виктора Моро всю вину возложат на не причастного писателя, было трудно. С

другой стороны, именно Лавуан всем вокруг доказывал, что в этой стране может произойти что угодно, ибо такова природа французов. Ход мыслей директора, пусть и был прискорбным, все же своей логичностью заставлял поверить в себя. *Что мне делать? Сидеть и ждать помощи от мсье Гобера? Насколько беспомощным я себя ощущаю в такие мгновения!*

По ночам к Филиппу как обычно приходила паучиха. Своими размерами она занимала едва ли не всю камеру. Ее мерзкая волосатая туша виднелась лишь при свете луны, заглядывающей через решетку в маленькое окошко. Существо как обычно ничего не делало и лишь нашептывало страшные мысли, внушая их все активней своему собеседнику. *Наконец убийца получит по заслугам. Неужели ты и впрямь хотел спихнуть все на того полковника? Брось, это так глупо... Свою вину нужно бы признавать. А кто тут главный виновный? Правильно, ты, мой сладкий. Надеюсь ты понимаешь, что все это: тюрьма, процесс, общественное порицание – все ближайшее будущее лишь прелюдия для истинных мук. Не знаю насколько ты успел позабыть свою веру в этом Богом забытом месте, но уверяю тебя – ад ждет. Думаю, ты сам вскоре узнаешь, что же там такое внизу спрятано, какие мучения тебе уготованы... Я могла бы рассказать, но я так люблю сюрпризы... Посмотри бы на твою мордашку при первом посещении этого места... А в том, что туда ты*

и отправишься, сомневаться не стоит, дорогой. Такое грешное ничтожество никуда кроме ада попасть не может. Проси у Господа прощения сколько влезет – все без толку. Ты обречен...

Ни спать, ни есть, ни спокойно существовать Филипп отныне не мог. Его физическое состояние уподоблялось ментальному. *Где же Мелани? Почему она не придет меня поддержать? Хотя... Может и к лучшему, что ее здесь нет... Чтобы она сказала, увидев меня в таком состоянии? Лучше бы ей здесь не появляться...* Девушка будто слышала мысли своего возлюбленного. За все время пребывания в тюрьме, Лавуан не слышал даже намека на гостей, кроме директора, само собой, и уж тем более девушек.

Все изменилось одним ранним утром. Солнце в это время суток не попадало в щели, которые здесь именовали окнами, зато свет заливал улицу, отчего и в камере становилось светлее. Тучный охранник, заменявший своего сослуживца, звеня ключами спешил ко входу. Филипп хотел было спросить в чем дело и почему такая спешка, но с этим человеком отношения у писателя явно не задались. Он был неразговорчив, скуп на сострадание и весьма груб. Все это отталкивало Лавуана.

– Приведи себя в порядок, – прикрикнул охранник, не оборачиваясь. К тебе дама в гости пожаловала.

Мелани. Зачем же ты пришла в эту дыру... Филипп, несмотря на недовольство, стал спешно приводить себя в по-

рядок. Сделать это было непросто, ведь состояние свое он прилично запустил, а никаких принадлежностей для того, чтобы вернуть его на путь истинный, под рукой не было. Причесав руками голову, вытерев щетину и протрав глаза, Лавуан был готов встречать любимую. Охранник, все также звеня каждым своим шагом, огромной тушей заслонял весь проход так, что Мелани совершенно не было видно. Сколько бы ни пытался Филипп, поднявшись на цыпочки и вытянув свою тощую шею, обогнуть взглядом толстяка, у него никак не выходило. Когда наконец коридор закончился, то за спиной охранника показалось маленькое хрупкое тельце. Закутано оно было в какой-то старомодный плащ с капюшоном, покрывавшим голову так, что, пройдя такой человек по улице, он сразу бы обратил на себя внимание писателя и получил бы заслуженный ярлык – «очень подозрительная личность». Подойдя ближе к клетке так, что между заключенным и посетителем было меньше шага, девушка, наконец, произнесла:

– Доброе утро, мсье Лавуан, – капюшон перестал скрывать лица незнакомки и перед французом оказалось веснушчатое лицо немки.

– Доброе, Фрида, – вздохнул Филипп. Не то, чтобы он не хотел видеть Фриду, но все его нутро томилось в предвкушении встречи с Мелани, пусть себе он, как обычно, говорил обратное. – Что привело тебя сюда?

За девушкой, в самом конце темного коридора, в зале, ку-

да едва пробивался свет, виднелся огонь рыжих волос, бродивших из угла в угол. *Кузена привела на всякий случай. Мудрое решение.* Девушка переминалась с ноги на ногу, решаясь ответить.

– Вы меня привели... Вернее, ситуация вокруг этого преступления.

– Да, как я понимаю, ситуация становится только хуже, – Филипп потер лоб. – Есть новости относительно моего освобождения?

– Боюсь, что есть... – немка побледнела пуще прежнего. Ее глаза бегали из стороны в сторону, словно взгляд пытался найти слова, которые ранят друга в наименьшей степени. – В городе все твердят, что это Вы убили мадемуазель Дюбуа... Я, конечно, в это не верю! – поспешила заверить Лавуана девушка, увидев его бурную реакцию, подступающую к горлу. – Все это чушь! Людей просто провоцируют... Я знаю, что Вы никак не способны на столь ужасный поступок. Но мои слова ничего не стоят...

Филипп схватился за голову. Слова директора оказались не пустым звуком. Он спрогнозировал все. *Или он знал наверняка?*

– А что мсье Гобер? Он обещал мне помочь. Во всяком случае, сделать все, что в его силах, дабы вытащить меня из тюрьмы.

– Мсье Гобер? Вытащить Вас? – Фрида выглядела по-настоящему удивленной. Казалось, сама эта мысль виделась ей

каким-то бредом сумасшедшего. – Мсье Гобер открестился от Вас. Поначалу он занимал нейтральную позицию – никак не комментировал ситуацию, избегал ответов на бесконечные вопросы, а если и отвечал, то нехотя и уклончиво. Но пару дней назад он заявил о Вашем увольнении... – на этих словах писателю стало дурно. – О Вас он не говорит. Все разговоры трупы, а слухами театр нынче полнится, он старается замять. В общем, мсье Гобер делает все, чтобы о Вашей причастности к его заведению забыли, как можно скорее.

– Он же мою пьесу ставить собирается, – голос Филиппа звучал совсем уставшим.

– Он вычеркнул Ваше имя, мсье Лавуан, – с неохотой сказала немка. – Отдал ее дописывать кому-то. Я не знаю имени.

Все начинало катиться под откос. С каждым словом Фриды, с каждой неаккуратной фразой, что она по своей глупости могла обронить, французу становилось только хуже. Выхода из сложившейся ситуации он не видел. У человека, который привык все держать под контролем, у которого всегда был план, а порой еще и запасной, сейчас не было никаких идей относительно исхода всей этой истории. Ему начало казаться, что он проведет остаток своей короткой жизни здесь, в тюрьме, отбывая наказание за убийство, которого он не совершал. Тоска полностью сковала душу и тело бедного француза.

– Что мне делать?

– Я не знаю, мсье Лавуан. Я понимаю, что все складыва-

ется плохо. Но уверена, все будет хорошо! Справедливость всегда торжествует!

– Разве что в дешевых романах. Там у героев всегда все хорошо. Проблемы рассасываются как по волшебству...

– В жизни тоже так бывает, – настаивала девушка. – Бывает проблема исчезает сама и лучше просто пустить все на самотек, дав возможность судьбе самой во всем разобраться... Отдать себя в ее руки...

– Мне больше ничего и не остается, – заключил Филипп. – Отсюда я никак не повлияю на происходящее вокруг. Слушать меня тоже никто не станет. Если уж всем так быстро внушили мою вину, то разуверить всех один человек не способен. Гобер поступил мудро, пусть и подло. А что с Мелани?

– Мадемуазель Марсо живет своей жизнью, – Фрида от чего-то перешла на явный официоз, – занимается своими привычными делами. Поначалу она хотела прийти к Вам. Но слухи отпугнули ее. Кажется, она и сама верит в Вашу виновность. Мои слова она всерьез не восприняла. Меня это не оскорбляет – в этой стране немцев никто не слушает, что весьма справедливо. Но не буду скрывать, что от мадемуазель Марсо я ждала большего.

– Больше никто не захотел приходить сюда? – Лавуан начал чувствовать себя самым одиноким человеком в городе.

– Мсье Трюффо хотел. Но его не пустили в этих дурацких латах, а снимать он их ни в какую не захотел.

Эта новость рассмешила Филиппа. Он залился громким смехом, эхом отражающимся от стен камеры. Сложно сказать была ли это истерика или ситуация действительно смогла так сильно позабавить француза. Даже он сам не знал ответа.

Фрида продолжала что-то говорить, но мысли писателя были уже далеко. Он думал о своей ничтожности. О том, что за всю свою жизнь так и не нашел ни одного человека, которому было бы хоть какое-то дело до его судьбы. *Интересно, пришла бы Мелиса меня проведать?* Филиппу хотелось бы думать, что ответ должен быть положительным. Но так ли это? Как ни крути, отношения Лавуана и Дюбуа, пусть и не без основания могли считаться дружескими, были весьма и весьма специфичны. Типичной дружеской поддержки тут не было: чаще это были издевки, обычно беззлобные, но порой, когда в пылу перепалки оба забывались, ругань могла действительно задевать за живое. Забота была редкой с обеих сторон, а когда и проявлялась, то выражалась в меланхолическим ключе, не помогая ситуации. *Как так вышло, что единственной душой, которой до меня есть дело, стала бедная немецкая гардеробищица? И это мой уровень? Это все, чего я достоин? Это все, чего я достоин.*

– Мы обязательно вытащим Вас, – Фрида кивнула в сторону своего брата. – Надо только подумать как...

– Сорвать решетки разве что, – провел пальцами по окну Лавуан. – Легально мне отсюда, увы, не выйти. По крайней

мере, не с вашей помощью... Как бы я ни был ей благодарен.

Девушка наконец замолчала. Казалось, у нее закончился запас оптимизма, слова ободрения больше не могли вырваться из нее и даже мысли помрачнели. Когда-то давно Филипп кичился тем, что его меланхолия настолько сильна, что способна буквально заражать окружающих людей. Сейчас, правда, этому своему таланту писатель рад не был. Расстраивать Фриду своим видом он никак не хотел, но все же сделал это. А сил на то, чтобы переубедить молодую девушку, у француза не было.

– Не отчаивайтесь, мсье Лавуан, – заключила Фрида. – Хорошие люди всегда страдают, но в итоге получают назад то тепло, что безвозмездно отдавали. Уверена, что Господь не отвернется от Вас в сей трудный час.

Он отвернулся от меня в момент моего появления на свет... Девушка ушла, прихватив с собой молчаливого родственника. Охранник, покинувший помещение, чтобы проводить гостей, оставил Филиппа в компании лишь своих мыслей, да парочки доходяг, в соседних камерах, которые, впрочем, давно стали для писателя частью местного интерьера. Темные мысли поглотили разум Лавуана, и во тьме своего сознания он прибывал до конца дня, а затем всю ночь.

Пусть та ночь и была особенно тяжелой, груз положения оставался при писателе на протяжении еще нескольких дней. Писать нормально он не мог, хотя пытался заниматься любимым делом ежедневно. Пусть мсье Гобер и отказался, как

оказалось, от услуг писателя, произведение, по мнению Филиппа, не было закончено, а это непозволительная роскошь для автора его уровня. Потому он и пытался найти силы для продолжения творчества, но безуспешно. Дни сменялись ночами, те уступали место новым дням, сокамерники то и дело менялись: одних освобождали за неимением улик, других, тех, что сидели за мелкую провинность, просто отпускали восвояси, а третьих, коих было наименьшее количество, перевозили в места куда более серьезные, нежели местное отделение. Один только Лавуан оставался в своей камере. Казалось, что с этим заключенным просто не знали, что делать. Будто он лишний во всех уравнениях. Поначалу эта мысль удручала француза, затем, спустя пару дней, он с ней свыкся, а по прошествии недели и вовсе стал смеяться с нее. Само его положение, пусть и было страшным, тем не менее было особенным. Даже охранники, сменявшие друг друга, постоянно шептались, а затем и громко смеялись вместе с заключенным на тему его судьбы. Сами правоохранители, разумеется, понятия не имели что же ждет Лавуана дальше, но, будучи натурами романтичными, как возможно и все французы, не стеснялись себя в построении самых диких гипотез на этот счет.

– Вешать Вас, само собой, никто не станет, – рассуждал как-то один из сменщиков по имени Макс, если Филипп правильно помнил его имя. – Потому как это бы значило, что надо весь честной народ на это все дело подрывать. А тут у

нас дельце-то как нельзя секретное. Стало быть, Вас должны убить где-нибудь по-тихому, так, чтобы никто ничего не узнал. Хотя это должно быть сложно. Говорят, Вы человек в городе известный.

– Говорят?

– Сам то я, уж простите, по Вашим этим театрам не ходок, знаете ли. Но те, кто ходят уж точно знают Вас. Потому и исчезнуть Вам будет сложнее. Хотя там, наверху, – тюремщик указывал куда-то в абстрактное небо, заслоненное целым зданием от глаз заключенных, – уж точно что-нибудь придумают. Надеюсь, мне не придется ничего такого исполнять, упаси Господь.

Настолько известный, что ты обо мне даже не слышал. Какая ирония. Филиппу льстило его положение. Его новое ампула – звезды местной тюрьмы – его смешило. *Это даже не тюрьма в полном смысле слова.* Несмотря на весь абсурд, происходящий вокруг, доля правды и рационализма в словах надсмотрщика была. Даже если выбросить за скобки предыдущую известность Лавуана, то заключенные и жандармы, прошедшие через этот изолятор, точно разнесли весть о странном писателе, который сходит с ума в одной из клеток. О нем теперь знают, как полиция, так и арестанты, пусть и не все. Филиппу казалось ошибкой то, что ему так долго сохраняют жизнь. *Зачем я думаю за них? Видимо, это просто глупая привычка все рассчитывать.*

Сколько пробыл писатель в тюрьме он не знал, а ему так и

не соизволили сказать. По ощущениям прошло по меньшей мере три недели. Но это только то время, что Филипп был в здравом духе и памяти. Сколько дней сожрала паучиха – никто не знал. Каждый раз, когда писатель намеревался начать записывать дни своего заточения хоть где-нибудь, ему что-то мешало, и он благополучно забрасывал идею в дальний ящик. Однажды он даже действительно записал дату, но потом благополучно потерял лист. Ему, само собой, казалось, что это все злостные козни охранников, что именно они вероломно украли обрывок бумаги с записями, чтобы смутить несчастного узника, но никаких обличающих доказательств этому факту Филипп так и не обнаружил, потому и идея постепенно сошла на нет, ведь француз не был склонен к разного рода придумкам. Пожалуй, в этих холодных стенах, подобные злключения были единственным развлечением писателя.

Спустя пару дней серые будни Филиппа озарило новое интересное событие, а точнее новый заключенный. Обычными завсегдатаями местных тюрем были мелкие преступники, в основном воры. Выглядели все под стать: худые, немые, неухоженные. Едва завидев такого на улице сразу становиться понятно – жди беды и лучше перейди на другую сторону дороги. Потому в какой-то момент Лавуан попросту устал от однообразной внешности, поведения и диалогов. Казалось, эти люди совершенно неспособны предложить ничего нового, и писатель все больше замыкался в себе. И вот в один из

таких серых вечеров, когда наш герой карпел над очередным своим текстом, а его соседи шумно во что-то играли неподалеку, тяжелая железная дверь, отделявшая заключенных от желанной свободы, отворилась и в коридоре стали слышны две пары шагов: одни были понятны сразу – тяжелые, с прихрамыванием на правую ногу, принадлежавшие старшему грузному тюремщику – вторые же были едва различимы – маленькие каблучки аккуратно цокали по разваливающейся плитке, владелец будто слегка подпрыгивал при ходьбе, отчего звук был таким же неровным. Филипп повернулся, заинтересовавшись гостями. Мужчина вел девочку лет десяти – одиннадцати. Хоть он и шел не быстро, в силу своей неспортивной комплекции, она едва за ним поспевала. Может ей мешало не впору длинное выцветшее розовое платье, волочившееся по полу, может неудобные белые туфельки или растрепанные рыжие волосы, которые так и норовили лезть в глаза – неясно. Ясно было другое – с девочкой что-то не так. Походка была шаткой, будто она не могла полноценно устоять на своих двоих, улыбка ее была невероятно противной – два резца были слишком большими, а другие зубы хаотично отсутствовали, отчего создавалось ощущение полупустого рта. Вишенкой же на торте выступало отсутствие носа. Вместо него красовались две дырки, которые должны были быть ноздрями. Но странной была не только и не столько внешность девочки, сколько ее поведение. Улыбка, не сползающая даже в такой стало быть страшный момент ее жиз-

ни, пустые, наполненные каким-то блаженным светом, глаза, бегающие из стороны в сторону и пытавшиеся, казалось, осмотреть все, что только возможно, но не фокусирующиеся ни на чем конкретном, и странные хаотичные движения – все это отталкивало от юной особы.

– Вот, – пробормотал охранник, открывая дверь камеры, – теперь это твой новый дом. Пусть и ненадолго, но ты обоснуешься здесь.

– Фпафибо, мфье оxfanник, – девочка вприпрыжку влетела в новые апартаменты. – Ховофево Вам дня!

В ответ мужчина лишь буркнул себе под нос что-то невнятное, закрыл с грохотом клетку, демонстративно пожал плечами перед Лавуаном и удалился восвояси. Девочка же осталась сидеть на своей небрежно заправленной кровати, болтая ножками. Белые туфельки ходили из стороны в сторону как маятник и Филипп, в очередной раз о чем-то задумавшись, долгое время не мог оторвать глаз от них.

– Добвый день, мфье, – девочка заметила взгляд француза. – Меня вовут Мэви, офень пиятно повнакомиться.

Наверное, все же Мэри... Отсутствие зубов сильно сказывалось на дикции девочки. Лавуану приходилось буквально сосредотачиваться на каждом слове, чтобы понять ее, и даже в этом случае понимание сказанного могло прийти лишь спустя десяток секунд.

– Меня зовут Филипп, – ответил писатель. – Ты Мэри, верно?

– Вевно! – едва ли не запрыгала от радости девочка.

– Как же так вышло, что такая милая девочка, – тут Лавуан явно льстил, потому как «милой» он никак назвать ее не мог, – осталась совершенно без зубов?

– Вофсе это и не так, – запротестовала собеседница. – У меня их цевых дефять! – она показала пальцы на обеих грязных руках.

Дефять или дефять? Поди разбери... Впрочем, какая разница? Этого в любом случае недостаточно.

– Допустим, – согласился Филипп. – За что тебя приобщили к нашим посиделкам?

– Такое там дево, такое дево... – Мэри закатила маленькие свинные глазки. – Идет муфтина, вефь такой вавный, в холофем кофтюмтике – сваву видно, фто фтатный. А меня как учиви: есфи видишь внатного тевоветька, внатит у него в кавмашках фто-то да есть. Ну я и валеvla в пидватёк его. А он как натъни квитять, фто гвабят видите ви его. Тут повиция и подофпела. Воть.

Это самая бездарная воровка из всех, что я видел... Как она вообще до сих пор не оказалась тут – неясно.

– Кто ж тебя воровать то надумил? Я думал детей правильным вещам нынче учат. А тут вот оно как.

– Все вевно, – девочка вытянула указательный палец вверх и с важным видом, насколько это, конечно, в ее случае было возможно, закивала, – но Аида всегда гововила, фто в этой вивни нувно квутиться как повутиться. Многие вюди

товько и хотят, фто вытеветь о нас ноги! Есви мы не будем давать вдати, то погибнем!

Как все просто в твоём мире. Хотелось бы мне быть столь же несведущим как ты. Хотелось бы не думать о великих вещах, не рефлексировать понапрасну. Но, увы, это прерогатива глупцов вроде тебя... Может познакомить вас с Фридой? Она пусть и поумнее тебя будет, но взгляды, я убежден, твои разделяет полностью.

– Что толку от борьбы, если в итоге ты оказываешься здесь? – Лавуан показал руками стены тюремной камеры. – Твоя Аида должна была предостеречь на этот счет... А еще лучше помочь.

– Аида так ваянята фейтяф. Не увевена, фто хотю ее твоять... К тому ве, я увэ дофтаточно вослая двя такого! Нувно помогать фемье, инате в этом миве не на кого будет расфитывать. Так мне тоже Аида гововила...

Мудрые слова. Жаль, что сейчас Филипп совершенно не поддерживал контактов с родными. *Узнают ли они о моей гибели? А что почувствуют если узнают? Простят ли за все мои грехи или отругают напоследок в свойственной им манере?* Сейчас пред глазами Лавуана промелькнул отчий дом, детство и беззаботность. Это было так давно, что весь негатив, коего было не просто в достатке, но в избытке, куда-то испарился и на первый план откуда-то из закромов памяти выползли лишь самые теплые и нежные воспоминания, которые Филипп так бережно хранил в своей памяти. Они

не запятнались серыми буднями, мрачными днями меланхолии и прочей ересью. Нет. Там, в детстве, было по-прежнему светло и тепло. Там были по-своему заботливые родители, старые, еще верные своему слову друзья и... Мелисса... с ее копной светлых волос и приятным ароматом подсолнуха. Теперь Лавуану захотелось плакать. Слезы выступили на лице, но еще не покатались по багровевшим щекам, увлажняя глаза.

– Ой-ей, – девочка стала разглядывать писателя. – Кавется у кого-то ф фемьей не фсе холофо. Вы не вастваивайтесь, мфье Филипп, все будет ховофо.

– Откуда такая уверенность? – не выдержал Лавуан. – Нас вздернут в ближайшее время...

– Вовфе нет.

~ VII ~

Всего за неделю пребывания в камере Мэри успела надоесть всем. Если раньше между арестантами и охранниками была непреодолимая морально-этическая пропасть, то теперь даже такие непримиримые соперники сошлись в одном – девочку надо бы отсюда куда-то убрать, и чем быстрее, тем лучше. Однако, сколько бы жандармы не передавали свои жалобы относительно узницы наверх, ответ всегда был один – гробовое молчание. Казалось, что разговор ведется не с кабинетными крысами, но с самим Господом Богом. Ни он, ни коллеги сверху не отвечали на мольбы страждущих. Филиппу же ситуация казалась больше забавной, чем раздражающей, хотя и до негодования дело весьма часто доходило. Годы работы с капризными артистами закалили психику Лавуана, и, пусть некоторые действия юной оторвы и выводили из себя, в целом все шалости девочки не выходили за пределы нормы.

Чем таким занималась Мэри, что ухитрялась всех вокруг выводить из себя? Для начала, она считала своим долгом расспрашивать всех и обо всем, стоило человеку иметь малейшую неосторожность ответить страшной девочке. Подобно пиранье, вцепившейся в зазевавшуюся жертву, она начинала своими разговорами изводить бедолагу до потери

сознания. Реагировали все по-разному, начиная с игнорирования самого существования Мэри, заканчивая самыми страшными проклятиями, касающимися не только самой девочки, но и всей ее родни едва ли не до седьмого колена. Мэри никак на это не отвечала. Казалось, что она просто не вполне понимает происходящее ввиду своей тупости. Хотя быть может все это было лишь напускным спокойствием и притворством со стороны неплохой подрастающей актрисы. Разговорами Мэри, разумеется, не ограничивалась. К охранникам, например, она кидалась в объятия, едва они заходили в ее камеру. Вскоре им это надоело, и они сначала любезно, насколько это возможно, отталкивали девочку, но с течением времени, просто минимизировали походы к юной особе. Бывало даже, что еду ей передавали через Филиппа, ссылаясь на то, что его камера просто ближе и им якобы в тягость ходить ради «малявки» так далеко, лишь ради того, чтобы передать ей еду. Лавуан понимал, что это ложь, но был не в том положении, чтобы отказывать, потому смиренно исполнял приказ в форме просьбы. Когда Мэри в первый раз задержали паек, она демонстративно начала грызть своими выступающими резцами железную клетку. Вряд ли ей действительно удалось бы таким образом выбраться из заточения, пусть на железе и остались заметные отметины от зубов, но внимание к себе она привлекла изрядное, получив пару тумачков от охранников и небольшой, но очень строгий выговор. Несмотря на проигранную битву – войну девочка

выиграла. Жандармы поняли, что синяками сыт не будешь, и стали давать ей обычный паек заключенного. Эта история, всякая поддержка со стороны писателя, а также его последующее соучастие в получении еды, – все это привело к укреплению отношений Лавуана и Мэри. Едва ли такой поворот можно было назвать положительным для француза, но теперь он получил уникального собеседника и, пусть по своей натуре Филипп был ярко выраженным пессимистом, сейчас, здесь, в тюремной камере, он пытался найти светлые стороны жизни так отчаянно, что даже простой диалог с умственно неполноценной, как для себя решил наш герой, девочкой, был самым ярким символом оптимизма.

Девочка стала много рассказывать о себе. Это было странно. Обычно, из диалогов, подслушанных Лавуаном за все время, Мэри лишь интересовалась жизнью других, будто записывая их на подкорку, куда-то в свой дневник, мирно покоящийся в чертогах ее недоразвитого разума. Это было похоже на простое изучение человеческих повадков через рассказанные истории жизни. Если Мэри подобным образом общалась со всеми, то и сама даже в столь юном возрасте легко могла бы стать писателем, просто перенося все услышанное на бумагу. Но для такого ей не доставало мозгов.

Диалоги с Лавуаном стали иными. Теперь интервьюером стал сам Филипп, а Мэри лишь смиренно отвечала на вопросы. Со стороны беседа выглядела весьма непринужденной, но сам писатель понимал, что такая смена ролей может го-

ворить лишь об одном – девочка ему доверяет куда больше, нежели остальным присутствующим бедолагам. Хорошо это или нет – понять было трудно. Скорее Лавуан просто убивал таким образом свое время.

Мэри росла не здесь, а где-то в Шампани, но не в Труа, так как названное место Филипп мало того, что не понял, но и, по все видимости, просто не знал. Оттуда ее полгода назад забрал бродячий цирк, с которым она сюда и приехала. При словосочетании «бродячий цирк» Лавуану сразу же представилась толпа громких, вычурно наряженных цыган, которые своим танцем кружат ему голову, дабы опустошить карманы невнимательного писателя. Но, как оказалось, бродячий цирк никак не связан с цыганами, пусть парочка из них и присутствовала в лагере. Аида, девушка, что упоминалась в разговорах Мэри чаще других, оказалась алжиркой, иммигрировавшей во Францию в поисках лучшей жизни. По меркам Филиппа, бродячий цирк вовсе не предел мечтаний, но, по словам Мэри, именно в такой жизни Аида, и все, кто ее окружает, видят свое истинное счастье.

– Мы как большая семья, – поясняла девочка.

Слово «семья» часто фигурировало в лексиконе Мэри. Филипп был уверен, что маленькую простушку обделили теплыми узами в детстве, отчего она с таким трепетом относится к своим новообретенным отношениям с кучкой отщепенцев. Писатель полагал, что сама Аида, как и многие в той группе, ставили перед собой другие цели и задачи, нежели

создать хрупкое подобие семьи. Когда Лавуан имел бестактность огласить данную мысль собеседнице, та запротестовала, услышав в словах француза определенное пренебрежение, кое имело место быть. Согласно версии девочки, Аида, не имея никаких родственных связей на родине, решила попытать счастье и создать полноценную семью здесь, в метрополии, что в конечном итоге, пусть и своеобразно, у нее получилось.

Должно быть именно это тебе и сказали, чтобы заинтересовать маленькую девочку. Вопрос лишь один: для чего? Это ложь во спасение? Или здесь присутствует корыстный интерес?

Сколько бы ни расспрашивал писатель Мэри относительно ее накоплений или благосостояния ее настоящей семьи, ответ был один – у нее ни гроша, у цирка ни гроша, у родителей, о которых вообще было сказано едва ли двух слов, денег также не имеется. *Неужели в этом мире сохранился альтруизм? Ведь девочку надо кормить, одевать, уделять ей внимание, словом создавать все условия, что присущи обычным детям. К тому же, этот ребенок особенно проблемный и, вовсе неудивительно, что родители так легко с ней распрощались. Неужто кто-то согласился это делать задаром?*

В рассказанное Лавуан верил с трудом. Жизнь Мэри будто сошла со страниц одного из тех романов, что француз небрежно писал еще в юности, когда не имел никакого понятия о настоящих человеческих отношениях, об ужасах, что

на самом деле скрывает жизнь за вуалью приторно-сладких историй. В те годы Филипп еще был безнадежным романтиком, свято верящим в светлое настоящее и еще более светлое будущее не только для себя, но и для человечества в целом. *Наивен и глуп.* Сейчас, сидя в камере, нахлебавшись этой несправедливой жизни сполна, француз никогда бы не стал писать ничего подобного. Перо бы стало тяжелым настолько, что выводить слова им было бы просто невозможно. Однако, вспоминая давно ушедшие времена, Лавуан невольно смягчился. Это едва ли можно было заметить в его потускневших глазах, но, при должной сноровке, все-таки разглядеть эти искры представлялось возможным. Неясно видела ли этот огонь Мэри, но с каждым новым разговором ее речи становились все теплее и приятней.

Прошла еще неделя или полторы. Сказать было сложно, ведь каждый следующий день был почти идентичен предыдущему, а календарные записи Лавуан так и не возобновил. От Мэри в этом вопросе было еще меньше толку – по ее словам, она сидит в тюрьме уже как полгода, что совершенно не соответствовало действительности. Была холодная ночь. За то время, что француз просидел в этих стенах, ночи стали поистине зябкими. Неясно с чем это было связано – с реальными изменениями погоды или же с тем, что заключенные находились в подвале, но факт оставался фактом. Выданные пледы мало грели и очень сильно кололись, отчего доставляли больше дискомфорта, чем помогали справиться с лет-

ними заморозками. В эту ночь писатель также никак не мог уснуть из-за своего покрывала. Ворочаясь из стороны в сторону, он молил Бога дать ему спокойный сон, но тот лишь продолжал колоть его шерстью старого пледа, будто надсмехаясь над муками Филиппа. Мэри тоже не спала, посвящая ночные часы наблюдению за медленно плывущей по небу лунной. Писатель приподнялся и сел на скамью. Одиночество девочки сказывалось на нем самом, что не давало покоя.

– Выглядишь одиноко, – губы француза едва смогли разжаться – холод напрочь сковал их. – Не спится?

– Одиноко? – Мэри приняла приятеля за сумасшедшего.

– Обычно вот так среди ночи люди не встают и не наблюдают за звездами, – пояснил писатель.

– Гвупо как-то, – фыркнула девочка. – Почему же такую квасоту никто не фочет навлюдать...

– Наверное нет времени, – сам для себя заключил Филипп. – Счастливые люди – занятые люди. В суе будних дней не успеваешь думать о жизни, отчего не прибывает тоска. Попробуй кто-то из таких вот работяг на секунду остановиться, перестать бежать за неумолимо убегającym временем, как вдруг поймет, что меланхолия поглощает его, пускай даже сам он никогда не ощущал ее присутствия.

– Вы чафто фтрадаете меванхолией? – вылупилась круглыми глазами Мэри.

– Да, это мой недуг с детства, – признал Лавуан. – Мать говорила, что я страдаю от нее лет с пяти. Сказать по правде,

я не помню чтобы ее не было поблизости. Она будто всегда где-то рядом. Всегда позади...

– О тем фейтяф думаете?

– Обо всем и ни о чем, – буркнул француз.

– Тофка и меванхолия пфовто так не пвиходят, – замотала головой собеседница. – Всегда ефть пвичина!

Последняя фраза эхом прокатилась по стенам подвала. С трудом уснувшие заключенные стали ворочаться в своих постелях от нарушенного сна. Охранник, до сего момента спокойно сидевший и писавший что-то важное в свой небольшой блокнот, приподнялся со стула и обвел глазами всю комнату в поисках нарушений порядка, но был слишком ленив, чтоб пойти и приструнить бодрствующих заключенных, потому просто пожал плечами и, взгромоздившись обратно в скрипучее кресло, продолжил черкать записи на бумаге. Филипп призадумался над услышанными словами. С одной стороны, в этом было рассудительное зерно, ведь все в этом мире, по мнению Лавуана имело причину и следствие, стало быть и меланхолия не должна выбиваться из общего ряда. С другой же стороны, сам писатель не мог припомнить какой-то выраженной связи между появлениями паучихи и внешними обстоятельствами, приведшими к такому следствию. словно не было момента, когда писатель не ощущал бы давления меланхолии, вне зависимости от многочисленных событий, происходивших в его жизни.

– Может дело в мадемуазель Марсо? – думал вслух Фи-

ЛИПП.

– Дело всегда в венщинах, – театрально махнула рукой девочка.

– Мне казалось, я обрел свою любовь, обрел тот самый покой, то вдохновение, что искал всю жизнь. Искал музу любви, а получил что-то куда более ценное... Полагал, что, наконец, нашел свою Мельпомену...

– Мельпо-фто? – не поняла Мэри.

Филипп широко улыбнулся. *Насколько же тяжело было людям общаться с Мэри из-за ее дефектов речи... Наверняка я далеко не первый, кто переспрашивал про себя значение произнесенных ею слов и, не найдя ответа, просто оставлял попытки понять сказанное. Вот и до маленькой бедолаги дошел черед.*

– Мельпомена, – начал пояснять писатель, – это муза драмы. Каждому из великих творцов необходима своя муза, понимаешь? – Судя по глупому взгляду девочки, она не вполне осознавала. – Тот человек, что будет вдохновлять тебя на великие творения, что смогут остаться в анналах истории, на устах миллионов людей на протяжении многих веков...

– Ого!

– Но лишь немногим удастся найти свое вдохновение. Оттого и материал, выходящий из-под пера обычного художника весьма посредственный. Посмотри сколько дурных постановок в театрах, сколько отвратных картин у современных измельчавших художников, какой кошмар льют своим слу-

шателям в уши нынешние музыканты... Все от отсутствия должного вдохновения, ибо уловить столь тонкую сущность весьма и весьма затруднительно, а коли уж удалось с Божьей помощью ее поймать, то практически невозможно удержать. Как много художников известны лишь одним-двумя своими произведениями? Да практически все! Остальное остается на изучение лишь книжным червям, что без устали копаются во второсортном материале. Произведение, что было написано истинным талантом под истинным вдохновением никогда не исчезнет и всегда будет проливать свет в темные души людей. Разве можно представить мир, в котором нет Илиады? Разумеется, нет! Такие творения не горят и не тонут, не теряются в веках, а коли уж теряются, то остаются на устах простого люда и позже, когда времена перестают быть чернее ночи, восстают из пепла подобно фениксу. Такое искусство живет вечно...

– И фто за девуфка такая, фто вафи квивки как феникф вделает?

Она все прослушала. Вся тирада пролетела мимо этих детских ушей, пылью осев на стены старой тюремной камеры.

– Ее имя Мелани, – уже с меньшим энтузиазмом произнес Лавуан. – Я провел с ней несколько прекрасных недель, чуть больше месяца своей никчемной жизни. Я скучаю по ее присутствию.

– Хотите пвивефти ее фюда? – удивилась Мэри.

– Нет, – с отвращением ответил француз. – Разумеется нет. Но мне жизненно необходима ее поддержка, пусть и безмолвная. Просто, чтобы она была рядом.

– Фто ве вафа феникф не пвиходит навэфтить Вас? Не похове на Мель-фто-то-там.

– Что ты можешь знать о таких высоких вещах?! – сорвался Филипп. – Ты еще слишком мала и глупа для осознания этого.

– Воде вфе яфно и понятно, – не согласилась девочка. – Она не вафа фемья...

– Да что такое эта твоя семья? Одно лишь название, одни лишь глупые обещания! Кровь сближает людей не больше соплей!

– Фемья – не квофь, а пофтоянная и неутомимая поддервка! Так Аида говорит.

Филипп схватился за голову в надежде не слышать нелепостей, слетавших с уст Мэри. *Просто малое дитя, которого недурно так обработали вонючие цыгане! Зачем я вообще веду с ней беседу? Насколько же я отчаялся, что опустился до разговоров с умственно отсталой девчушкой? Еще и такие сложные вещи пытаюсь объяснить... **Совсем опустил-ся.***

– Мовет Вам и не нувна ее повдевка. Мовет вы пвофто выдумави фсе это.

– Зачем? – недоумевал писатель. – Для чего, скажи мне на милость, истязать свою собственную душу? Ведь мне жилось

бы намного проще, сумей я быть самостоятельным творцом, независимым от муз. Но такого просто не бывает. Я уже говорил раньше, но ты все прослушала...

– Не внаю вачем Вы фсе это пидумали. Мовет ваяться нечем?

Разговор с этой оторвой с каждой минутой становился все более невыносимым. *Такими темпами она потеряет единственного друга в этих холодных стенах.* Лавуан, единственный, кто с теплотой отнесся к несносной девочке, начинал понимать негодование охранников и заключенных. Сейчас ему хотелось, чтобы Мэри заткнула свой полупустой рот и держала его на замке столько, сколько могла. К сожалению, молчать она могла от силы пару секунд:

– Не певевивайте, довогой теволек – фсе фто-то да пидумают фебе. Так навевное пвофе вивется. Гвавное понять, фто ты выдумаваеф фсе это, и певефтать выдумывать.

Филипп укутался в плед сильнее прежнего и отвернулся от собеседницы, давая той понять, что невнятный во всех смыслах диалог окончен. Мэри, недолго думая, переключалась сначала на разговор с самой собой, потом с заключенным, что попросил ее «заткнуться наконец», а потом и вообще затихла, благодарность за что стоит воздавать Морфею. Писатель был свидетелем этой трагедии в трех актах сугубо потому, что неприятный разговор наслал нескончаемый рой мыслей в бедную голову француза, не давая возможности спокойно уснуть. Вместе с пледом, мозг решил довести

Лавуана до сумасшествия сразу с двух сторон, что в какой-то момент показалось писателю забавным, отчего на его уставшем лице растеклась ехидная улыбка. Но сама ситуация, разумеется, влияла на психику героя сугубо негативно. Где-то в углу комнаты сидела, ожидая умирающую добычу, паучиха. Сквозь дрем Лавуан слышал ее мерзкие речи, но уставший разум не придавал им должного значения. Под злостное стрекотание паучихи писатель мирно заснул.

Отдых его, впрочем, продолжался недолго. Чуткий сон француза нарушила возня в коморке сторожа. Сначала во сне послышался звон ключей, будто невидимый ключник подошел прямо к уху Филиппа и стал слегка бить по металлу, наигрывая свою никому не понятную музыку. Затем послышался грохот, будто что-то большое и грузное свалилось с огромной высоты. Лавуану представился большой камень, летящий на огромной скорости со скалы и несущийся на одиноко стоящую деревушку, среди которой стоял наш герой. От ужаса он открыл глаза и начал быстро водить ими по темной комнате в поисках источника хоть какого-то света.

Странно, но кроме тусклой луны, по обычаю заглядывавшей в окошко, никакого подобия света не было. Обычно сторож зажигал свою керосиновую лампу на ночь, что очень раздражало писателя поначалу, но со временем он обвыкся и стал принимать этот акт даже с неким облегчением, отчего сейчас, не найдя привычной обстановки, он стал паниковать. Больше волнение появилось, когда он услышал звук

хлесткого удара каблуком по туше мужчины и последовавшего кряхтения оного. *Кто-то вырубил охранника и погасил лампу. Мелани пришла меня спасти таким способом? Эти туфли я узнаю где угодно... Но как ей хватило сил завалить этого здоровяка? Даже застав такого мужика врасплох, победить его весьма и весьма тяжело... Наверное, привела с собой Жака! Да, это правильно, уж у него должно найтись много сил. Хотя погодите-ка... Жак бы пришел в своем дурацком костюме. Он бы ни за что не снял его до окончания роли. Стало быть, она взяла этого щеголя Пьера...*

Долго угадывать кто же помог мадемуазель Марсо не пришлось – фигура, расправившаяся с охранником, двинулась напрямик в сторону Лавуана. Сердце Филиппа сжалось от страха и восторга одновременно. *Долгожданное спасение от любимой эсеницы...* На свет вышла короткостриженная смугловатая девушка в легкой накидке и мужских брюках. Отдаленно она может и была бы схожа с Мелани, но стоило приглядеться, как сразу же бросались в глаза отличия. Во-первых, она была выше, гораздо выше ростом, почти такая же длинная, как и сам Лавуан, в то время как Мелани едва доставала плеча писателя. Во-вторых, из-за высокого роста она казалось куда более худой, хотя таковой может вовсе и не являлась. В-третьих, у этих двух дам сильно разнилась походка: Мелани порхала как истинная леди, делая аккуратные шажочки, создавая впечатление этакой бабочки, пролетающей над полем, в то время как эта девушка выглядела как

этакий солдат и вышагивала ровно так же – четко и целенаправленно, шаг был большим, уверенным и отчасти агрессивным. Спутать этих двоих мог только едва проснувшийся дурак, коим и был наш герой.

Филипп не знал, чем обязан этой девушке, что она решила его выволить из плена, но в глубине души был ей очень благодарен, о чем и собирался немедленно сказать. Однако дама, совершенно игнорируя немытого и небритого проходимца, прошла мимо камеры, едва заметно стрельнув глазами писателю, и направилась в клетку по соседству. Удивлен был не только Лавуан, но и пара заключенных, проснувшихся от недавнего переполоха: девушка, только что с такой легкостью уложившая охранника, остановилась рядом с камерой умалишенной девочки, которую тут, в сырых стенах тюрьмы, никто всерьез не воспринимал.

– Аида, пивет, – раздался голос с соседней койки, откуда начала выползать безноса Мэри.

– Привет дурнушка, – кокетливо улыбнулась Аида, опершись правым локтем на решетку камеры. – Как ты ухитрилась попасться?

– Так повучивось, – виновато ответила девочка.

– Сколько раз говорила, – закатила глаза спасительница, – никогда не иди на сложную цель без должной подготовки. Уже в который раз попадаешься же.

– Я не фпециально! Вводе пви деньгах такой весь фел. Грех быво не огвабить!

– Ну вот и ограбила, молодец, – девушка, пусть и отчитывала свою меньшую подругу, но делала это весьма ласковым голосом, отчего это не воспринималось руганью вовсе. – Ладно, что уж спорить понапрасну, – из кармана куртки появились большие звенящие ключи, – вылезай давай и пойдем скорее, у того здоровяка скорее всего сменщик есть.

Ключ со скрипом провернулся в замке, и дверь отворилась. За каких-то пару мгновений девочка, находившаяся в этом злополучном месте меньше всех присутствующих, выбралась на свободу, и вприпрыжку побежала за быстро уходящей алжиркой. *До чего непредсказуема жизнь...*

– Аида, пофтой, – прошептала Мэри, а затем, лихо развернувшись, направилась напрямиком к камере Филиппа. – Давай мфье Лавуана с собой вовьем?

Спасительница остановилась, медленно повернулась и демонстративно закатила глаза. Идея ей, прямо скажем, пришлась совсем не по душе.

– Кто это такой вообще? – подроспела она к подруге.

– Филипп Лавуан, – худая рука, показавшаяся из-под старого пледа, протиснулась сквозь ледяную от недавних заморозков решетку, дабы поздороваться.

– Ах этот... Вас то мы знаем, – фыркнула девушка, не протянув своей изящной ручки в ответ. – Убийца безобидных девушек. Слышала, от головы той бедняжки ни черта не осталось, а мозги еще неделю отскребали от брусчатки...

– Я этого не делал, – осипшим уставшим голосом произ-

нес Филипп.

– И с чего бы мне выпускать рецидивиста на волю? – игнорировала все потуги писателя оправдаться Аида. – Как по мне, Ваше место на виселице, мсье Лавуан. В нашей стране, уж простите, с Вами бы давно уже расправились, как с бешеной собакой.

– В таком случае, я рад, что живу в цивилизованном обществе, – рука Филиппа вернулась под согревающий плед, – где прежде чем человека убить, стоит доказать его вину.

Аида громко рассмеялась, напрочь забыв о конспирации. Писателю стало неловко, будто его слова, сказанные со всей серьезностью, походили для девушки на старый анекдот.

– Бросьте, Филипп, – махнула рукой алжирка, – в нашей стране Ваша смерть хотя б быстрой была... Здесь же Вы несколько месяцев ждете результата суда, толком ничего не ведая, а потом Вас все равно вздергивают под улюлюканье толпы. Вы и впрямь думали, что Вас оправдают? Божья наивность! Правду говорят, что писатели удивительные романтики...

Значит уже все решено... В глубине души Лавуан уже знал, что гибель его неизбежна и настанет вполне скоро. Однако голосок надежды, едва различимый за хором суровой реальности, все же пробивался, и давал какую-никакую надежду на положительный исход. Теперь же, когда и ее заткнули, в мире француза все стало совсем темным и неприглядным – тучи сразу сгустились, звуки притупились, мыс-

ли затмили собой все внешние шумы.

– Возьмите, мсье Лавуан, – на кровать упала немного помятая сигарета и спички. Филипп медленно поднял подарок, вставил ароматную сигарету в рот, поджег спичку и втянул горький дым в легкие. Стало полегче. – Расслабьтесь напоследок... – девушка с гордым видом начала движение в сторону выхода.

– Погоди, погоди, – тянула за штанину Мэри. – Мфье Лавуан ни в тем не виноват, он фам так гововил. Я тут ф ним пообфялафь и хотю фквать, фто он тотьно ни в тем не виноват.

– Боже, Мэри, ну что ж ты такая доверчивая... Он тебе солгал, понимаешь? – Аида опустилась на одно колено перед спутницей. – Взрослые частенько так делают, – голос девушки походил на материнский, мягкий, но поучающий.

– Я ему вевю, – настаивала девочка. – Фпомни как мы фсе фобвались у тебя. Нам фсем нувна быва помощь. Мфье Лавуану она тове нувна!

В этот раз, кажется, Мэри попала в точку. На лице Аиды проскользнула тоска по старым временам, затем глаза наполнила неподдельная грусть, и голова девушки склонилась будто в почтительном поклоне. Филипп наблюдал за разговором с большим интересом, в какой-то момент он даже забыл про тлеющую в руке сигарету, так что та успела немного обжечь ему пальцы, отчего француз резко дернул рукой, выронив окурок.

– Хорошо, мсье Лавуан, – сдалась Аида, – Вы пойдете с нами. Уж не знаю, что Вы там нашей Мэри наговорили, что она пребывает в таком восторге, но отделаться нам теперь от Вас так просто не получится – стоит мне оставить Вашу бренное тело здесь, как дома меня ждет неделя нескончаемого бубнежа на тему: как ты ужасно поступила с бедным ни в чем неповинным писателем. А оно мне совершенно не надо, – дверь камеры отворилась.

– Я не хочу бежать, – бросил Лавуан.

– Ну приехали, – вскинула голову девушка. – Ты все слышала, Мэри, идем отсюда, уговаривать этого остолопа я не стану...

Девочка не слушала старшую подругу. Вместо этого она направилась в распахнутые двери напрямик к сгорбившемуся Филиппу. Тот, потупив взгляд, обращенный в грязный пол, не придавал должного внимания к приближавшемуся силуэту. Мэри, со всей возможной теплотой, дотронулась до плеча француза. Он поднял голову и посмотрел в светлое лицо, на котором красовались два широко выпученных глаза, смотрящих прямо в душу писателя. От происходящего Лавуану стало не по себе.

– Идемте ф нами мфье Лавуан. У наф хорофая вивнь – мы фвободны. Понимаю, фто вы вдете феникфа фвоего, но фтоит ли тватить фвою вивнь на ту, фто не пиходит в твудный чаф, котовая не вавделяет боль, когда это нувно? Фтоит ли вафа вивнь ее? Вафа фмерть ввяд ли ее зацепит, мфье

Лавуан. А мне будет гвуфтно...

Глупышка ты, Мэри... Слова были сказаны плохо, и стилистика у девочки хромала, но своими эмоциями они попали в черствое сердце писателя. Может Мэри и не смогла бы внятно изъясняться на бумаге, но дух большого автора у нее присутствовал. *Может я стану твоей Мельпоменой...* Эта шутка вызвала искреннюю улыбку на лице Лавуана, отчего теперь его гримаса становилась все более странной, ведь глаза от услышанного были на мокром месте. *Теперь я выгляжу как плачущий дуралей...* Филипп выдал едва различимый смешок, который не сумел подавить. Хотя сейчас ему было абсолютно все равно, как отреагируют окружающие на его поведение.

– Ну вот, так бы фваву! – вскрикнула обрадованная девочка. – Фковее пойдемте, – она перешла на громкий шепот, – пока Аида не певедумала.

Филипп, не раздумывая, согласился. Гамма эмоций напрочь отбила желание думать и рассуждать. Сейчас, едва отдавая себе отчет в происходящем, он был готов уйти с девушкой хоть на край света, настолько она своей простотой вдохновила писателя. И хотя в глубине души он понимал, что это наваждение вскоре исчезнет, и мысли по Мелани снова вернутся, он поспешил за уходившими наверх девушками.

Охранник был полностью отключен. Лавуана эта картина поражала и пугала: Аида, хоть и выглядела очень худой и

малоподвижной девушкой, оказалась весьма сильной и проворной, раз сумела уложить здоровяка, который буквально пару-тройку дней назад с легкостью отталкивал Филиппа, не получая никакого сопротивления в ответ. Француз списывал свою немощность на общую ослабленность организма от долгого нахождения в заключении. Сейчас же, видя перед глазами покоившуюся тушу охранника, писатель находил свои отговорки все менее и менее убедительными. На полке, возле стола надсмотрщика находились изъятые у заключенных вещи. Среди них Лавуан быстро заметил старую сумку с характерным алым пятном. *Теперь мы с тобой оба замараны в крови, подруга.* Писатель взял сумку, исходя, прежде всего, из своей известной сентиментальности.

Беглецы вышли на мокрую от недавно закончившегося дождя дорогу. Вокруг было темно. Фонари, не выполнявшие свою прямую обязанность по освещению улицы, одиноко стояли, сторбившись в три погибели. Пускай здесь, на юге Франции, август был мягким и теплым, относительно севера, на котором родился герой, сейчас на улице было достаточно прохладно. Может это было из-за легкой одежды заключенного, может от небольшой простуды, что подхватил Лавуан, но, оглядывая своим взором темную улицу, Филипп погружался в воспоминания о давно минувших годах своей жизни. Неподалеку за углом, в едва освещенном переулке, виднелась кибитка, к которой быстрым размеренным шагом двинулась Аида, а за ней, вприпрыжку летя, следовала Мэри.

Лавуан сильно отстал от дам, предавшись очередным думам и еле волоча уставшие ноги. Босые ступни постоянно прилипали к еще сырой брусчатке, затрудняя погоню еще больше, свет окон, отражающийся в темных глазах писателя мешал сосредоточиться на ходьбе.

– Ну где Вы там, мсье Лавуан? – прогремел в полной тишине голос алжирки. – Вечно нас ждать не будут.

Никуда вы без меня не уедете. Филипп не придал значения словам девушки, но шаг, по какой-то неведомой писателю причине, сам по себе ускорился, что приводило героя в легкое замешательство. Быстрее ожидаемого он добрался до дилижанса и нырнул внутрь, упав на мягкую обивку сиденья. Напротив сидела и поглощала воздух отсутствующими ноздрями Мэри, с глупым видом уставившаяся куда-то на улицу. Аида, зайдя последней, как вожак стаи, дала кучеру команду трогать. Кибитка понеслась куда-то вниз по улице с завидной для современных машин скоростью. Ветер развивал немытые волосы Лавуана и обдавал осенней ночной свежестью его лицо. Сидя в открытом дилижансе, только что вызволенный из заключения, Филипп почувствовал тот самый вкус свободы о котором столько читал и писал. Теперь он понимал, что буквы, которые он так старательно выводил ни на йоту не приближались к верному описанию этого ощущения. Все слова, что он мог придумать для олицетворения процесса, передали бы лишь скупую часть тех эмоций, что он переживал. От мысли о том, что писательское ремесло может лишь

нелепо интерпретировать те эмоции, что человек испытывает в жизни, писателю должно было стать невыносимо грустно, ведь он посвятил этому делу все свое никчемное время, но Филиппу стало до того смешно, что он залился громким смехом, порождая гулкое эхо, проносящееся по оставленной позади улице.

– Совсем сбрендил дурак, – заключила Аида.

– Нет, – встряла Мэри, – кавется, мфье Лавуан, впевные фвободен.

Прохладный воздух наполнял легкие француза. Раньше Филипп был склонен к легкой ипохондрии, боясь порой поймать заразу там, где, казалось бы, это невозможно, но сейчас, жадно поглощая опасный для организма холодный ветер, он не чувствовал ничего, кроме счастья. Троица покинула город, и кибитка начала то тут, то там подпрыгивать на небольших кочках, слегка подбрасывая пассажиров. Нос писателя услышал запах потного кучера, и ветер свободы внезапно уступил свое место зловониям. Филиппу этот запах напомнил сразу двух людей из его жизни, для которых пот был едва ли не основой самого образа жизни. Первым, разумеется, был отец. Обычный работяга, проводивший большую часть свободного времени на работе, где занимался лесозаготовкой. С этой самой работы он приносил не только зарплату, которой едва хватало на всю семью, но и резкий запах пота, заполнявший квартиру своим зловонием. Воспоминания об отце у Лавуана всегда вызывали чувство тоски. Отца

он любил, хоть и побаивался. К тому же отец был неотъемлемой частью детства писателя, а столь далекие воспоминания всегда все окрашивают в теплые цвета. Вторым же человеком, который приходил на ум при запахе пота, был Жак Трюффо. Так как Жак подолгу не выходил из образа, оставаясь в одном и том же сценическом образе, при костюме, который никогда и ни при каких обстоятельствах не снимался, пахло от него прямо скажем не очень. Но ассоциация с вонюю приходила на ум не столько из-за этой его дурной привычки, вернее не от всех ее проявлений. Как-то раз Филиппу взбрела гениальная идея для пьесы – отображение жизни обычного парижского бомжа, с которым то и дело приключаются неприятности. Пьеса была больше комическая, и это автору не нравилось, потому он, пусть и сделал ее веселой настолько, что все представление зал заливался от смеха, вытирая глаза носовыми платками, вложил в свое творение достаточно глубокие, как ему тогда казалось, мысли. Большинство актеров, естественно, ничего интересного в этом не увидели, и просто разбирали роли, совершенно не вдаваясь в какие-то подробности. Главная роль должна была отойти тогда еще только объявившемуся Пьеру, ибо мсье Гобер задумал сразу раскрыть потенциал парнишки. Но Филипп настаивал на кандидатуре Жака, ссылаясь на то, что у того куда больше опыта в сценическом искусстве, и ему стало быть проще будет адаптироваться к этой роли. Директор поначалу забраковал этот вариант, оставшись при своем окончатель-

ном мнении. Все изменилось через пару недель, когда Жака и Пьера пригласили на пробы, на проведение которых все же настоял Лавуан. Молодой актер был совершенно недурен – играл отлично, в роли смотрелся органично, мог одним своим видом рассмешить публику, чего, пожалуй, и желал Гобер. Но затем вышел Трюффо. Вонь, которая до сего момента лишь изредка доносилась из-за кулис, теперь буквально резала глаза судьям. Жак, в свойственной ему манере, подошел к роли бездомного слишком серьезно, и мало того, что не мылся две недели, так еще и жил на улице, как подобает бродяге, и специально выискивал места погрязнее, дабы преобразиться до желаемой кондиции в короткий срок. Эффект получился выше всяких похвал. Гобер, мужичок весьма безэмоциональный и противный по своей натуре, смеялся в голос с нелепого вида своего актера и немедленно, попросив зачитать буквально пару реплик, одобрил кандидатуру Трюффо. Эту победу Лавуан смаковал еще очень и очень долго, а вот Жак, будто и не заметил борьбы – просто делал то, к чему у него лежит душа. Эта черта актера всегда восхищала Филиппа, а в глубине души он даже ей завидовал, о чем, впрочем, он даже сам себе не признавался.

Только сейчас внимание писателя сместилось с запаха кучера на его внешний вид. Повозкой правил бербер, худой и невзрачный, похожий на тень в своей черной накидке. Голову видно не было – на ней красовался темно-синий тагельмуст, так что единственное, что сумел разглядеть Лавуан бы-

ли большие черные глаза мужчины. Сам образ кучера навевал какой-то арабский колорит, погружая писателя в сюжет любой восточной сказки. Встретить бербера во Франции, пусть и не такая редкость, как встретить, например, ирландца, но тем не менее, это был первый обитатель пустынь, которого француз встретил за свою жизнь. Разумеется, сама ситуация вызывала животный интерес. Затем взгляд перенесся на Аиду, что сидела вместе с Мэри напротив. На открытой дороге в свете луны разглядеть даму было куда проще, чем в сыром подвале тюрьмы. Короткие кучерявые волосы, переливались темно-каштановым цветом и подавались вперед, следуя ветру. Светло-зеленые глаза уставились куда-то вдаль, цепляя пролетающие образы округи. В то время, как Филипп и Мэри подрагивали от налетевшего холода, одежда Аиды куда больше подходила под ночные условия: плотная куртка, брюки цвета хаки, высокие сапоги. На удивление все атрибуты костюма были очень опрятными, хотя привычные владельцы такого обмундирования – африканские солдаты – давно бы измазали весь комплект пылью и грязью, что сильно негативно, пусть и аутентично, сказывалось бы на их образе. Не сказать, что образ Аиды сильно страдал от чистоты одежды, вовсе нет. Но выглядело это все как минимум непривычно. С другой стороны, Лавуану все происходящее казалось непривычным. Весь этот побег с берберами напоминал ему приключенческую постановку с собой в главной роли. Раньше ему казалось, что трудности при переезде на юг

были достойны большой сцены, что, к слову, он ни раз пытался претворить в жизнь, и притворил, пусть не одной работой, а по кусочкам в нескольких, но вполне успешно и со вкусом. Теперь же Филипу хотелось написать что-нибудь приключенческое, что-нибудь захватывающее дух, может быть про археологов в Египте, исследующих опасные и завораживающее своей тайной гробницы. Сюжеты начинали складываться в уйму разрозненных картин, где невозможно было уследить за началом, серединой и концом – все казалось прекрасным, но скомканным. Такое часто бывает, когда наконец получаешь вдохновение в свои руки. Разобрать его образы поначалу сложно, но со временем разум сам расставляет все по полочкам, выдавая цельную картину. Этот процесс доводил Лавуана до мурашек.

– Никогда не видел амазига? – нарушила гробовое молчание Аида.

– Кого, простите? – переспросил писатель.

– Амазига, – девушка указывала оттопыренными большими пальцами себе за спину, где восседал кучер. – Они сами так себя называют. Мы называем...

Поправившись, голос Аиды затих. В нем чувствовалась какая-то вина, давно похороненная под другими эмоциями и сейчас ставшая сочиться кровью, как вновь открытая рана. Филипп почувствовал это, и не хотел продолжать расспрос на неприятную для собеседницы тему, но любопытство взяло верх:

– Вы тоже бербер? Никогда бы не подумал, что у Вашего народа бывают такие красивые глаза.

Комплимент, который вылетел изо рта Филиппа родился сам по себе, без его непосредственного участия. Пару секунд спустя французу даже стало неловко перед Мелани за то, что он посмел расхваливать глаза другой девушки. Ему показалось это легкой изменой, и пусть тяжесть ее невелика, сути это вовсе не меняло. Алжирка же лишь тихо хихикнула, не придав словам писателя должного значения.

– У моего народа разные глаза, мсье Лавуан, – лицо Аиды стало куда более серьезным. – А если принять во внимание разную кровь, то и вовсе разнообразию диву дашься.

– Кто Ваш отец? – вопрос был грубым, и Филипп быстро это понял, словив на себе гневный взгляд девушки.

– Тиран, одним словом, – голос Аиды был спокойным и ровным. – Француз, опорочивший мою мать своим гнилым семенем. Будь моя воля, я бы отрезала его член и запихала ему в глотку. Но урод, кажется, знал, что его ждет и сбежал, поджав хвост. А зачем тебе?

– Просто удивился отличному произношению... – оправдался Филипп. – Он также хорошо знает язык? – Лавуан указал на бербера за упряжкой.

– Амалу? – улыбнулась Аида. – Его произношение прекрасно, но вот языка Вашего он не знает вовсе.

Мэри засмеялась. Писатель, в глубине души понимавший, что никак не мог знать данного факта, тем не менее был уязв-

лен насмешкой над своей персоной. В обычной ситуации он полез бы в спор на повышенных тонах, но едва не оскорбив свою спасительницу предыдущей репликой, сдержался, тактично промолчав.

– Как же он оказался у нас, не зная языка? – недоумевал Филипп. – Я слышал, в Алжире сейчас не так плохо, как раньше, так зачем было перебираться сюда?

– В Алжире всегда пески и кровь, – отвела взгляд Аида. – Это Вам скажет любой, кто там пожил. Сколько себя помню, все время была война, все время была стрельба, все время была смерть. Менялись губернаторы и племенные вожди, но суть оставалась прежней. Жить в аду надоедает, мсье Лавуан.

Филипп прекрасно помнил статьи из газет, которые он изредка покупал, где пелись дифирамбы бравым солдатам Французской Республики, боровшихся с дикими туземцами. Всему этому конфликту молодой француз не придавал равным счетом никакого значения, оставляя на откуп рассуждения на данную тему политиканам и интриганам.

– Человек не меняется, – заключил наш герой, тяжело вздохнув. – Кровожадность – наша основополагающая черта. Кажется, без оной человек и вовсе не человек.

– Вздор, – фыркнула девушка. – Именно так все эти убийцы и рассуждают – напирают на всю естественность происходящего. Но это все глупости. Просто порода людей такая: не видят или не хотят видеть – все равно – всей красоты мира, которую они так яростно пытаются уничтожить. Их тем-

пами цари будут царствовать на пепелище, а поданными будут трупы.

Слова девушки были грубыми, резкими, не дававшими ни малейший шанс на маневр. Позиция была ясной и четкой.

– Категорично, – пробурчал писатель.

– Я – дитя войны, мсье Лавуан. Мы все весьма категоричны и непреклонны. Просто каждый в своем. Многие непреклонны в своем насилии, например, другие же находят себя в пацифизме...

– И к какой же категории Вы относите себя? – Филипп пристально смотрел на собеседницу.

– Я была на обеих сторонах, – Аида увела взгляд от смущения. – Порой приходится полностью пройти чуждый твоей натуре путь, чтобы прийти к правильному для себя ответу.

Рассуждения девушки были зрелыми и взвешенными. Если бы Филипп услышал подобную позицию, сказанную не этими словами и не этим человеком, то немедленно счел бы такого собеседника глупцом, мало понимающим эту жизнь. Но Аида, пусть и была молода, очевидно прошла весь тот трудный путь, что кратко описала своими репликами. Ей хотелось верить. Труднее всего Лавуану, как прирожденному писателю, обожавшему перипетии чужих судеб, было не начать до ужаса невежливый расспрос дамы на тему ее прошлого. Герой был уверен, что история молодой алжирки обязана была быть захватывающей и интересной, но все никак

не находил хоть сколько-нибудь вежливого повода начать докучать ей своими нелепыми вопросами.

– Алжир прекрасный пример моих слов, – продолжила Аида, словно слыша мысли Филиппа. – Такой красоты природы Вам здесь, на берегах Франции, увы, не увидеть. Европа слишком погрязла в человеке, знаете ли...

– Как это понимать? – поддержал разговор Лавуан.

– Здесь слишком много людей, – пояснила девушка. – А там, где много людей, сам дух меняется. Узкие улочки, с огромным количеством домов, суета и бесконечная беготня. Эти нелепые магазинчики и церкви. Казалось бы, здесь так много церквей, вот оно – пристанище Господа, а нет, даже кровавый и неприглядный Алжир, со своими грехами и дурной историей, гораздо ближе к Создателю, чем вся ваша Европа. К чему пришел человек, если Варварский Берег стал священной просветленной Европы?

– Я понимаю, о чем Вы, – согласился француз. – Действительно, за всем этим нагромождением образов и вправду сложно разобрать Бога, и вдали от цивилизации, где-нибудь в глуши, гораздо проще обрести долгожданный покой и найти связь с Всевышним. Но ведь длань Господа отчетливо видна и в городе. Человек создал его, подобно своему творцу. Может быть у нас, никчемных созданий, получилось гораздо хуже, чем у него, но все же это гигантский труд прежде всего человеческой мысли. Не стоит противопоставлять нас с Богом – это ни к чему не ведет, лишь усложнит восприятие

действительности, хоть и уподобит Вас новомодным философам.

Лавуан ощущал себя неуютно в шкуре проповедника. К этой роли он никогда не стремился, потому как считал ее абсолютно чуждой своей натуре. Но сейчас, услышав типичную нигилистскую позицию, которую и сам иногда отстаивал, решил встать на сторону отцов церкви, пусть и пользовался аргументами, которыми они брезговали. Теперь, выдав такую тираду о христианской морали, Филипп крепко задумался над своей действительной позицией по вопросу и существует ли такая вообще. *Не из тех ли я людей, что спорят с позицией человека лишь просто ради спора? Неужто у меня и впрямь нет позиции?*

– В Ваших словах есть доля правды, – кивнула Аида, – хотя от нее смердит проповедью какого-то мелкого священника из такой же мелкой церквушки, откуда Вы эту прописную истину и почерпнули, мсье Лавуан. Скажу так: природа у Господа вышла куда лучше человека. И коли он создавал нас по своему подобию, то не шибко то он себя любит.

Филипп улыбнулся. Парировать ему было нечем и оставшуюся часть пути он предался думам. Ни гул ветра в ушах, ни разговор соседок по кибитке, ни возгласы кучера, то и дело подгонявшего кобылу, не могли вывести его из транса. За последние несколько часов произошло слишком многое, что разуму приходилось расставлять по полочкам. Мэри, знакомая со всеми этими колоритными людьми, уже долгое время,

и выбиравшаяся с их помощью из передрыг, судя по отрывкам услышанных разговоров, не раз и не два, переносила все происходящее легко и непринужденно. Лавуан даже начал завидовать маленькой девочке и ее способности быстро адаптироваться под обстоятельства. *Хотя может это просто от слабоумия.*

В какой-то момент Филиппа укачало, и он провалился в сон. В нем была Мелани. Событий вокруг возлюбленной было много и все они непременно навевали тоску. Больше всего ему запомнился сон про погоню, где француз, крепко держа девушку за руку, пытался убежать от Виктора, который тут был еще больше, чем в жизни, что очень пугало. Разумеется, сон в итоге не отложился в памяти полностью, оставив лишь неприятный осадок на душе Лавуана. Спал в последнее время Филипп очень плохо не только из-за дурных снов, но и из-за плохо проведенного дня. Затхлый воздух камеры сильно влиял на организм, так что, оказавшись на свежем воздухе, ему, казалось бы, должно было стать гораздо легче, но тревожные сновидения, в которых Филипп то и дело от кого-то убегал и спасался, не покинули разум писателя.

– Пвофнитесь, мфье Лавуан, – послышалось сквозь сон. – Уже пиехали!

Нехотя Филипп продрал заспанные глаза. Поначалу он рассердился на маленькую безобразницу, что та разбудила уставшего человека понапрасну: вокруг все также красовалась непроглядная густая чаща леса, от которой француз

становилось, как и раньше, дома, немного не по себе. Но праведному гневу не удалось вырваться наружу – едва Лавуан открыл рот, как чаща уступила место большой поляне, усыпанной сотнями маленьких огней, цеплявших к себе взгляд. Сложно было поверить, что столько света могло скрываться во тьме южного леса. Этот луг гигантских размеров расположился аккурат между двух лесов и обрывом с третьей стороны – настолько удачного места для того, чтобы спрятаться от любопытных глаз придумать едва ли представляется возможным. Неудивительно, что Мэри, осужденную наверняка не раз, так и не сумела поймать бравая французская жандармерия.

– Как удачно расположен лагерь... – все же сорвалось с губ Лавуана.

– Ну разумеется, – посмеялась Аида. – Провели бы столько же на войне сколько я, и ставили бы свои лагеря так же мастерски. Ставка должна быть там, где ты идеально видишь врага, – девушка показала на холм, что был чуть поодаль лагеря, – и чтобы он не видел тебя, – она провела пальцем вокруг кибитки, указывая тем самым на окружавший героев лес. – Можете не беспокоиться, мсье Лавуан, здесь Вас точно никто не найдет. Ну а если кто и сунет нос – нас уже тут не будет. Мы, знаете ли, стараемся не сталкиваться со служителями закона.

Филипп понимал, что здесь, среди всех этих мерцающих огоньков, которых неумелый писатель наверняка сравнил бы

с роем светлячков, ему будет очень просто спрятаться. От чего-то на сердце героя впервые за долгое время появилось ощущения полного спокойствия. Тревога, до этого снедавшая душу Лавуана, отступила, будто давая возможность наконец от нее отдохнуть и вздохнуть полной грудью.

– Добро пожаловать в наш цирк, мсье Лавуан. Располагайтесь поудобнее и чувствуйте себя как дома.

~ VIII ~

Здесь тебе самое место, родной.

Первый день пребывания в столь странном месте был интересным, пусть и непривычным. Когда дилижанс только заехал на территорию лагеря, Мэри, со свойственной ее дурному характеру, беззаботностью вылетела на землю, побежав обниматься с подоспевшими обитателями сего пристанища. Навстречу безносой девочке прибежал очень худой мужчина с невероятно длинными руками, касавшимися колен, и повышенной волосатостью. Лавуан, увидев существо еще издалека, сначала подумал, что к ним бежит большое животное, отчего не на шутку испугался, но, увидев доброжелательную реакцию Мэри, сдержал порыв прикрикнуть от ужаса. *Хотя Мэри и со зверем бы полезла обниматься, будем откровенны.* А вот от гостя, следовавшего за зверем, Филипп все-таки пришел в такой ужас, что удержать гортань от вопля не смог. Позади, очень медленно и неуверенно, шел парнишка лет пятнадцати, невысокого роста, с огромными водянистыми глазами и чешуей, покрывавшей так или иначе все видневшееся тело. На лице чешуи было немного, но чем ближе к торсу опускался взгляд писателя, тем больше кожа парня превращалась в рыбу. Мэри полезла обниматься и с ним, отчего Лавуана невольно передернуло.

– Неприятны наши постояльцы? – поинтересовалась Аида, поравнявшись с французом.

– Немного, – согласился Филипп.

– Не переживайте, мсье Лавуан, – похлопала его по плечу девушка. – Они только снаружи уродливые – в душе они самые добрые существа на этой планете. Бояться, знаете ли, нужно не тех, чье уродство физическое, а чье моральное. Вы куда страшнее Даниэля и Рене, на мой взгляд.

Тогда услышанные слова задели честь Филиппа, пусть он того и не показал. Лишь со временем, познакомившись с двумя господами поближе он понял, о чем говорила Аида.

Алжирка, будучи общепризнанным вожаком цирка, никакой помощи писателю в освоении на новом месте не оказывала. Вместо этого она приставила к Лавуану девушку-цыганку по имени Надья, которая, будучи, очевидно, невероятно исполнительницей, продолжала ходить за французом попятам все свободное время. Именно она провела Филиппа в свой шатер, где он и проводил большую часть времени, что находился под крышей цирка. Надья была особой кроткой. Молодая цыганочка с двумя большими пучками по обе стороны головы, внушительными золотыми серьгами и бусами из разных камней, красной блузой, перетекающей в выцветшую черную юбку в пол – вот все, что ясно и четко давало представление об ее этническом происхождении. Если бы Лавуана попросили описать цыганку, он бы описывал Надью. Следует отметить, что писатель относился к этому народу с

нередким для французов, да и для всего остального мира, предубеждением. По его мнению, хороший цыган – мертвый цыган, потому как ничего хорошего от их братии ждать никогда не приходится. Бывал у Филиппа даже спор на эту тему с одним из городских пэров, который со всей уверенностью утверждал, будто нет плохих наций, есть плохие люди. Правда, он переменял свое мнение, когда через месяц у него из стойла увели двенадцать лошадей, но признавать свою неправоту он не стал – гордость не позволяла. Филипп тогда долго смеялся и сейчас, находясь посреди цыганской общины и припоминая тот случай, искренне улыбался. Тем не менее, Надья была не столь вызывающей, как те цыгане, с которыми приходилось контактировать Лавуану в городе. Была в ней какая-то скромность. Пусть не в количестве украшений, коих было более чем предостаточно, а руки и вовсе ломились от суммарного веса колец, но в поведении, что уже резко выделяло ее из толпы соплеменников. К тому же, девушка почти не разговаривала с французом, отделяясь общими фразами, и не придавая словам никакой конкретики.

Тем не менее, спустя неделю походов по лагерю, Филиппу удалось-таки разговорить молчаливую спутницу. Оказалось, что цирк не всегда был цирком, а стал таковым только после появления Аиды. До того момента, это был обычный, можно даже сказать, очередной, цыганский табор, промышленявший ровно тем же, чем обычно промышленяют цыгане. Но алжирка, своим суровым нравом и твердой рукой, быстро измени-

ла концепцию убыточного предприятия на разношерстный цирк. Здесь место нашлось всем, в том числе и цыганам, которые теперь не обкрадывали зевак, а гадали, например, на таро или показывали свои фокусы, создавая тем самым, самобытное и весьма колоритное представление. Не все в таборе поддержали свежий взгляд на свой быт, так что большая часть цыган, все же покинула свою привычную обитель. Сама Надья, как раз специализировалась на гадании и, когда цирк принимал гостей, оставляла Лавуана на попечительство самому себе, что несказанно радовало француза. Свободой он поначалу пользовался: ходил и докучал всем своим присутствием. К Филиппу все относились с великой осторожностью, в чем писатель, не без оснований, винил Аиду, наверняка разболтавшую всем предысторию появления здесь такого лишнего во всех смыслах человека, и рассказав свое виденье ситуации с убиенной Мелисой.

Разговаривать с Филиппом стали лишь пару человек. Первым, помимо Надьи, у которой, собственно, и выбора то никакого не было, разговор с героем завел Даниэль. В своей голове Лавуан именовал его не иначе как «обезьяна», что было недалеко от истины. В обычной ситуации разговора бы и не было вовсе – Филипп подобных персонажей сторонился и предпочитал наблюдать за ними издалека. Но сейчас, за неимением альтернатив в общении, убедив себя в том, что настоящую подлинную историю такого человека можно узнать лишь при тесном контакте с оным, он все же разгова-

ривал, а иногда даже был инициатором разговора.

– Я таким родился, знаете ли, – Даниэль отвечал на неудобный и грубый вопрос о своей внешности с такой легкостью, что сразу можно было сказать – ему его задают также часто, как спрашивают имя. – Представляете, вылез из матери таким вот волосатым, – он засучил рукава рубашки, демонстрируя длинные волосатые руки. – Мать сильно испугалась, говорила, что это совершенно ненормально. Отец и вовсе ушел, заявив, что мать видно с обезьяной ему изменила, – сейчас Даниэль смеялся, но в глазах молодого человека Лавуан отчетливо видел боль, которую раньше испытывал рассказчик. – Да уж... Мать с тех пор обозлилась и на меня, и на мир. Вот так вот оно бывает, Филипп. Рождаешься каким не хочешь, а потом живешь жизнь, принимая себя таковым. Зато я теперь могу легко лазать по веревкам разным, – заключил с широкой улыбкой Даниэль. – Чем не навык?

Лазал он и вправду хорошо. Одним из ключевых представлений цирка был как раз-таки номер Даниэля, где он, подобно дикому зверю, прыгал под куполом шатра под громкие аплодисменты зрителей. Народная любовь, которую молодой человек быстро снискал здесь, положительно сказалась на его самооценке и производила неизгладимое впечатление на Филиппа. *Такой талант мог быть запросто уничтожен сворой глупых собак, не готовых принимать бедного Даниэля. Пусть он и выглядит как животное, но истинными животными являются люди, не способные принять его инако-*

*вость, ибо именно они исходят из животного стадного чувства. Их страх лишь плод первобытного начала и ничто иное. Этот юноша в теле зверя обличает всех пустоголовых глупцов лучше, чем я своими пьесами. **Какая досада.***

Во многом из-за истории Даниэля, Лавуан продолжил писать свою пьесу. Мужество, с которым молодой француз встречал невзгоды на протяжении всей жизни, воодушевляла писателя на новые свершения. Параллельно шли размышления на тему стоицизма как такового, его практического применения в современной жизни. Сама философия нашла свое отражение и в труде, над которым корпел Филипп: он добавил характеру главной героини черты истинного стоика, уподобив ее Марку Аврелию. По мнению Лавуана, это делало героиню куда более живой, менее картонной и скучной, к тому же это прибавило бы хороших отзывов у искушенной публики, пусть пьеса писалась и не для них вовсе. Порой Филипп не мог отказать себе в удовольствии поумничать, добавляя в текст своих работ вещи куда более сложные, нежели сама тематика заявленного произведения. *Гобер бы все это вырезал, сославшись на длину пьесы.* Благо сейчас директор не имел никакой власти над писателем, и последний мог творить со своим трудом что душе угодно.

За процессом написания книги пристально наблюдала Надя. Порой она лезла буквально через плечо Филиппа, чтобы посмотреть, что же такого там написал француз. В порыве вдохновения Лавуан не замечал назойливой девушки, сми-

ренно продолжая работать. Лишь когда силы совсем покидали героя, и он падал на кровать, дабы набраться сил, двое людей, деливших уже не первую неделю скромный шатер, разговаривали на отвлеченные темы.

– Хотите я Вам погадаю? – спросила в один из вечеров девушка.

– Неужели тебе не надоедает гадать? – недоумевал Филипп. Несмотря на всю свою суеверность, Лавуан никогда не верил в расклады карт, считая это развлечением для необразованной черни, и недолюбливая самих гадалок, или, как он их сам называл, шарлатанок, за их тягу к наживе на простых, недалеких людях. – Уверен, твои карты ничего интересного не расскажут.

– Почему же? Вот про Вас мне все ясно, например.

– Это отчего же?

– Делала расклад на то, кто Вы такой. Вы же не думаете, что я стану делить кров с незнакомцем? – хихикнула девушка.

– Можно просто спросить, – Филипп уткнулся носом в подушку.

– Нет, – замотала головой Надья. – Люди постоянно врут, в отличие от карт. Спроси я Вас про самого себя, Вы бы солгали, но не потому, что может быть этого бы хотели нарочно, хотя быть может оно и так бы обернулось, а потому как люди самим себе врут чаще, чем окружающим.

С этим Филипп был согласен. Никому в своей жизни он не

лгал столько, сколько самому себе. Постоянные убеждения самого себя в чем бы то ни было – спутник Лавуана по жизни. Сейчас, проведя столько времени в заточении, а теперь и вовсе в изгнании, ему стало казаться, что даже любовь к Мелани напоминает самообман. От этой мысли становилось неприятно и тошно.

– Порой мне кажется, что даже любовь – это самообман, – непонятно почему, но Филипп решил разговаривать с Надьей откровенно. Даже слишком откровенно по меркам замкнутого писателя.

– Далеко не всегда, но очень часто, к сожалению, – вздохнула собеседница. – Но в Вашей жизни любовь есть, и она совершенно не надуманная, мсье Лавуан.

– Занимательно, – на этих словах Филипп немного приподнялся с постели, проявляя неподдельный интерес к разговору. – Что еще тебе рассказали карты?

– Я раскладывала только 10 карт, – пояснила цыганка. – Личность Вы интересная и опасная...

– Опасен я, пожалуй, лишь для самого себя.

– И для себя в том числе, – согласилась гадалка. – Первым мне выпал Император – старшая аркана.

– Звучит нестрашно, – пожал плечами Филипп.

– Это негативная карта. Человек Вы консервативный, властолюбивый. Не любите ничего упускать из виду, хотите все на свете контролировать...

– В этом мире уже ничего не проконтролируешь, – махнул

рукой Лавуан, – сплошной хаос вокруг.

– Слова истинного традиционалиста, – улыбнулась Надья. – Тем не менее, Вы пытаетесь контролировать то, до чего можете дотянуться. От этого страдают многие люди, но прежде всего Вы сами – успевать за всем вокруг практически невозможно. Я бы попросила Вас задуматься и сделать выводы...

– Но?

– Но боюсь, Вы слишком уперты. Натуру, увы, исправить невозможно.

– Отчего же «увы»? – возмутился писатель. – Если бы натуру каждого человека можно было исправить легкой рукой – человечество давно бы так и поступило. И жили бы мы в мире одинаковых личностей. Может ли быть что-то ужаснее?

– Некоторых людей, все-таки необходимо исправлять.

– Да, и избавлять тем самым и без того серый мир от лишних красок...

– Второй картой была Звезда – тоже старший аркан, – не стала влезать в ненужную полемику Надья.

– Также негативная карта? – попытался и сам поиграть в провидца Лавуан.

– Нет, совсем нет. Карта своеобразная, конечно, но, как по мне весьма положительная. Обычно под этой картой находятся настоящие мечтатели, такие, коих давно забыл современный мир. Философы, художники, творцы – все они отмечены Звездой.

– Звучит как противовес первой карте, – посмеялся Филипп.

– Но такие люди, – продолжала девушка. – живут в мире грез, которые сами и создают. Реальность их мало волнует, они словно не видят и не хотят видеть всего, что происходит вокруг, оставаясь в своем маленьком выдуманном мире. Вы будто идете параллельно этой жизни, проживая свою где-то там, – цыганка указала на небо, заслоненное плотным красным шатром.

– Не видать мне хороших карт сегодня, верно? – заключил француз.

– Все карты несут как положительный, так и отрицательный опыт.

Цыганка рассказывала о своих картах, как о точной непогрешимой науке. Сам факт такого отношения к этому безобидному хобби веселил Лавуана. Конечно, каждый человек, посвящающий какому-то делу достаточно много свободного времени, непременно будет считать плоды своего времяпровождения безумно нужными и важными – это Филипп знал хорошо. К тому же, чем менее важной была проведенная работа, тем более важным представлял ее на всеобщее обозрение субъект. Так же выходило и с Надьей, с ее картами таро. Пока писатель смеялся в глубине души, девушка перечисляла карты, вкратце истолковывая их значение для профана-слушателя. Лавуан не счел должным вслушиваться, поскольку заключил, что коли уж девушка делает выводы о

людях сугубо из карт, а не из здорового наблюдения и разговора, то и всерьез воспринимать такую особу совершенно не стоит.

– Последней выпала четверка кубков, – заканчивала свое повествование Надья, на что обратил, наконец, внимание Филипп.

– Тоже негативная карта, – уже утвердительно постулировал француз.

– Верно, нехорошая карта, – согласилась цыганка. – Карта говорит об огромных упущениях в Вашей жизни, мсье Лавуан.

– Да, я впервые согласен с твоими картами, гадалка. Сколько всего я упускаю из-за произошедшего... Из-за смерти Мелисы вся моя жизнь, и без того, отмечу, весьма никчемная, превратилась в фарс и цирк. Как в прямом, так и в переносном смысле...

– Четверка кубков не вполне об этом, – выслушав, сказала Надья. – Эта карта указывает на Вас, как на главного виновника несчастий.

– Карты говорят, что я сам виноват? – улыбнулся Филипп.

– Боюсь, что так.

– Точно, я совсем забыл, как подговорил отставного солдата убить мою лучшую подругу, и добровольно взял вину на себя, – начал ерничать Лавуан. – Какие же карты проницательные...

– Они лишь говорят, что в Вашем положении виноваты

Ваши эгоизм, гордыня и заносчивость, – ответила цыганка, словно отчитывая француза, цитируя слова меланхолии. – Конечно, мы не властны и не можем быть властны над всеми событиями в жизни. Однако, во многом бедственное положение случилось из-за Вашего дурного отношения к окружающей Вас действительности. Мне кажется, – Надья взяла паузу, немного призадумавшись, – что последняя карта напрямую следует из второй: этот мир Вам не кажется важным – он во всех смыслах второстепенен для Вас, потому Вы с такой легкостью и уничтожаете все вокруг себя, ведь это не важно до тех пор, пока целым остается Ваш мир внутренний.

– Я человек созидающий, знаете ли, – отрицал все Филипп. – Я создаю отличные пьесы, и тем самым явно не могу быть всеразрушающим варваром. Почему Вы не хулите солдат, чья жизнь положена на кровавый алтарь войны?! Вот истинные вандалы! Они-то уж точно ничегошеньки не создают, но любители поразрушать!

– Это их дело, Филипп. Мы сейчас обсуждаем Вас и только Вас. Вселенная разберется с кровожадными тиранами – будьте уверены. А про Ваше созидание хочу сказать, что оно как раз-таки прямое доказательство Вашего богатого внутреннего мира, создав который Вы решили пожертвовать миром настоящим. Я Вам не враг, мсье Лавуан, – заверяла гадалка. – Я лишь читаю то, что говорят карты.

Карты – ничто. Филипп уверял себя в этом, пусть внутренний голос и говорил, что слова цыганки звучат слишком

уж убедительно, что они бьют не в бровь, а в глаз, что если уж Надья не обладает экстрасенсорными способностями, то по крайней мере является превосходным психологом и эмпатом, раз уж ей удалось за столь короткий срок расколоть такой твердый орех, как Лавуан. *Похоже, карты все-таки не врут...* Паучиха сидела в большой тени от огромного количества ненужных вещей. *Уходи. Ты столь слаба, что я растопчу тебя одной лишь силой воли.*

Стоит отметить, что даже сам Лавуан недавно осознал всю слабость паучихи. Раньше, до событий нашего повествования, монстр появлялась не только ночью, когда была, впрочем, особенно активной, но и вечерами и даже в отдельные пасмурные дни. По повадкам своей ненавистной знакомой он понял, что ей всегда нужна тень, в которой она могла бы сидеть и нашептывать гадкие мысли французу. Когда же такого уголка нигде рядом нет, то и существу стало быть негде было прятаться, и ее присутствия не ощущалось. В последние месяцы паучиха даже по ночам приходила редко. Правильнее было бы сказать, что объявлялась она реже обычного, но, если бы она с такой частотой навевалась, скажем, к какому-либо другому человеку, тот непременно бы сошел с ума. Но для Филиппа ее посещения стали настолько редкими, что даже заметными.

Но в последние дни пребывания в лагере все изменилось. Паучиха стала появляться то тут, то там в незаметных углах. Отсутствие долгих разговоров сильно сказалось на ней:

вместо пугающего монстра перед Лавуаном появлялась совсем маленькое существо, к которому тот испытывал жалость, а не страх. Правда с каждым днем она становилась все больше и уверенней в себе. Филипп, будучи человеком внимательным и рефлексирующим, стал искать причины роста спутницы своей жизни. Казалось бы очевидно, что паучиха появляется в самые страшные моменты жизни писателя, в ту пору, когда хочется лезть на стену от несправедливости мира и необходимо спрятаться в какой-нибудь кокон, дабы внешние проблемы не коснулись тонкой душевной организации француза. Именно в такие моменты по самой сущности Лавуана наносила свой расчетливый удар меланхолия. Нынешняя ситуация разительно отличалась в лучшую сторону. В цирке Филипп не чувствовал себя лишним, не ощущал никакого давления, не был несчастным. Явных причин для возвращения подруги не было. Единственной причиной для возобновления общения с паучихой была долгая разлука с Мелани, и именно на нее и грешил Лавуан. И, хотя с каждым днем любовь к девушке таяла, полностью отделаться от сильной привязанности к мадемуазель Марсо писатель не мог, или уверил себя в этом просто потому, что не хотел отвязывать возлюбленную от себя. *Ты ведь не любишь ее, просто возвел свою привязанность в абсолют, чтобы хоть чем-то походить на окружающих. Ты никчемный лжец и трус.*

Хоть существо и пыталось морально уничтожить францу-

за, это никак не сказывалось на написании пьесы. Более того, душевные терзания как нельзя лучше отражались на бумаге, предавая героям, которым приписывались недуги автора, глубины и проработанности. Здесь Филипп впервые крепко призадумался над происходящим с его творчеством кошмаром. Оборачиваясь назад и трезво рассматривая свою жизнь, он видел, что свои самые успешные работы он написал в самые тяжелые времена своей жизни. «Хромой Идальго» был написан сразу по приезду на юг, когда у Лавуана толком не было денег ни на крышу над головой, ни на насущный хлеб. «Суховей» был написан после расставания с дочерью пекаря. «Страсти Мольера» Филипп написал, когда его карьера в театре Гобера могла закончиться после ряда неудачных пьес подряд. Таким образом, каждый раз, когда наступал сытый и зажиточный период жизни автора, Лавуан не мог написать ничего путного – все, что выходило из-под пера героя можно было в лучшем случае назвать посредственным. *Художник должен быть голодным. Только такой творец действительно старается выбраться из ужасающего положения. Впрочем, полагаю, это касается людей всех профессий. Быть может так предопределено нашим естеством. Самое опасное животное – голодное, ведь оно идет на все, чтобы утолить свою жажду.*

Пьеса тем временем близилась к своему логическому финалу. Разумеется, Лавуан не предполагал хорошего окончания истории, о чем решил еще перед началом написания пье-

сы. Ему казалось, что таким образом он вызовет большее сопереживание со стороны публики, ведь мрачные финалы врезаются в память куда лучше счастливых. Однако до пьесы дорвались многие обитатели цирка: одни с позволения писателя, другие же по собственной наглости или просьбе третьих лиц. Словом, большая часть читателей сходилась во мнении, что счастливый финал будет куда уместнее. Аргументация, по мнению Филиппа, у всех прочитавших весьма хромала, если была вообще. Например, Надья говорила, что не воспринимает негативных финалов, так как сама духовность человека стремится к катарсису, а пьеса, показывая многочисленные страдания людей, как раз и помогает обрести покой по ее окончанию. Лавуан был не согласен с цыганкой. Само обобщение всех людей и их стремлений, казалось ему диким и неправильным.

– Люди слишком отличаются, чтобы грести их под одну гребенку, – сказал Филипп. – Как можно утверждать, что индийский махараджа и одинокий аляскинский тлинкит хотят одного и того же?

– Оба они хотят мира и спокойствия, – отвечала Надья. – Каждый по-своему, конечно, но они оба стремятся успокоить себя и все, что их окружает.

Писатель ничего не ответил, однако остался при своем мнении, не найдя в словах цыганки никакого смысла. *Совершенно не обязательно, что каждый на Земле желает мира всем людям. Некоторые живут войной. Такие люди не мыс-*

лят себя вне насилия. Как же они могут желать мира? Лавуан был уверен, что у гадалки и на это найдется нелепая фраза, потому и продолжал молчать.

Вторым, кому Лавуан добровольно дал прочесть свою рукопись, был Даниэль. Мнение Надьи не понравилось писателю, потому он с жадностью пытался найти кого-то в противовес, и выбрал акробата. Выбор пал на него по нескольким причинам. Во-первых, он был мужчиной, что Филипп считал важным аспектом, так как, по его мнению, мужи куда более рассудительны и хладнокровны, а потому им легче было бы перенести несчастливый финал. Во-вторых, Даниэль в целом казался куда более разумным человеком, нежели цыганка, бегающая со своими нелепыми картами.

– Финал должен быть счастливым, – расстроил атлет писателя. – Я прочитал твою пьесу: написано великолепно! Не скажу, что большой фанат театра – слишком скучно, на мой вкус, никакого движения, никакой энергии... Спрашивается, зачем я вообще заплатил деньги, если нет никакого риска для актеров? За болтовню чтоль плачу? Так я могу на рынке бесплатно посмотреть, да послушать чего там народ и как говорит, – Даниэль рассмеялся.

– Театр сильно отличается от вашего цирка, – признал Лавуан.

– И не в лучшую, скажу я тебе, сторону! В любом случае, в твоём романе...

– Пьесе.

– Да-да, пьесе, очень много битв и крови. Отличная выйдет штука! На такое и сходить не грех! Но концовка, конечно, удручает.

– Неужели тебе не кажется, что так зрителю она лучше запомнится?

– Конечно запомнится лучше, – улыбнулся своим большим ртом Даниэль, – только вот это как с неудачным номером: когда акробат падает и расшибается насмерть – людям такое запоминается ох как надолго! Потом еще пару месяцев все сначала громко обсуждают, а потом все тише и тише, пока однажды этот трюк не стирается из их памяти навсегда. Кому интересны неудачники? Другое дело, когда ты выполняешь трюк, который никому до этого не был под силу. Вот тогда тыходишь в историю по просторной вымощенной дорожке!

Филиппу была понятна логика Даниэля. Разговор с ним доставил французу куда большее удовольствие, нежели пустой треп с цыганкой. Но в то же время Лавуан никак не мог согласиться с позицией собеседника. *Величие ни коим образом не связано с финалом истории. Разве Цицерон менее велик оттого, что его убили и надругались над его убиенным телом? Тот, кто скажет так – глупец. Не столь важно, как человек умер, сколь имеет значение как он жил и как принял смерть. Мертвый акробат лишь следствие неудачного трюка. Конечно его никто не запомнит.*

Хоть Филипп и не отнесся к словам Даниэля с должной

серьезностью, концовку под влиянием общественности он захотел сменить на более положительную. В изначальном финале главную героиню предают ее же собственные люди, дабы спасти свои жизни и кошельки. Девушку с особой жестокостью убивают и все празднуют окончание долгой и кровопролитной войны: враги рады, что непримиримый враг, нанеший большое количество поражений его армиям, наконец уничтожен, а бывшие союзники довольны положительными итогами изначально проигрышной войны. Неудивительно, что финал пьесы показался читателям мрачным. Когда следишь за перипетиями сюжета, когда прикипаешь к главному герою, когда проникаешься его внутренней и внешней борьбой, ты не можешь желать ему или ей, как в данном случае, плохого исхода. Именно на жалость и сострадание хотел было надавить Лавуан, но, судя по всему, изрядно перестарался.

Хороший финал не выходил из-под писательского пера. Как ни старался Филипп привести героиню к благополучной концовке, у него не выходило. Все выглядело инородно и надуманно, будто сами персонажи не хотели верить в происходящее и наотрез отказывались плясать под дудку Лавуана. Если обычно француз чувствовал себя Богом, который творит и вдыхает жизнь в своих персонажей, то сейчас он уподобился дьяволу. Тонкими намеками, незначительными толчками, легкими движениями он пытался исправить естественный ход событий, пытался уничтожить единственно верные

выборы персонажей, склоняя их на свою сторону. От самого процесса написания пьесы Филипп не получал сейчас совершенно никакого удовольствия. Каждое слово выводилось с большим трудом, рука становилась неподъемной, тело ломило, глаза резало.

В глубине души Лавуану хотелось быть стойком, как его героиня. Пусть на людях он частенько порицал и саму философию, и людей ее придерживавшихся, но сам все-таки питал к ней какие-то теплые чувства. Так что сейчас, занимаясь противным ему трудом, он терпел, терпел как лучшие представители стоицизма, и ждал, когда этот кошмар закончится.

Закончилось все достаточно быстро. Буквально за ночь была готова новая концовка. В ней героиня узнает о замысле злодеев и, прихватив своего возлюбленного, тайно покидает страну, оставляя свою отчизну, на защиту которой отдала немало сил, на растерзание врагу. В этой концовке была своя мораль, была низменная месть, что нравится публике, была и любовь, которую толпа любит ни сколько ни меньше. Но Лавуану казалось это старомодным и давно утерявшем актуальность. Реальная история куда как сильнее бы произвела эффект и донесла бы куда больше смысла. Тем не менее, писатель поспешил показать свой текст цыганке, чтобы услышать мнение целевой публики.

– Это прекрасно, – восхищалась Надья. – Торжество любви и справедливости! Стервятники, готовые предать свою спасительницу, наказаны, а сама дама находит свое счастье

в уединении с любимым. Это ли не радость?

Ничего другого я от простушки не ожидал. Лавуан всегда прекрасно чувствовал толпу. Писатель прекрасно понимал на какие рычажки нужно надавить, чтобы люди полюбили его произведения. Несмотря на это, пользовался Филипп своим даром не так часто, как может быть следовало. Зачастую он всячески пытался внедрить в произведения свои собственные, никому не интересные мысли, отчего страдал конечный продукт. Конечно сам француз так не считал, ведь его мысли априори не могли негативно сказываться на творчестве. Впрочем, от самого автора мало что зависело в театре, а мсье Гобер отмечал излишнюю тягу Лавуана к марианью бумаги ненужными предложениями.

Вторым, кому Филипп отнес исправленную работу, был, разумеется, Даниэль, который не то чтобы сильно хотел еще раз читать рукопись Лавуана – акробат очень не любил читать в принципе – однако, согласился из чистой вежливости.

– Да, да, да, – заключил Даниэль. – Этот вариант гораздо лучше: никаких тебе предательств и ненужных убийств. Такая работа вполне могла бы и людям понравится и в истории остаться надолго. Вот, умный Вы человек, мсье Лавуан, эво-но как быстро переписали то все! Сразу видно – талант!

Лесть, что лилась из уст акробата совсем не прельщала Филиппа. Улыбка, натянутая изо всех сил, дабы не смущать собеседника, казалась слабым фасадом, скрывающим истинные чувства писателя, и сам бы он, разумеется, с легкостью

распознал эту поведенческую фальшь, но для Даниэля этого оказалось достаточным, чтобы спокойно, удовлетворившись положительной реакцией на свои слова, удалиться на тренировку.

Лавуана терзали сомнения. *Не могут же все зрители моих пьес быть такими пустоголовыми... Должен же быть кто-то с зачатками рассудка...* Было решено найти новых читателей, куда более серьезных и искушенных. В лагере, правда, с этим дело обстояло, мягко говоря, плохо. Единственной, кто постоянно ютился вокруг Лавуана, была Мэри, но в ее голове рассудка точно не наблюдалось и за то время, что писатель старательно игнорировал существование девочки в лагере, явно не прибавилось, потому Филипп решил обратиться к ее хорошей знакомой и по совместительству главе всей этой цирковой шайки.

Поймать Аиду было чрезвычайно сложно. Она носилась по всему лагерю как угорелая, помогая то тут, то там каждому члену пристанища. Без нее здесь не решался ни один вопрос. Быть может Аида была единственной, кого здесь уважали все без исключения, и даже если между жителями цирка возникали разногласия, доходившие чуть ли не до драк, с появлением Аиды все сразу же вставали по стойке смирно, опасаясь праведного гнева со стороны девушки. Если уж найти Аиду во время рабочего дня было заданием сложным, то заставить ее спокойно сесть и прочитать труд Лавуана казалось невыполнимым. Алжирка была явно не из той породы

людей, что спокойно сидят и наслаждаются хорошим произведением – она из тех, кто не может себе позволить ни пары минут свободного времени.

Поначалу Филипп добрую половину дня не мог нигде найти девушку. Лагерь был внушительным, людей было немало, а проблем еще больше. К тому же расспросы не помогали: все девушку видели, но лишь мгновение, а затем она растворялась. Нашел ее Лавуан на импровизированной кухне, где шел очередной спор, то ли из-за не тех блюд, то ли из-за испорченной посуды. В любом случае, писателю до этих бытовых проблем никакого дела не было, также как Аиде не было никакого дела до «глупой писанины» Лавуана.

– Мсье Лавуан, – огрызалась девушка, – у меня сейчас нет времени на Ваше творчество, если можно таковым его называть... Приходите позже.

Филипп был человеком гордым. Если ему были где-то не рады, то он в те места не ходил, и тех людей избегал. Однако мнение Аиды отчего-то казалось ему важным. Может он искал в ней того самого идеального чтеца, что подтвердит верную направленность концовки его пьесы, а может он просто где-то глубоко в душе уважал алжирку. Лавуан решил навестить девушку вечером, когда дела отпустят ее, дабы она с легким сердцем могла насладиться его творением.

– Я смотрю, Вы неугомонны... – просьба Филиппа угнетала хозяйку цирка. – Кажется Вы не перестанете мне документировать куда я не прочту Вашу пьесу. Она длинная?

– Достаточно, – пожал плечами Лавуан.

– Управлюсь за ночь?

– При должной сноровке.

Аида молча взяла мятые листы с пьесой и начала бегать своими зелетными, как илистый берег, глазами по строчкам, жадно поглощая информацию. Читала она так же быстро, как и работала в лагере: пусть в ее действиях и виднелась невероятная скорость, она ничуть не влияла на качество самого действия. Лавуана это черта иностранки поражала, ведь, будучи с рождения меланхоликом, писатель привык к определенной медлительности во всем, чего касался его разум.

– Хорошо, я прочитаю, – заключила Аида после окончания первой страницы. – Мне по душе Ваш слог, мсье Лавуан.

На этом Филипп решил оставить читателя наедине с произведением. На пути к своему шатру он долго думал и переживал. *Почему же я, столь большой писатель, так боюсь ее вердикта? Кто она такая, что внушает в мое сердце страх? Просто бродячая артистка, ничуть не лучше обычного люда. Я слышал сотни мнений, и на ту же сотню плевал. Совершенно ничем не выделяющаяся женщина. Так почему же мне так страшно? Потому что трусость – это вся твоя природа.*

К уставшему от бессонной ночи Лавуану Аида пришла рано утром. Вид у нее был не менее уставшим и лишенным сна. Она бросила кипу бумаг на небольшой столик возле матраца, отчего писатель в испуге проснулся.

– Доброе утро, мсье Лавуан, – голос у девушки был, как ни странно, бодрым.

– Доброе, – заспанным голосом ответил Филипп, приподнимаясь на постели.

– Мне понравилась Ваша пьеса, – кратко заключила Аида.

– И это все? – удивился писатель лаконичности гостыи.

– А что еще сказать? Я не пожалела о потраченном времени. Большой похвалы Вы, уж простите, от меня не дождетесь.

– Что скажете о концовке?

– Смазанная и нереалистичная на мой вкус, – алжирка махнула рукой. – Публика любит такие финалы. Я часто наблюдаю за реакцией людей в нашем цирке, и должна сказать, что концовка Вашей пьесы будто специально написана для широкой публики. Это неплохо, конечно...

– Но?

– Но теряется изюминка произведения. Появляется ощущение специально заказанной работы, что отталкивает меня. Хотя Вашему директору именно такой эффект и нужен, полагаю.

– Какая концовка должна быть, по Вашему мнению?

– Не столь счастливая, – задумалась Аида. – В жизни редко случается так, что человек с легкостью спасается из подобного рода ситуаций. Ваш исторический роман теперь больше походит на волшебную сказку, где все живут долго и счастливо, а потом умирают в один день. Вы хоть раз видели такое в жизни?

– Боюсь, что нет, – согласился Лавуан.

– В этом вся и соль, – вздохнула Аида. – Люди любят сказки, потому как они совершенно не походят на жизнь – в них всегда торжествует добро и справедливость. Ваша же пьеса больше про историю и реальные события, потому концовка выглядит инородной, вшитой искусственно.

– Я согласен с Вами, – кивнул Филипп. – В угоду публике я изменил свою изначальный финал. Я хотел показать настоящую драму, с беспросветной и всепоглощающей тьмой, чтобы зритель прочувствовал всю боль, что выпала героине...

– Это уже другая крайность, – парировала Аида. – Не стоит так сгущать краски – в жизни все бывает не настолько плохо. Люди, так или иначе, помогают друг другу выходить из самых гиблых ситуаций. Да, не всегда получается так, как тебе того хочется, но и самый грустный финал наступает отнюдь не так часто, как может показаться. Уверена, Вы сумеете найти золотую середину, мсье Лавуан, и угодить и себе и людям. У вас очень хорошо получается, очевидно, что писательство – это Ваше призвание. Вот и докажите, что сможете написать ту самую концовку.

Не слишком темную, но и не слишком светлую... В этих словах есть смысл... Правда всегда лежит где-то посередине, и логично, что именно там ее и стоит искать. Может быть восхищения толпы не будет, но зато целостность произведения не пострадает...

Лавуан, не заметив, как девушка покинула палатку, принялся переписывать свой материал. Длилось это по меньшей мере весь день. Писателю все никак не удавалось соблюсти тот самый баланс, при котором произведение удовлетворяло бы и его и всех окружающих. В итоге было решено сделать войну проигранной для союзников главной героини, но для девушки все было устроено гладко, пусть все злодеи, что устраивали козни, остались целы и невредимы, на здоровье и судьбе протагониста это никак не сказалось. Случайные люди погибли, главные злодеи остались целы и при деньгах с властью, а протагонист в последний момент узнает о кознях и решает-таки покинуть родину.

Это никуда не годится. Целостность, безусловно, соблюдена, золотая середина найдена... Но меня тошнит... Филипп выбежал наружу, где и впрямь опорожнил свой желудок. Может это было следствием того самого пайка, о котором вчера судачили на кухне, может дело и вправду в ужасном финале, но бедную траву возле шатра ничто уже спасти не могло. Неужели все хотят этого? Неужели все настолько боятся настоящих темных финалов, что готовы принимать вот «это»?

Филипп решил проверить свою теорию. Сам он, разумеется, перечитывать эту белиберду не стал – желудок второго такого происшествия просто-напросто не вынесет – однако, все прочитавшим его финал на досуге, решил показать плод своих трудов. Все в один голос заявили, что это нормальный

финал. Никого ничего не смутило. Все остались счастливы. Кроме Филиппа.

Может я просто им надоел? В конце концов, если бы ко мне также настойчиво пытались всучить свою книгу, я бы тоже отмахивался, быть может даже с большей агрессией... Их терпению, в таком случае, стоит отдать должное. Жаль, что моему творению это никак не поможет.

Твое «творение» просто ужасно. От него исходит смрад. Мне ужасно дурно от одного присутствия с ним в одном помещении. Сожги его!

Тем же вечером, когда солнце успело сесть за горизонт, Лавуан вышел из шатра и побрел к ближайшему лагерному костру, что находился на небольшой опушке близ больших синих шатров. В них тоже жили цыгане, насколько знал Филипп, однако ни с кем из них писатель не имел чести быть знакомым. Возле огня были разбросаны большие бревна, имитировавшие лавочки, но все они, за исключением одного, почему-то были пусты, хотя никаких гостей и представлений, как припоминал Филипп, сегодня не намечалось. Единственным живым существом здесь был небольшой силуэт, плотно завернутый в какой-то старый, во многих местах порванный плед. Существо сидело на краю бревна, ближе к тени, хотя все остальные, куда более комфортные, места были свободны. Лавуан, не желая докучать гостю, сел поодаль и, взяв рукопись, принялся решаться на смелый шаг.

Лучше пускай эту пьесу никто не увидит... Она стала

отвратительной... Даже держать ее в руках теперь противно...

– Я бы этого не делал, – послышался мягкий мужской голос.

Звук доносился от одинокого обитателя поляны, спокойно посапывавшего где-то на краю и наблюдавшего за действиями писателя. Бархатный голос казался Филиппу знакомым, однако, как ни пытался Лавуан вспомнить его владельца – ему никак не удавалось.

– Отчего же? – поинтересовался герой. – Знали бы Вы через что мне пришлось пройти, чтобы дописать это убожество, – рукопись хлопком ударилась о голую землю. – Лучше бы ей просто сгореть...

– Я знаю через что Вы прошли, мсье Лавуан, – спокойно продолжал голос. – Я читал Вашу пьесу.

– Как же это читали? – удивился Филипп. – Я давал согласие лишь троим...

– Боюсь, что согласие здесь мало на что влияет, – плед зашевелился, пытаясь лучше укутать владельца. – Большая часть лагеря читала Вашу пьесу, да будет Вам известно.

– Все читали ее?! – Филипп был вне себя от бешенства. – И кто ее отдал? Гадалка? Так и знал... У всего ее рода длинные языки – правильно, что никому из них веры нет! Или болтун тот? Даниэль? Сразу было понятно, что ему доверять нельзя... Слишком уж простодушный...

– Если Вам интересно, то все трое давали кому-то ее про-

честь.

– И Аида? – в этот факт Лавуану верилось с трудом.

– Аида дала ее прочитать мне, – голос не выдавал никаких эмоций. Каждое следующие предложение по интонации ничуть не отличалось от предыдущего. Это пугало и настаивало Филиппа.

– Печально.

– Что именно?

– Невозможность никому в этом мире доверять. Это печально, – заключил писатель.

– Если Вам станет легче, мне передали Вашу рукопись со словами: «тебе это должно понравиться».

– И как? Понравилось?

– Совершенно нет.

Настало гробовое молчание. Может оно длилось и недолго, но собеседникам казалась вечностью.

– Первый вариант мне не понравился, – сказал молодой человек. – Финал казался глупым и безыдейным. Как оказалось, он был переписанным, и вовсе не первым, а третьим. Сказать по правде я недоумевал, как такое произведение может заканчиваться столь скверно. Будто основную часть и концовку писали два разных человека.

– Отчасти так и есть, – подтвердил Филипп.

– Но потом мы разговорились с ребятами в лагере, и мне стало известно, что каждый из них читал разные концовки, что вызывало во мне интерес. Я принялся искать исходный

текст.

Филипп ни на шутку удивился рвению молодого человека. *Он хороший чтец, коих сейчас мало. Остальные наверняка даже не обратили внимания на различия в собственных рассказах. Прочитали и забыли – сейчас так делают, пожалуй, все.*

– Успешно? – поинтересовался Лавуан.

– Именно так, – закивал под накидкой человек. – Не скажу, что было легко... К разным людям угодил разный материал, и проследить до от кого именно и какой вариант работы пришел было весьма тяжело. Но затем мне все-таки повезло, и я смог достать другой вариант...

– И как он?

– Еще хуже прежнего... – голос молодого человека совсем притих. По всей видимости он понимал, что слишком настойчиво критикует автора, и боялся столкнуться с последствиями. – Если первый вариант был никаким, то второй и вовсе превращал все в фарс. Где это видано, чтоб девушка, заварившая такую бойню, могла просто избежать всех напастей в конце? Более того, будто взмахом волшебной палочки кару получают и ее враги...

Филипп запутался. Казалось, собеседник перечисляет написанный им текст не в той последовательности: последний вариант рукописи к читателю пришел раньше остальных.

– А что насчет того трагичного финала? – поинтересовался француз.

– О нем я слышал лишь пару раз, – отмахнулся собеседник. – Оригиналa найти так и не сумел, отчего счел его существование всего лишь выдумкой мечтателей.

Филипп улыбнулся. *Давненько о моих работах не было столько разговоров. Этот нелепый читательский шум столь приятен уху.*

– Вы могли попросить его у меня, – удивлялся Лавуан. – Что Вам мешало?

– Страх.

Темное слово повисло в воздухе, заполняя собой пустоту в разговоре. Звонкое эхо пяти простых букв еще долго не давало продолжить разговор, как бы говоря, что перед этой сущностью приклоняются все, а кто не приклоняется, лишь лжет сам себе.

– Понимаю, – ответил Филипп. – Все мы рабы страха, – он взял рядом валявшуюся палку и принялся мешать успешные немного потухнуть головешки в костре. – Но порой нужно смотреть своей неуверенности в лицо. Часто бывает, что, только пройдя через свой страх ты оказываешься на ступень выше, избавляясь от былых проблем...

– Исходите из личного опыта?

– Само собой, – улыбнулся Лавуан. – Я все детство боялся отца. Как часто бывает со страхом – его не замечаешь, живешь с ним, будто с чем-то родным, с чем-то, что всегда с тобой было и будет. Но это не так... Стоит только осознать свою одержимость страхом, стоит встретить его лицом к ли-

цу во всеоружии, как он тотчас же откроет тебе двери к новым свершениям.

– И к каким же свершениям Вам открылась дорога? – скептически спросил молодой человек.

– Оставшись в плену страха, я бы никогда не переехал из родного захолустья. Никогда бы не оказался в большом театре. Никогда бы не стал успешным писателем.

– Действительно... – согласился собеседник. – Вы много достигли. Боюсь, я никогда не сумею столь же смело встретить свои страхи. Я от своих проблем обычно просто убегаю.

– Так Вы и оказались в этом цирке?

– Верно. Мне больше некуда было податься. Нигде меня не принимали.

– Полагаю, начинать свою борьбу нужно с мелочей. Глупо пытаться сражаться с самыми большими своими страхами – результат будет удручающим – это сразу ясно. Но, поборов один маленький страх, ты приближаешься к победе и над его старшим собратом.

Слова писателя, кажется, нашли отклик в душе юноши. Он медленно приподнялся с бревна и, не срывая свою накидку, двинулся в сторону Филиппа. Плед волочился по грязной земле, собирая всю пыль, какую мог. От этого зрелища Лавуану становилось дурно, но сейчас он куда больше был поражен надвигавшейся на него фигурой, теряясь в догадках: чего же он такого хочет ему сказать. Наконец, когда молодой человек поравнялся с писателем, последнему открылось

лицо, скрывавшееся в капюшоне. Эту рыбку голову Филипп уже видел, как и эти бесцветные большие глаза. Тот самый мальчик, что встречал Мэри еще пару дней назад, сейчас тянул свою чешуйчатую руку к герою.

– Мсье Лавуан, – в голосе Рене слышались нотки неуверенности и покорности, – позвольте мне прочитать ту самую концовку, которую нигде не найти. Прошу Вас... Пожалуйста...

Отказать слезливой просьбе паренька Филипп и в обычном состоянии не смог бы, учитывая ту гримасу, что сияла на лице Рене, а зная через какой страх ему пришлось пройти, просто чтобы промолвить эти слова, язык сам собой сказал:

– Конечно, дорогой мой друг. С радостью дам тебе прочитать свою рукопись.

Страницы с первым окончанием пьесы были свернуты и засунуты в карман пиджака, с которым Лавуан старался не расставаться. Причиной тому была, разумеется, известная сентиментальность писателя, не дававшая ему выбрасывать столь полюбившееся сердцу отрывки своего творчества. Достав изрядно помятые от долгого нахождения в кармане страницы, Филипп, аккуратно встряхнув их, развернул, дабы убедиться, что это именно то, что искал Рене.

– Признаться честно, – с волнением в голосе начал француз, – именно такой я задумывал эту пьесу. С самых первых страниц мне был известен финал. Конечно, он то приходил, то покидал меня, по мере того, что происходило с героиней,

но сюжет неизбежно спешил именно в эту точку... – Филипп протянул работу мальчику.

– Благодарю, мсье Лавуан, – с неподдельной радостью произнес Рене. – Я немедленно примусь читать!

С этими словами Парнишка, бросив плед на бревно, побежал куда-то в сторону шатров. *Наверняка у него есть особое место для чтения... Такое, где ни одна душа не тревожит его... Где он может полностью насладиться историями многочисленных романов...*

Теперь Филипп сидел перед костром в полном одиночестве и молча смотрел как догорает костер. Идти за новыми поленьями было лениво, к тому же сейчас мозг писателя был переполнен различного рода думами. *Интересно, какой из финалов больше понравился бы Мелани? Пошла бы она на поводу у толпы? Или оказалась бы истинным эстетом? А может, как и Аида, нашла бы себя где-то посередине? Боясь, этого мне уже не узнать...*

Ты легко можешь это узнать. И сам знаешь как... Паучиха, заметно возросшая с момента последней встречи, сидела где-то в кронах деревьев и, как ей и полагается, в кромешной темноте. *Столько разговоров о смелости, о том, что нужно смотреть своим страхам в лицо, а сам спрятался, как и этот мальчишка, среди чертова сброда. Сбежал от своих проблем. И так всю твою жизнь... Встретил лицом к лицу боязнь своего отца? Не смеши меня! Ты просто сбежал, разбив своим старикам сердце!*

Ты ничтожен, Филипп, ничтожен как червь. Ты никогда не скажешь самому себе правду, будешь лишь поучать бедных детишек. Тебе никогда не побороть свои страхи...

По крайней мере, я попытаюсь.

~ IX ~

Первая за долгое время бессонная ночь. За несчетное количество мучительных часов Филипп успел укорить себя за все беды человечества. Такого ужасного самобичевания его дух не испытывал уже очень давно. В обычные припадки он ругал свою слабость и нерешительность, неуверенность и недалекость, вспоминал бесчисленное количество ошибок, что успел совершить за отведенную ему жизнь. Сегодня же, преисполнившись гордыней от важности своей пьесы, подкрепленной словами молодого Рене, он стал винить себя во всех грехах искусства, начиная, само собой, с французского театра. Скорбь по утраченной красоте, тому изяществу, что современный мир променял на дешевизну, по захватывающим сюжетам, уступившим свое место бульварному мусору, по актерам, что стали больше кривляками, нежели добротными ремесленниками, съедала душу писателя. Пожалуй, любой житель кочующего цирка, увидевший весь поток мыслей Лавуана, сказал бы: «Довольно глупостей! Ни один человек не может быть ответственен за столь большую проблему! Быть может ты и важная часть системы, но полностью ее поменять ты не в состоянии!». И это была правда. Разум Филиппа и сам зачастую использовал подобного рода аргументы, чтобы победить Меланхолию. Сейчас

это было тщетно – писатель проигрывал.

Под утро, изрядно устав, Филипп смотрел на прошедшую ночь, как на игру в шахматы. Ассоциация, понятное дело, пришла не случайно – большую часть ночи Лавуан отдал думам о Мелани, а стало быть и о ее любимой игре. Он представлял себя играющим за белые фигуры, олицетворявшие свет и надежду на светлое будущее, в то время как Меланхолия непременно возглавляла армию тьмы, изо всех сил стараясь уничтожить все правильное в жизни француза. Игра, пусть по своей структуре и была похожа на шахматы, тем не менее представляла собой словесную перепалку, в которой один нападал, а второй парировал, и в таком случае уходил от удара, или же не находил слов защиты по данному пункту, и в таком случае терял ту или иную «фигуру». Не стоит считать, что Филипп Лавуан мог только обороняться, как загнанный в угол зверь. В конце концов, белые всегда ходят первыми.

Победить мог кто угодно. Если побеждал человек, то паучиха послушно отступала, в небрежном поклоне выражая свое поражение. Филипп после такого успеха обычно быстро засыпал, а на утро был полон сил и энергии. Но зачастую, как и сегодня, поражение наносил зверь. За этим поражением следовала бессонница, со всеми вытекающими из нее последствиями. Помимо постоянных раздумий, появлялась слабость и раздражительность, настроение бесповоротно портилось, что выливалось в целый ряд проблем. Из-

за своего недуга Лавуан неоднократно лишался полезных знакомств, не выполнял свои обязательства, всегда и всюду опаздывал.

Легкую дремоту, в которой поздним утром пребывал писатель, нарушил вошедший в шалаш человек.

– Ой, – вырвалось у незваного гостя, – прошу прощения, я не знал, что Вы еще спите. Я зайду позже, – не успев договорить фразу, Рене выбежал вон из шатра.

– погоди, – окликнул убежавшего мальчика, – я не сплю. Все хорошо, вернись.

Пару минут Рене никак не решался войти, но стоял возле шатра, что было понятно по черной тени, оставлявшей свой отпечаток на ткани. Филипп не стал давить на юношу, хотя ему, после нервной ночи, очень хотелось на ком-нибудь выместить накопившуюся злобу.

– Прошу прощения, мсье Лавуан, – наконец вошел Рене.

– Ты уже у меня его просил, – буркнул писатель, – ты прощен, все хорошо.

– Я принес Вам пьесу, – с этими словами Рене аккуратно положил кипу бумаг на стол и одним большим шагом от него удалился.

– И все? – недоумевал Филипп. – Признаться, после вчерашнего разговора, я ожидал куда более развернутой рецензии. Все настолько плохо?

– Ну что Вы! – воодушевился собеседник. – Это просто прекрасно! Я полагал, что Вы и сами это знаете, ведь это

настолько очевидно, потому и не стал ничего говорить...

– Как видишь, – приподнялся на матрасе автор, – это не очевидно ни мне, ни, как мне кажется, кому бы то ни было еще, кроме тебя, мой юный друг.

– Этот финал по-настоящему стоящий, мсье Лавуан, – никак не мог уgomониться Рене. – Именно таким он и должен был быть: темным, пугающим, но от того не менее захватывающим и показывающим всю неполноценность нашего с Вами общества! Это не просто хорошо – это гениально!

– История сама подкидывает нам идеи, – Лавуан поднялся с лежанки и направился к графину, чтобы налить себе воды. – Порой нужно лишь уметь слушать и запоминать, а потом так же бережно и кропотливо переносить все на бумагу. Зачастую реальная история куда интереснее выдумки. И куда поучительней...

– Все так, – закивал Рене. – И тем не менее, Ваш рассказ разнится с жизнью и смертью Жанны д'Арк.

– Это плохо?

– Нет, даже наоборот. Все знают эту историю. Если бы Вы просто переписали университетские учебники, всем было бы скучно. А здесь Вы угодите и просвещенной публике, чувствующей, как Вы отсылаете ее к реально произошедшим событиям, и в то же время, научите здоровой морали менее эрудированную часть общества. С какой стороны ни посмотри – этот финал лучший!

Филипп слушал рецензию очень внимательно. Он не был

уверен, что все сказанное вышло у него намеренно, что изначальный финал был выверен до мельчайших деталей и рассчитан, подобно математической задачке, но был приятно удивлен воодушевленной натуре. *И действительно, в который раз доказываю сам себе, что после написания произведения автор, каким бы маститым он ни был, более полноправным хозяином своему творению не является. Мысли, сказанные одним человеком, интерпретируются другим в одном лишь ему удобном ключе, а затем передаются третьим лицам, где связь действительного смысла произведения, зачастую пропадает, если, конечно, в тексте есть хоть сколько-нибудь смысла и глубины.*

– Признаться, я мог бы разговаривать о Вашей пьесе дни напролет, мсье Лавуан, – засобирался куда-то Рене. – Однако, сегодня я должен спешить.

– Попробую угадать, – уставшим голосом произнес Филипп, – атаманша дала новое, невероятно важное, поручение?

– Именно так, – грустно ответил мальчик. – Нужно поехать в город за некоторыми припасами. Не люблю я это дело, – Рене всем своим видом показывал, что данное поручение ему не по душе, но с ситуацией ничего поделать, увы, не может.

– Неужто никого другого в лагере не нашлось? – возмутился Филипп.

– Все обязанности мы стараемся выполнять по строгой

очередности, – оправдывался Рене. – Это честно...

– Но совершенно глупо, – писатель закатил глаза. – Очевидно, что одна работа, какой бы трудной или легкой она ни была, больше подходит одним, тогда как другая – другим. Зачем посылать мальчика с чешуей на коже в людное место?

На последнем своем предложении Филипп невольно остановился, поняв по погрустневшему лицу собеседника, что своими словами задел того за живое. В душе Лавуан искренне сокрушался о сказанном, не только потому, что обидел юнца, но и потому, что появилась еще одна причина себя в чем-то корить.

– Я не жалуясь, мсье Лавуан, – вздохнул Рене. – Эти обязанности – небольшая плата за возможность находится здесь. Поэтому, я откланяюсь, – Рене действительно поклонился.

Во всей напускнутой вежливости, что так страстно показывал мальчик, было что-то неестественное и от того жуткое. *Наверняка он просто видел, как общаются взрослые горожане, и копирует их поведение. Возможно диалог здешних гостей так впечатлил его, что он решил во всем им подражать, не вполне притом понимая что и как делать.* Пока Филипп предался долгим думам о влиянии общества на конкретную личность, Рене успел выпорхнуть из шалаша и скрыться в известном направлении.

Поток мыслей завел Лавуана, как это частенько с ним бывало, к его собственным проблемам. Помимо Мелани, постоянно ютившейся в беспокойной голове писателя, вспом-

нилась и Фрида с ее простотой, и принципиальный Жак, и глупый Пьер, и мсье Гобер со своей жадностью и дальновидностью. По всему этому миру, каким бы уродливым в глазах героя он ни был, Лавуан искренне скучал. К тому же, новая жизнь, которая началась лишь здесь – в этом цирке, никак не могла затмить старую, пусть и привносила новые краски. Филиппу казалось, быть может после вчерашнего разговора у костра, что просто убежать от проблем – не выход, что единственным верным решением было бы все вопросы закрыть раз и навсегда. *Нужно попасть в город...*

С этой мыслью писатель, спешно собрав свои вещи в старую, но столь родную сумку, побежал было к повозкам, где наверняка уже готовился к отправлению Рене, но напоролся на старое зеркало, где увидел свое отражение. Сначала Филипп себя не узнал. Худоба стала еще выразительней из-за долгого пребывания на тюремном пайке. Скулы виднелись четче обычного, хотя раньше Лавуан, да и все его окружение, были убеждены, что это невозможно. Остроту лица скрывала сильно отросшая и неухоженная черная борода, в которой, наверняка, должны были уже завестись паразиты из-за отсутствия должной гигиены. На голове, впрочем, герой волосы стриг, и они отрасли не так сильно, как могли бы. Филипп стриг их не из эстетических соображений, но из сугубо практических: волосы то и дело лезли ему в глаза, пока он писал, и, не сумев выносить этого издевательства долго, он избавился от проблемы. Только по коротким, по обы-

чаю плохо ухоженным волосам Лавуана и можно было еще узнать. *Какой ужас.*

Разглядывание самого себя заняло несколько минут. Человек со стороны мог признать Филиппа сущим нарциссом, не способным оторвать взгляда от своего отражения в зеркале. Но, надеюсь, всем присутствующим ясно, что Лавуан просто пребывал в ужасе от своего нового образа. *Так нельзя показываться на людях... Что обо мне подумают? Нет, нужно привести себя в порядок и потом отправляться в путь. Может быть завтра... Или через неделю.*

Филипп потряс головой. Последняя мысль напугала его. *Нет. Я еду сейчас, или не поеду вовсе. Все должно закончиться как можно раньше.* Это «все» было весьма абстрактной не до конца сформировавшейся идеей в голове писателя. Его просто с неотвратимой силой тянуло обратно.

Лавуан продолжил свой путь к конюшне. По дороге многие здоровались с ним и спрашивали о самочувствии, но в ответ слышали лишь односложные ответы, да махи руками. Сейчас Филиппу было не до этих любезностей. На месте отправки кибиток стояло по меньшей мере десять человек, провожавших Рене в долгий путь. Судя по их грустным лицам, все они прекрасно понимали, что за испытание предстоит мальчику. Все, кроме Аиды.

– А ну хватит тут нюни распускать, – слышался ее грубый голос еще издалека. – Не в первый раз уже. Пора участвовать в трудной лагерной жизни, Рене. Вас всех тоже касается, –

обратилась она к молчаливой толпе. – Все должны вносить свой вклад в развитие лагеря, иначе все наше дружное предприятие также дружно и пойдет ко дну. Вы этого хотите?

Ответом было покорное молчание. Перечить атаманше никто не хотел, может из страха, может из глубокого уважения и солидарности. В любом случае, Лавуан подоспел именно в этот сложный момент дискуссии.

– Позвольте мне поехать с Рене, – опутив все приветствия, сказал Филипп. – Я вижу, что ему сложно показываться на людях, и с этим я легко помогу.

– Какое благородство, – ехидно отвечала Аида. – В этом нет никакой необходимости, мсье Лавуан. Мальчик сам прекрасно справиться, к тому же, там и для одного работы маловато, не то, что для двоих.

– Может и так, но, как Вы сказали ранее: каждый должен вносить свой вклад, – парировал Филипп. – В вашем лагере я недавно, – обращался он теперь скорее к толпе, нежели к девушке, – и чувствую себя обузой, что неприемлемо. Я хочу помогать вам, и считаю, что поездка с Рене ничуть не хуже других начал...

– Если хотите начать, можете помочь Гаспару перетаскать сено...

– Да, но Гаспар и сам прекрасно справляется, – здесь толпа начала роптать в знак поддержки, пусть и не особо активной, – а вот Рене совсем не уверен в своих силах. Мы поможем друг другу.

Аида, хотевшая было начать очередной спор, услышала перешептывание толпы, которая, очевидно, поддерживала инициативу Филиппа. Писатель понимал, что слова стоит подбирать аккуратно, ведь сейчас девушка стоит перед выбором: потерять часть авторитета или же показать свою силу. С учетом обстоятельств оба варианта не прельщали Аиду. Что так, что этак она бы проиграла, и сейчас просто хладнокровно взвешивала, где бы ее проигрыш не был так плох.

– Хорошо, мсье Лавуан, – согласилась атаманша. – Да будет так. Помогите Рене, может он заодно научится также забалтывать продавцов на рынках, а то уж больно много денег мы тратим на ту гадость, что они продают.

Лавуан быстро сел на козлы и взял в руки поводья. Рене же начал обходить повозку, чтобы сесть рядом. В этот момент к писателю и подошла Аида.

– Я знаю, что Вы не по доброте душевной решили помочь бедному Рене, – сказала она полушепотом, так, чтобы никто кроме них двоих не знал предмета разговора. – Зачем бы Вы ни ехали в город, прошу, ни во что не впутывайте мальчика. Даже простой базар для него является адом на земле, не говоря уже о Ваших городских интрижках. Мне неинтересно, что Вами движет. Мне интересна лишь безопасность Рене и нашего продовольствия. Я ясно выразилась?

Филипп ответил лишь покорным кивком. Спорить с властной дамой в такой ситуации было делом гиблым, к тому же в планы Лавуана не входило бросать Рене на произвол

судьбы в большом многолюдном городе. Француз хотел было объяснить все это, но ему очень сильно противел приказной тон атаманши. Так что сейчас Филипп молчал из некоего протеста против грубости в свой адрес, как бы глупо и нелепо это не звучало со стороны.

Тем временем Рене сел рядом с Лавуаном, завернувшись в свой старый, разве что не замшелый, плед, и путники выдвинулись навстречу городу. Несмотря на то, что большую часть пути молодые люди провели в молчании – Лавуан по причине своей задумчивости и попытках представить, что же ждет его в родном доме, Рене из своей природной скромности и робости – тем не менее, дорога домой казалась куда как спешней нежели по пути в лагерь. Лошади преодолевали гигантское, по меркам Филиппа, расстояние за считанные минуты, что приводило писателя в восторг.

– Впервые вижу, чтобы кто-то так спешил на рынок, – улыбнулся Рене. – Если продолжите в таком темпе – загоните лошадей, мсье Лавуан. Рынок никуда не переедет.

– Рынок может и не переедет, – согласился Филипп, – а вот многие важные люди – вполне возможно.

Рене не вполне понимал, о чем собственно идет речь, но предпочел не начинать долгий расспрос. Судя по увиденному поведению, Лавуан понимал, что мальчик вообще не склонен к лишней болтовне, и всегда говорит по делу. Разумеется, не всякое слово, соскользнувшее с губ Рене несло глубокий смысл, в качестве примера Филиппу вспоминался

тот же разговор в шатре, который был мягко говоря пустым и лишь тешил эго писателя. Но пустота диалога для одних вовсе не обесценивает его в глазах других. Видимо Рене считал все сказанное невероятно важным к произнесению.

Уже по прошествии часа показался город, чьи дома виднелись с небольшого холма. Яркие улицы города с распростертыми объятиями встречали новоприбывших. Стены первых домов, сразу на въезде в город, были полностью облеплены многочисленными цветными афишами. Филипп остановил повозку и спрыгнул вниз на пыльную дорогу.

– Мсье Лавуан, – громко насколько был способен произнес Рене. – Рынок чуть дальше!

Писатель проигнорировал выкрик, машинально отмахнувшись. Взгляд Лавуана быстро скользил по всем афишам, чтобы выцепить что-то интересное. *«Открытие нового облагороженного сада в предместьях города». Только дурак пойдет туда в воскресенье. Всем разумным людям известно, что прогулки нужны прежде всего для новых правильных знакомств с особами из влиятельных кругов, коих можно встретить гуляющих то тут, то там. Но не в воскресенье. В воскресенье все они отдыхают от долгих недельных прогулок. Да и не пристало таким высоким господам якишаться с нашедшими единственным выходной простолоудинами. «Новые дивные животные! Редкие экземпляры из Сада Акклиматизации Парижа!».* Эти диковинки гостят уже не первый месяц. *Право, развлечение на один раз – не более. Не знаю*

насколько нужно быть темным человеком, чтобы то и дело приходиться тараниться на экзотических животных. Далее следовали многочисленные плакаты заезжих шутов, дрессировщиков, нескольких шарманщиков и прочих любителей легкого заработка. Лето прошло, теперь, когда все толсто-сумы уехали в родной Париж, денег этой ораве проходивцев никто не подаст. Скоро улицы опустеют и придет зима. «Впервые за долгое время проводится международный шахматный турнир». Здесь Лавуан остановил свой взор на невзрачном плакате с маленькой белой пешкой посередине, датированный вчерашним днем. «Уже завтра вечером многоуважаемая публика сможет лицезреть на бульваре С.-Д. важнейшее событие мира шахмат. Спешите приветствовать гостей из других стран!». Турнир уже завтра! Неужели прошло так много времени? Мысли Филиппа устремились к воображаемой встрече с возлюбленной. На несколько минут он впал в своеобразный транс, из которого его сумел вывести лишь сильный толчок в плечо.

– Мсье Лавуан, – ругался Рене, – мы опоздаем на рынок. Если не поспешим – лучшие товары раскупят. На рынок нужно ходить поутру – это всем известно.

– Да, уже пора, – согласился Филипп, отдавая себе отчет в данном атаманше обещании вернуть и мальчика, и припасы.

Спешно взгромоздившись обратно на козлы, путники пустились быстро, насколько позволяли все еще многолюдные улицы города, в порт. Шум, исходивший из каждого угол-

ка, оглушал гостей. Лавуан, за то недолгое время, что пребывал в лагере, успел привыкнуть к невероятной тишине природы, нарушавшимся разве что громким стрекотанием насекомых, да пением птиц. *Наверное, и здесь они поют, но за шумом бесконечного количества людей ничего не услышат. Все равно, что пытаться разглядеть звезды в ночном небе, стоя возле фонаря.* В рабочих районах гул стоял куда сильнее, чем в остальных. Филипп это объяснял низким уровнем общения рабочих. *Чем речь глупее, тем громче ее произносят.* Однако сейчас, приобщившись к не самым интеллектуальным слоям населения, он пенял скорее на сложную работу, где крик – просто необходимая часть процесса, без которой, увы, работа будет не выполнена. *Как можно докричаться до своего подчиненного, коли все вокруг галдят, как на базаре? Разумеется, нужно пытаться перекричать их.* На секунду Лавуану стало противно от своих попыток оправдать необразованных людей. И быть может он так и продолжал бы пребывать в своих думах, если бы случайно не повертел головой в одном знакомом месте.

На глаза попался уже родной дом. Раньше, когда Филипп пребывал в нем денно и ночно, он и не думал замечать родства в этом месте. Наоборот, эта маленькая комнатка, пахнувшая плесенью, казалась ему чужим и временным пристанищем. А вот при слове «дом» ему представлялось то самое покосившееся зданье, где, как он полагал, до сих пор живет его семья. Но сейчас, когда его место – залатанный на

скорую руку шалаш, та коморка на последнем этаже уже не казалась нецивильным местом. Филипп остановил повозку.

– Порт дальше, – указал пальцем на продолжение дороги Рене.

– Я знаю, дорогой друг, – Лавуан уже во второй раз спрыгивал с козел в возбужденном состоянии из смеси ностальгии и животного интереса. – Это не займет много времени. Мне нужно кое-что посмотреть.

Парнишка, вновь не понимал, что творится с его спутником, но засиял от счастья, когда услышал слово «друг». Казалось, этого вполне достаточно, чтобы подчинить волю мальчонки своим интересам, чем не пренебрег воспользоваться Лавуан. Быстро поднявшись по знакомым ступеням, писатель замер возле дверей, через которые проходил так часто. Окно дверцы было разбито. Очень неуклюже, возможно даже по неосторожности. Стекло, тем не менее никто убирать не собирался, что удивляло Филиппа. *Мадам Бош должна была бы тотчас все прибрать. Такой уж она человек. Быть может она и старая противная карга, но исполнительности ей не занимать.* Помимо разбросанного всюду стекла наблюдалась общая неухоженность как снаружи помещения, так и в холле здания, куда поспешил попасть Филипп. Всюду было пыльно, на столике, что стоял в небольшом закутке возле входа, была куча посуды и прочего мусора, ковер, украшавший парадный вход, стал блеклым от грязи что впитал за время отсутствия писателя. В былые времена в этом

узком коридоре постоянно бродили люди: порой здесь толпилось так много гостей и постояльцев, что невозможно было банально покинуть здание. Сейчас здесь не было никого. Даже мадам Бош.

Лавуан прошел в комнатку хозяйки. Там было гораздо чище и опрятней, чем снаружи. Очевидно, старушка находила силы наводить чистоту хотя бы здесь. Сейчас она покоилась в своем кресле, где с особым энтузиазмом что-то пряла. *Я и не знал, что у нее есть хобби.*

– Добрый день, мадам Бош, – слегка поклонился Филипп.

Старуха не сразу обратила внимание на гостя: пряжа на протяжении нескольких секунд не отпускала ее взгляда. Лишь закончив пару крючков, мадам Бош подняла седую голову в поисках нарушителя спокойствия.

– Мсье Лавуан, – сказала она с некоторым отвращением. – Вас едва можно узнать.

– Как и это место, – ответил писатель.

– Ваша правда, – закивала старуха. – Вам оно теперь под стать, – она улыбнулась своими тонкими губами.

– Что здесь произошло?

– Крысы, мсье Лавуан, – пожалала плечами мадам Бош. – Крысы.

– Все их так боятся?

– Может и не боятся, но явно брезгуют, в чем их едва ли можно винить. Мне такое соседство тоже не по душе, знаете ли... Вот только мне бежать, увы, некуда.

– Все разбежались? Удивительное дело, конечно.

– Не все, разумеется, – отмахнулась старуха. – Пара человек осталась. Правда и платить стали меньше, раз уж крысы тут по дому шныряют.

– Почему не потравите их?

– Если захотите стать спонсором сего мероприятия – буду премного благодарна, мсье Лавуан. А до тех пор, придержите свои мудрые советы при себе, будьте так любезны.

Несмотря на свое небольшое меценатство в виде скромного пожертвования, до отбывания в места не столь отдаленные, Филипп снова почувствовал стыд за свою нелепую кражу. Сейчас, в и без того подавленном настроении, он взваливал весь груз ответственности за беды, приключившиеся с этим местом, на себя самого. От всего этого на душе становилось невыносимо тяжело.

– У меня есть немного крысиного яда, – выпалил Лавуан, о чем почти сразу пожалел. – Там, где я нынче обитаю тоже полно непрошенных гостей, – в руке писателя засиял тот самый флакон.

– Хорошее средство, – разглядела склянку издалека мадам Бош, – сама таким пользовалась. Благодарю, мсье Лавуан, но Вашего флакона едва ли хватит, чтобы остановить эпидемию. Пару месяцев назад он может и спас бы положение... Отвадил от этого места паразитов. Но сейчас их здесь целая армия. Оставьте себе. Быть может с Вашими паразитами удастся расправиться и таким небольшим количеством

спасительного яда.

От слов старухи Филиппу становилось только хуже. Теперь уверенность в своей вине возросла в разы.

– Моя комната свободна? – перевел тему писатель.

– Даже в лучшие годы на нее было не так много претендентов, скажу честно. В нынешних условиях продать эту комнату решительно невозможно. Но жить я бы там не советовала. Впрочем, решать только Вам.

– Благодарю, мадам Бош, – откланялся и побрел к выходу Филипп.

Не такая уж она и злая женщина. Может большое несчастье размягчило ее сердце. А может я попросту не замечал ее великодушия все эти годы. В конце концов, она просто следила за порядком в своем доме. Что, в целом, получалось у нее замечательно.

На всех этажах, что проходил Филипп не было ни души. Дом вымер. Лишь одинокие крысы перебежали с одного темного уголка в другой, создавая своим присутствием неприятное ощущение постоянной слежки. Внутри не было грязно, лишь пыльно от отсутствия уборки. Кое-где, правда, были брошенные впопыхах вещи, оставленные бежавшими сломая голову постояльцами. *Стоит ли даже в такой ситуации быть столь неосторожными и неаккуратными? Неужто проблема была настолько большой и неразрешимой?*

Наконец, Филипп достиг своей комнаты. Дверь была незапертой, хотя Лавуан четко помнил, что в свой последний ви-

зит закрывал ее, оставляя возлюбленную в полной безопасности. *Надеюсь это просто мадам Бош прибиралась пару раз.* Уставшей рукой француз толкнул скрипучую дверь, и та послушно отварилась, ударившись с характерными, отражавшимся по всем этажам пустого здания, звуком. Внутри все было кувырком. Шкаф и сундук открыты, полочки стола вынуты, ненужные вещи валялись в хаотичном порядке. *Если это была уборка старухи, то я придержу свои сожаления.* Лавуан прошел в разрушенную комнату. Здесь явно что-то искали. По всей видимости, ничего конкретного, ведь все самое ценное, а именно печатная машинка, которая была сломана о толстый череп полковника и единственный приемлемый пиджак, который Филипп всегда носил при себе, отсутствовали в комнате на момент разграбления. Даже пьеса, которую так лелеял писатель, едва ли была бы кому-нибудь интересна.

Главным непривычным фактом, однако, для Лавуана был не ужасный бардак в его старом жилище. Сейчас, он обратил внимание, что дома его не встречает знакомое пение птицы. Он обернулся в сторону клетки, не ожидая ничего хорошего. Так и оказалось. За железными прутьями сидела, обгладывая маленькие кости, огромная жирная крыса. Филиппу стало дурно от мысли, что его птичку съели живьем эти отродья. Слезы выступили на лице писателя, и он мощным ударом смахнул клетку с тумбы. Та громко ударилась об пол, крыса с ужасным писком ринулась прочь, а птица так

и осталась мертва. Лавуан наклонился к остаткам питомца. По его обычному поведению с пташкой, никак нельзя было сказать, что он ее любит или хотя бы ценит ее присутствие – даже наоборот, могло сложиться стойкое ощущение неприязни писателя к кричащему существу в клетке. Но потеряв единственного постоянного спутника жизни, Филипп почувствовал себя опустошенным. Со смертью птицы умерла и частичка Лавуана.

Утерев слезы, Филипп поднялся, чтобы собрать оставшиеся вещи. Мало что уцелело в вакханалии, устроенной добропорядочными жителями сего дома. Вещи, что выглядели хоть немного презентабельно сразу же расхватали, от пишущих принадлежностей не осталось и следа, как и от средств гигиены. Даже старые часы, которые, пусть и были исправны, должны были вскоре оказаться на помойке, благополучно исчезли со старого стола. *Сам стол не забрали только из-за его тяжести, полагаю.* Остались лишь старые незаштопанные носки, блеклая рубашка, которую Филипп сам прятал куда подальше в шкаф лишь бы не видеть этого кошмара, да пуговицы, которые Лавуан когда-то хотел пришить обратно к своему второму пиджаку. *Ну, зато рукодельничать не придется – никогда это дело не любил, и слава Богу, что пиджак украли. Не могу представить себе идиота, которому бы пригодилась эта неприглядная вещица. Сам бы избавился от нее, если бы не был так занят.*

Филипп подошел к распахнутому настежь окну. Снаружи

в комнату врывался прохладный ветер, колышущий свисавшие рукава рубашек. Судя по черновикам, разбросанным по всей площади помещения, именно ветер копошился в бумагах писателя. *Может хоть ветер оценил мое творчество.* Внизу, на оживленной улице, ютился, пытаюсь огородить мешавшую всем повозку от гневных выходок прохожих, забитый Рене. Мальчик справлялся из рук вон плохо, отчего сильно волновался, что отражалось в его поведении. Филипп улыбнулся при виде этой нелепой картины. *Из этого можно было бы написать недурную комедию.*

– Мсье Лавуан! – зазвенел женский голосок.

Лавуан, напугавшись неожиданного крика, обернулся в тот самый момент, как маленькая фигура влетела в его грудь и, обхватив с обеих сторон руками, сильно прижала к себе. В глаза лезла хорошо знакомая копна рыжих как огонь волос.

– Здравствуй, Фрида, – Филипп погладил немку по голове. – Что ты тут делаешь?

– Я каждый день сюда прихожу, – подняла голову девушка. Из глаз текли слезы, но улыбка украшала веснушчатое лицо. – Каждый день я тут. Я так и знала, что Вы рано или поздно придете сюда.

– Каждый день с момента моего заключения?

Фрида замотала головой.

– К сожалению, нет, – всхлипнула она. – Я не успела спасти Ваши вещи... В тот же день, что Вы оказались за решеткой, эти стервятники, – это слово немка выделила особым

пренебрежением, – слетелись на Ваши пожитки. На второй день я попыталась спасти, что осталось... Дело даже до драки дошло...

– Тебя били? – заволновался писатель.

– Ничего страшного, – оправдывалась Фрида, – правда. На третий день я привела кузена, и он поставил всех на место. Однако... – девушка остановилась, осматривая комнату, – к тому времени уже ничего не осталось...

– Это всего лишь вещи, – утешал ее Лавуан. – Купим новые, все будет хорошо. Как вы тут?

– Плохо, мсье Лавуан. Радостных вестей нет... В театре все плохо: мсье Гобер заставил одного из своих авторов переписать пьесу. Мою роль немного сократили. Конечно, убрать меня с главной роли, отчего-то не решились, однако, мне сократили количество реплик. Как они сказали: «чтобы Вы, милочка, не портили атмосферу театра», – Фрида расплакалась.

– Какая грубость, – с отвращением отметил Филипп. – Какая наглость! – *Как они посмели переписывать мою пьесу, задвигая характер главного героя на второй план?*

– Я смирилась со своей участью, – сдалась девушка. – В конце концов, я ведь действительно не актриса, а простая гардеробщица.

– В том и была вся суть с твоим назначением на главную роль, – ударил себя по лбу Лавуан. – Они ничего не смыслят в театре...

Фрида была польщена реакцией писателя. Девушка истосковалась по сочувствию в свой адрес, и, наблюдая такую гамму эмоций в своем друге, искренне радовалась поддержке. Ей было невдомек, что Филипп негодовал исключительно из-за неуважения к своей пьесе, но никак не из-за чувств девушки.

– Надеюсь, – вздохнул Лавуан, – это самое страшное, что случилось за последнее время.

– Помимо Вашего отсутствия – да, – ответила немка. – Как Вы? Где же Вы пропадали все это время? Как Вам удалось сбежать?

– Это очень долгая история, Фрида. Если кратко: мне сильно повезло. Спасли меня за компанию с другой пленницей. Если бы не случай – видит Бог, висеть мне на виселице.

– Большинство думает, что Вас нет в живых, мсье Лавуан. Никаких вестей о Вас было, так что почти все с тяжелым сердцем приняли факт Вашей смерти. Посчитали, что от Вас решили избавиться без лишнего шума. Раз – и нет человека...

– И желающих выйти разузнать правду, разумеется, не нашлось...

– Все это Ваше дело изначально было очень темным. Никто ничего не понимал. Нельзя винить людей в бездействии...

– Но ты сюда ходила каждый день. Значит бездействовали отнюдь не все.

– Я просто отказывалась верить в Вашу смерть, – Фрида села на незастеленную кровать и поникла головой. – Люди не исчезают вот так просто. И я знала, что Вы вернетесь. Была в этом уверена.

Сентиментальность девушки растрогала Филиппа. *Хоть один человек на этом свете потратил свои силы, чтобы дождаться меня.* Но француз по-прежнему видел в девушке искреннюю простоту и недалёковидность. *С таким подходом к жизни очень сложно существовать в этом циничном мире.* Лавуан чувствовал сожаление к немке, но тщательно его скрывал.

– Как поживает Мелани? – этот вопрос писатель готовил долго, отчего образовалась неприятная пауза в диалоге. – С ней все хорошо?

– Да, – ответила Фрида. – Мадемуазель Марсо хорошо справляется. Ее наконец утвердили в турнире. Мечты сбываются. И это славно.

Филиппа новость одновременно обрадовала и расстроила. С одной стороны, француз был искренне рад за свою возлюбленную. Мало кому удастся протолкнуть свои интересы на такой высокий уровень. Своим присутствием на турнире Мелани будет показывать многолетнюю борьбу женщин за свои права. С другой же стороны, Филиппа удручал тот факт, что всего этого она добилась без его участия. Он так и не сумел помочь возлюбленной достичь желаемого результата, а своими выходками даже испортил жизнь не только ей

и самому себе, но и еще паре-тройке человек. *Некоторые из них заплатились жизнью.*

– Как ей это удалось? – поинтересовался Филипп, развеивая меланхоличные мысли. – Добиться такого весьма непросто. Помню, тогда я пытался пробиться везде где можно, и у меня мало что выходило.

– Новый ухажер, – коротко заключила Фрида. Два слова были похожи на приговор и мадемуазель Марсо, и мсье Лавуану, и их совместному будущему. – Какой-то молодой вундеркинд из Эфиопии. Приехал заранее на турнир и случайно повстречался с мадемуазель Марсо...

– Воистину мир тесен, – съязвил Филипп. – Бывают же совпадения.

– Не ручаюсь за то, что это совпадение, – прямо ответила девушка. – Но они друг другу очень понравились. Сейчас они живут вместе в гостинице возле моря. Арендуют одну из верхних комнат. Расспросить не могу – Мелани... То есть мадемуазель Марсо редко бывает у нас. В последнее время она все больше живет там. Наверное, готовятся к завтрашнему турниру.

– Ну разумеется, – усмехнулся Лавуан. – Чем же еще двое молодых людей могут заниматься в отеле.

Фрида понимала к чему клонит француз. От этого ей становилось все более неловко. Она то и дело потирала друг об друга тонкие ножки.

– Каков он из себя?

– Высокий и худой, – пожалала плечами девушка. – Как и все эфиопы черный с жесткими кучерявыми волосами. Поговорить с ним не удалось. Он молчалив, да и французский знает очень плохо. С Мелани они больше общались по-английски. Он долгое время жил в Англии.

Значит иностранец. Людей всегда тянет туда, где их нет. Быть может, он действительно хорошая партия для Мелани, и я лишь завидую чужому счастью. Почему же я не достоин такого же банального житейского благополучия? Чем я хуже?

В коридоре, прямо возле двери в комнату Лавуана, пронзительно скрипнула половица, заставив Фриду и Филиппа машинально повернуться в сторону противного звука. Через мгновение в проеме оказался Рене, переминавшийся с ноги на ногу, ощущая явный дискомфорт от ситуации.

– Что-то случилось с повозкой? – поинтересовался Лавуан.

– Нет, мсье Лавуан, – тихим голосом ответил Рене. – Я отогнал ее за угол, чтобы она никому не мешала, – парнишка двинулся в сторону собеседников. – Я боюсь, мы не успеем на рынок, если сейчас же не поторопимся...

Фрида была явно ошарашена видом Рене. Пусть она ничего не говорила, но взгляд ее кричал от изумления этим странным существом. На лице виднелась гримаса интереса и ужаса, а также целого ряда сопутствующих вопросов, которые, стоило бы Рене покинуть комнату, тут же посыпались

на писателя.

– Фрида, это Рене, – представил своего товарища Лавуан. – Назовем его, скажем, одним из сожителей, с которыми мне пришлось делить свой кров в эти нелегкие времена. Рене, это Фрида, моя добрая подруга и коллега по работе в театре.

Характеристика, данная Филиппом, воодушевила Фриду так сильно, что глаза ее неестественно засветились. Девушку только что приняли в серьезные круги французского театрального общества, и не в качестве обслуги, чье место возле гардероба, а в равную себе позицию. Разумеется, после такого комплимента все думы о странности новоприбывшего мальчика сразу уже улетучились из рыжей головы девушки.

– Очень приятно, – сдержанно поклонился Рене. – Кажется, меня все больше затягивает в мир театра. Никогда бы не подумал, что окажусь в таком обществе...

– Жизнь порой приводит нас в самые странные места, – пожал плечами Филипп. – Разве думал я, что окажусь в цирке? Конечно же нет. Но я благодарен сему обстоятельству.

– Почему же? – поинтересовалась Фрида. – Это спасло Вас от смерти, – спохватилась девушка, ответив на свой же вопрос, – как же я сразу не догадалась...

– Не только поэтому. Атмосфера цирка помогла мне дописать свою пьесу. Сказать по правде, я полагал, что после всех произошедших событий, мне не удастся завершить свой труд.

– Жаль только, что его так и не покажут на сцене, – вздох-

нула Фрида.

Филипп достал из сумки свою пьесу. Мягкие страницы молчаливо глядели на писателя. *Какой же кошмар. Никто и впрямь не увидит моей работы.*

– Нам надо ехать, – повторил Рене.

– Ты прав, – согласился Лавуан.

Оба француза двинулись в сторону выхода, как вдруг услышали недовольный голос немки:

– Мсье Лавуан! Я еду с вами! Не для того я ходила сюда изо дня в день, чтобы обрести Ваше присутствие на несколько минут, и затем вновь навсегда потерять!

Голос Фриды звучал твердо и четко. *Она не потерпит отказа.*

– Хорошо, Фрида, – кивнул Филипп. – На нас всех вполне хватит места. Идемте же.

Троица быстрым шагом покинула здание, не попрощавшись с хозяйкой, не пожелавшей выходить из своей комнатки. Они направились к краю здания на пересечение с соседней улицей, где оставил свой экипаж Рене. Мальчик сильно волновался за целостность оставленной им на произвол судьбы повозки, потому спешил куда больше остальных. К счастью, с брошенной телегой и лошадью было все в порядке, что удивительно в столь большом городе.

– Слава Богу, – взмолился Рене в благодарностях вездесущему.

– Слава добрым французским горожанам, – поправил его

Филипп.

Путники сели на козлы. Втроем было куда теснее и неудобней: пусть Фрида и была весьма миниатюрна, места она занимала достаточно для создания дискомфорта всем присутствующим. Тем не менее, никто из мужчин, прекрасно помня реакцию девушки на пренебрежительное отношение к своей персоне, не стал лишним раз возмущаться обстоятельствам. К тому же, наш писатель, по своему обычаю, был целиком и полностью погружен в свои мысли, едва уделяя внимание окружающему миру. Его донимала мысль о невозможности рассказать публике о своей важной, по мнению Лавуана, работе. *Почему мир увидит МОЮ работу в интерпретации какого-то наемного бездаря? Как так вышло, что столь захватывающая пьеса, одна из лучших, что выходила из-под моего пера, никогда не доберется до большой сцены? Почему этот мир столь несправедлив? И ведь речь же не только про меня и мои чувства – черт с ними! Обычный горожанин никогда не сможет насладиться прекрасно поставленным спектаклем! Ему останется только довольствоваться той нелепостью, что выдают за сценарий!* В порыве собственной гордыни, Филипп развернул повозку на ближайшем повороте и стал удаляться от рынка в сторону театра.

– Мсье Лавуан, я полагала, что вы приехали на рынок, – заметила Фрида. – Вы повернули в обратную сторону, – данное замечание встревожило Рене.

– Да, нужно решить еще один важный вопрос, – ответил Филипп. – Это не должно занять много времени.

Проехав по прямой дороге, и дважды повернув, телега очутилась на улице, выходящей на театральную площадь. Именно здесь немка и поняла место назначения путников:

– Мсье Лавуан, не стоит Вам показываться в театре! Мсье Гобер этим будет явно недоволен! Никто не ждет Вас там, каким бы важным человеком до всех недавних событий Вы ни были! Прошу, мсье Лавуан, давайте поедем на рынок!

– Да, давайте же поедем на рынок! – истерично поддержал Рене.

Филипп не внял мольбам спутников и продолжил движение в сторону бывшего места работы. Театральная площадь в это время суток была полна любителями погулять без должной причины. Они ходили взад и вперед, непрерывно общаясь, занимая тем самым свой досуг. Филипп предался бы мысленным укорам по отношению к таким людям, но все его внимание занимала сложная и важная речь, которую он готовил для мсье Гобера. *Я объясню ему все как есть. Скажу, что дописал, что готов предоставить финальный материал, что актеры согласны с моей версией пьесы – уверен, они поддержат в нужную минуту. У директора просто не будет шанса парировать мои доводы! Мой писательский вес слишком высок, чтобы оставлять меня без внимания.*

Повозка остановилась прямо у входа. Жестом Филипп показал Рене и Фриде не следовать за ним, а найти место для

повозки. Мальчику не понравилось новое задание, точь-в-точь похожее на старое, но он подчинился и принялся отгонять лошадей прочь с площади. Фрида же, не усидев на месте, ринулась за уходящим в большие двери театра Лавуаном.

Театр, по своему обыкновению в это время суток, пустовал. Несколько энтузиастов, периодически бывавших на репетициях перед большим концертом, впрочем, бродили туда-сюда в надежде выцепить какого-нибудь актера из труппы, дабы провести непринужденную беседу, приобщившись тем самым к высокому искусству. Пробираясь между несколькими зеваками, заслонявшими проход к концертному залу, Лавуан сильно ругался на французского человека, проклиная его навязчивость и бестактность. Фрида пыталась не отставать: Филипп то и дело слышал ее крики, доносящиеся где-то позади. Мозг писателя машинально игнорировал реплики немки, считая их совершенно бессмысленными в данной ситуации.

Наконец, Лавуан вошел в большой зал. Помещение ничуть не изменилось с момента последнего посещения писателя, чего нельзя было сказать о последнем. Небольшие группы людей, сидевших кучками по всей площади зала, были хорошо знакомы Филиппу – когда-то он даже имел удовольствие вести с ними светские беседы – но сейчас имени того писателя едва ли можно было легко узнать. Одна лишь длинная борода, скрывавшая под собой половину худого ли-

ца, не давала возможности признать в Лавуане Лавуана.

Не успел Филипп дойти до кулис, как навстречу ему вывалился в своем нелепом железном костюме Жак Трюффо. Писатель не хотел останавливаться. Беседа со старым знакомым быть может и была бы приятной, но заняла бы уж больно много столь необходимого времени.

– Мсье Лавуан, – раздался голос из трубы. – Как давно мы не виделись! Где же вы изволили пропадать? – Жак полез обниматься. Костюм, помимо очевидной тяжести и громоздкости, имел еще и неприятный запах грязи и пота. *Очевидно, Жак не изменяет своим принципам...*

– Добрый день, Жак, – поддержал приветствие Филипп. – Удивлен, что ты так быстро сумел меня узнать. Большинству – да и мне самому – это удается с трудом.

– Глупости, мсье Лавуан, – с лязгом наручей отмахнулся Жак. – Как настоящий актер, я сразу вижу истинный облик человека, вне зависимости от маски, которую он решил на себя натянуть. За бородой мудреца я вижу все того же Филиппа – гениального писателя и деятеля искусства!

– Лестно, лестно, – улыбнулся писатель. – Жаль только, что мудрости мне эта борода нисколько не прибавляет, – Филипп откашлялся. – Не знаешь где мне найти мсье Гобера?

– Директор у себя, – ответил Трюффо. – Не принимает, правда, никого. Говорит, ему перед премьерой все докучают ненужными расспросами. Все хотят узнать побольше про Вашу пьесу. Ждут большого успеха на открытии. Думаю, Вас

можно поздравить с успехом!

– Не я дописывал пьесу, Жак, – грустно ответил Филипп. – Чем заканчивается ваш спектакль?

– Как чем? – недоумевал актер. – Разумеется счастливой развязкой. Злодеи наказаны, героиня счастлива и выходит замуж, а страна спасена.

Какой ужас!

– Мне нужно срочно передать Гоберу оригинальную пьесу! – вскрикнул Лавуан. – Никто не должен видеть этот ужасный финал, наспех собранный писателем-недоучкой! Публика будет в ужасе от этого...

– Не могу согласиться, дорогой друг, – голос по ту сторону шлема стал значительно тише и ниже. – По правде сказать, народу понравилось увиденное. Мы провели несколько предварительных показов на той неделе – пригласили сначала избранных зрителей, затем зрителей поизысканней, потом и вовсе раздали билеты случайным образом.

– И что, всем понравилось? – недоумевал писатель.

– Первая группа ушла в восторге, – отвечал Жак. – Но мсье Гобер сказал, что полагаться на мнение постоянных зрителей особо не стоит. Да, приятно, мол, что они оценили постановку, но они ровно в таком же ключе говорили и об остальных наших работах. Здесь едва ли удастся разузнать наверняка хорошая постановка или нет. Поэтому директор пригласил публику поважнее, в том числе и театральные критиков.

– Критики должны были догадаться, что перед ними наглая подделка, – вставил Филипп.

– Может они что-то и поняли. . . Во всяком случае, многие отмечали разный стиль повествования в начале и последней трети пьесы.

– Ну вот же! Умные люди!

– Но если прочитать печатные отзывы, коими уже пестрят все важные городские газеты, то стоит отметить, среди них нет ни одной отрицательной рецензии. Все, как один, хвалят постановку за самобытность, смелость и славное завершение истории. Особенно отмечают важность проблематики места женщины в обществе, что отдельно отметило общество суфражисток. Говорят, даже из Америки пришло благодарственное письмо, от такого же общества борьбы за права женщин. В целом, мсье Гобер доволен результатом. Как, впрочем, и я.

– Тебя тоже все устраивает? – удивлялся Филипп.

– Мне очень нравится тема, поднятая Вами, мсье Лавуан, – спокойно отвечал Жак. – Я столько лет смотрел на унижения, через которые приходится проходить актрисам, чтобы достичь того же статуса, что и актерам мужчинам. . . Рад, что наше общество наконец созрело для решения этого вопроса!

– Да, мсье Лавуан, – поддакивала Фрида, которая, как оказалось, все это время тихо стояла за спиной и смиренно слушала, не вступая в разговор. – И я рада, что именно мне выпала честь быть главной героиней Вашей пьесы. Сколько все-

го я могу показать простым горожанкам Франции... Да что там Франции, всего мира!

Филипп не разделял всеобщего воодушевления.

– Третья группа тоже все одобрила? – с полным разочарованием в голосе спросил Лавуан.

– Вы же знаете наших горожан, мсье Лавуан, – усмехнулся Жак. – Коли уж во всех газетах раструбили о гениальности пьесы, то и обычным зрителям она придется по душе. Даже если вдруг кому-то покажется, что пьеса вышла неудачной, под общественным давлением он изменит свое решение. Увы, но это так.

Бесхребетные идиоты... Им подсунули второсортный текст, а они и рады... Стоит только угадать современные настроения – сразу же высокая оценка. Стоит только купить пару-тройку критиков – сразу же высокая оценка. Стоит только сказать, что заботишься о мнении угнетенных – сразу же высокая оценка. Никто из них даже не задумывается о ценности произведения, о его целостности, о морали, не той, что на поверхности, но той, что скрыта за именами персонажей и их поступками, а не пустыми словами. Никто из них даже не хочет увидеть настоящий финал.

– Держи, Жак, – Филипп достал из сумки столь драгоценную его сердцу пьесу. – Вот настоящий финал.

– Мсье Лавуан, – отказывался принимать дар актер, – Вам стоит подняться к директору и обсудить это с ним. Уверен,

он что-нибудь придумает и даст дорогу Вашей версии пьесы.

– Боюсь, что у меня нет на это должного настроения и желания, дорогой друг, – Филипп всучил Трюффо свой труд. – Я устал бороться со всем этим. Я устал то и дело пребывать в меланхолии чтобы закончить свою работу. Я устал улыбаться и разговаривать с людьми только для того, чтобы мои пьесы увидел мир. Я устал смотреть на публику, недостойную стоящих картин. Я устал писать.

Я. Устал. Писать.

Запах моря и рыбы вызывал у Лавуана тошноту. На рынке уже практически никого не было – рабочий день здесь заканчивается рано. Если человеку случилось побывать здесь после полудня, то едва ли он сможет найти себе качественный товар. В обед рынок превращается в базар, где каждый торговец пытается тебе втюхать свои никому ненужные остатки: завтра товар, который и без того выглядит непрезентабельно, коли на него за утро никто не положил свой зоркий глаз, совсем испортится и отправится в мусор, ничего не принеся владельцу. Гул продавцов вызывал еще большее раздражение, нежели подступающая к горлу рвота.

– Нет, это нам не подходит, – отнекивался Рене от полутухлой форели. – Если я такое куплю, то меня по частям точно также придется продавать.

– Ну и вали тогда, – агрессивно ответила торговка. – А то тесаком огрею! Как раз чешую отрастил, может и на моем прилавке за рыбу сойдешь.

Мальчика несколько не задело такое пренебрежительное отношение к своей персоне, так что он просто проигнорировал глупости, сказанные в свой адрес. Тем не менее, Фрида, видя, как оскорбляют бедного мальчугана, пыталась подбадривать его теплыми словами. Рене от них таял, видимо с

непривычки. Он был весьма и весьма благодарен новой подруге. Лавуан же ходил черной тенью, всем своим видом показывая, как он ненавидит этот мир. *Смысла в этом мире нет. Сжечь всех и вся дотла.* Немка подбадривала и Филиппа, но то и дело встречая непреодолимую стену безразличия, покорно отступала, возвращаясь к уже близкому сердцу ихтиандру.

Побродив около часа по рынку и осмотрев опустевшие прилавки, троица так и не смогла найти ничего стоящего для лагеря. Удрученное настроение Лавуана переключалось к Рене.

– Надо было приезжать раньше, – мальчик ругался не на Филиппа и его не вовремя появившиеся дела, а скорее просто в воздух. – Разумеется ничего уже не могло остаться.

– Ничего страшного, – успокаивала его Фрида. – Завтра приедете сюда спозаранку и возьмете все необходимое. Тут каждое утро что-то можно найти.

– Опять спать в телеге...

– Можно уговорить мадам Бош вернуть мне на одну ночь комнату, – влез в разговор Лавуан. – Не думаю, что она мне откажет.

– Значит снова делить постель с крысами...

– Остановитесь у меня, – внезапно предложила Фрида. – Квартирка у нас небольшая, конечно, но брата всю ночь не будет – он сейчас сверхурочно работает в театре – а втроем мы уж как-нибудь поместимся.

Рене, разумеется, загорелся этой идеей, но восторг свой держал при себе, ожидая окончательного решения со стороны Филиппа, ибо немка была все-таки его знакомой и именно за ним, стало быть, должно оставаться последнее слово.

– Хорошо, Фрида, – Лавуан обессиленно кивнул. – Нам не хочется тебя смущать своим присутствием, но мы с радостью принимаем твой широкий жест.

– Я только рада помочь, – мило улыбнулась девушка. – Поехали, если не хотим оставаться здесь допоздна.

Я бы не прочь остаться здесь до вечера. Вечером в городе удивительный запах. Его ни с чем не спутать. Я по нему очень скучаю.

Грусть и тоска, заполнившие душу писателя, не отпускали его до самого дома немки. Знакомые улицы напоминали об ушедших временах, лица прохожих о покинутых друзьях, пение птиц о неизведанном и загадочном будущем. Все то новое, что пришло в жизнь с Филиппа за недавнее время, пугало его. Душа традиционалиста требовала спокойствия и обычного уклада, который, увы, был безвозвратно утерян. Лавуана тянуло к привычным вещам, приносившим столь долгое время удовольствие. Писать он сейчас не хотел, да и не смог бы, пока свежа рана от уязвленной недавним диалогом чести, а ничего другого из того старого мира он так и не смог перенести. Сей факт сильно бил по душевному спокойствию француза.

До квартиры Фриды троица добралась к закату. Все стра-

хи относительно холодного вечера под открытым небом сами собой отпали. Лавуан поднялся по лестнице первым, подавая пример остальным. За писателем, шагах в шести, не спеша плелась девушка, а за той бежал, спрятав повозку возле здания, Рене. Внезапно Филипп остановился на площадке возле квартир. Первая дверь у лестницы принадлежала во все не пристанищу Фриды. За дверью, перед которой встал как вкопанный француз, находилось гнездо его возлюбленной пташки. Окаменевший от огромного количества теплых воспоминаний, Лавуан таращился в непреклонную холодную дверь.

– Ее нет дома, – подошла вплотную к Филиппу Фрида. – Как я уже говорила... Квартира пустует. Если хотите, то можно переночевать...

– Нет, благодарю, – отрезал Лавуан. – Полагаю, твоя квартира будет ничуть не хуже.

Несмотря на явное отрицание со стороны писателя, квартира все же тянула его к себе. Она будто шептала, наговаривала ему на ухо: *«Верни, что потерял. Вспомни те безмятежные деньки, когда все было хорошо, когда не приходилось страдать даже от собственного существования».*

– Я не могу пойти с вами, – заключил Филипп. – Идите без меня. Мне нужно пройтись. Подышать воздухом.

– Хорошо, мсье Лавуан, – кивнула Фрида. – Может свежий воздух пойдет Вам на пользу. Не придумывайте себе ничего, – она сжала руку Филиппа и прижала к своей груди. –

Все образуется... Вот увидите.

Лавуан улыбнулся. *Мне бы твою веру. Может и не оказался бы сейчас здесь.* Француз вышел на улицу. Закатное солнце встретило его своими теплыми лучами. В розоватом свете город не выглядел таким уж унылым и однообразным. Белые стены домов сразу стали ярче, костюмы прохожих заиграли новыми красками. *Насчет воздуха, Фрида, ты, конечно, погорячилась. Он все так же не идет ни в какое сравнение с сельскими ветрами, с пением птиц и шелестом листвы.* Даже в такой момент писательская натура не могла не наслаждаться окружающей романтикой. И пусть голова была забита воспоминаниями давно минувших дней, созерцание вечернего города вызывало пусть и небольшую, но неподдельную радость. Филипп не знал куда ему идти. Цель он давно потерял и никаких предпосылок для ее обнаружения не было. Зато путь был открыт и ясен. Пусть никуда и не вел.

К вечеру из своих берлог повылезали самые зажиточные горожане. Каждый летний вечер мог называться карнавальным: изысканные костюмы богачей пестрили по всему городу. И пусть на дворе уже во всю начинала плясать осень, теплая погода способствовала продолжению праздничного сезона. Поначалу Лавуана это завораживало, но со временем он привык и перестал уделять этому внимания. *Как быстро хорошее приедается человеку.* Сейчас он чувствовал себя гостем в городе, где жил на протяжении долгих лет. Это чувство нравилось Филиппу, оно взывало к его самым светлым

воспоминаниям, заглушая весь негатив, что всегда присутствует в жизни.

Филипп шел за толпой. Люди все как один стремились куда-то в центр, к набережным реки, где должно было быть что-то интересное. *Очередной праздник жизни. Обычно меня на подобного рода мероприятиях никогда не бывает, а коли уж я случайно попал в шумную компанию городских кутил, то всегда держусь отстраненно, словно и не причастен ко всему этому безобразию. Может все дело в алкоголе и моей непереносимости к дьявольскому напитку?* Филипп крепко призадумался над своими обычными посиделками с друзьями: крепкого алкоголя там практически никогда не бывало. Обычно разговор шел за парой пинт пива и не более того. Случалось, конечно, что Лавуан пил, однажды даже он ухитрился допить до беспамьятства, но эти случаи были столь редкими и незначительными, что попросту терялись в серой рутине писательских дней. Когда-то Филипп думал, а порой даже был полностью уверен, что алкоголь благоприятно влияет на писательские навыки, потому одно время проводил практически эксперименты с целью повысить качество своих произведений. Спустя пару недель француз сделал горький вывод, что спирт, пусть и является спутником и помощником многих и многих творцов, тем не менее ни коим образом не способен помочь Лавуану. Перечитывая строки, написанные в алкогольном бреде, Филипп удивлялся нелепости и нелогичности своего творения. Поэтому такие страни-

цы сразу летели напрямиком в мусорное ведро. *Может писать спьяну я и не способен, но развлекаться то как все остальные люди могу! Где ж так нужен алкоголь, как не на шумных празднествах?*

С этой мыслью писатель прибился к ближайшему ресторанчику, где, пройдя через резные деревянные двери в небольшую, но уютную, залу, уселся на свободное место на диванчике. Рядом сидела девушка со своим кавалером и над чем-то очень громко хихикала. Суть разговора Лавуан уловить, как ни пытался, не смог, чем, впрочем, не сильно был раздосадован.

– Что будете заказывать? – подоспел тощий официант.

По виду Филиппа была ясно видно, что он понятия не имеет, не только что он хочет заказать в этом неизвестном ему месте, но и чего желает от жизни в целом. Официант демонстративно закатил глаза, что ускользнуло от взгляда писателя, и спокойно произнес:

– Абсент, полагаю.

Лавуан пожал плечами уходящему на кухню собеседнику. В таких местах Филипп бывал настолько редко, что едва представлял себе, как следует держаться в подобном месте. *Наверное, это приличное заведение, и стоит продемонстрировать все свои манеры.* Затем француз заметил, что остальные посетители ведут себя, мягко говоря, некорректно: шумят, ругаются, громко смеются. Нет, место не было похоже на откровенную забегаловку, но и флера дорого ресторана

здесь, увы, не наблюдалось. Филипп обернулся, уставившись в свое отражение в зеркале. *Будь это заведение хоть сколько-нибудь серьезным – меня бы с моим внешним видом вышвырнули пинком под зад. Ох и смеху было бы.* Филипп рассмехался, представив себя в руках двух недотеп охранников, пытающихся выпихнуть из здания сопротивляющегося писателя.

– Прошу, – официант поставил небольшой бокал с мутно-зеленоватой жидкостью внутри. – Надеюсь, Вы найдете наше заведение приятным, – официант поклонился и быстро исчез из виду.

Филипп долго смотрел на бокал. *Хочу ли я пить?* Именно из-за таких дум Лавуан и напивался редко. Настоящий алкоголик не ищет причину не пить, но ищет причину поскорее насытиться любимым пойлом. Филипп же был натурой, по его мнению, куда более тонкой и сложноорганизованной. Такому как он не пристало пить всякую ерунду, чтобы расслабиться. Он более чем самодостаточен. *Хотя выглядит напиток не как ерунда.*

Лавуан опорожнил стакан парой глотков. Жидкость была очень горькой и терпкой, язык, казалось, горел, а к горлу подступала тошнота, готовая вырваться наружу. Филипп кое-как сумел сдержать рвотные позывы, закрывшись рукавом и втянув в свои легкие всю пыль, что скопилась на нем за долгие странствия. Оклемавшись, писатель даже начал чувствовать послевкусие напитка: на языке был едва замет-

ный привкус травы, название которой Лавуан никак не мог вспомнить. Даже если бы он и знал происхождение напитка, в чем сам сейчас сильно сомневался, во вскруженной алкоголем голове Филиппа едва ли представлялось возможным выцепить эту информацию. *Что-то мне быстро ударило в голову.* Лавуан потер глаза.

– С абсентом так всегда, – ухмыльнулся мужчина, сидевший со своей пассией рядом. Черные усы подпрыгивали от улыбки, пиджак дышал будто сам по себе в такт расширявшемуся ноздрям, глаза неестественно блестели. – Уж больно быстро нокаутирует. Никогда с него не начинаю. Хотя... Если ставить себе целью надраться как свинья, то это самый правильный путь!

Дама, сидевшая с мужичком, расхохоталась, прикрывая рукой свою кривозубую улыбку. Филиппа передернуло от уродливости ее рта. Возвышенный образ девушки резко контрастировал с неровными зубами, которым она решила показать свет. *Боже, скорее закрой свою пасть!*

– Еще я бы порекомендовал быть аккуратней с абсентом, – продолжил мужчина, – из-за агрессии, которую этот дьявольский напиток вызывает. В прошлый раз, когда мне довелось отведать абсента, а было это в Испании пару месяцев назад – рабочие дела, не уверен, что будет уместно их сейчас припоминать – я с местными морячками сел опустошать бутылку и дело, Вы, дорогой друг, не поверите, дошло-таки до драки! Может это из-за контингента, с которым пришлось

застольничать, может из-за напитка – не знаю. Но факт остается фактом: зубы пришлось оставить на той мостовой, чему моя дама была крайне не рада.

– Конечно, не рада! – высокий голос девушки бил по ушам Филиппа. – Кому нужен беззубый кавалер?

А кому нужна кривоzubая мадемуазель? Хотел было сказать Филипп, но не стал, так как оставлял зачатки рассудительности.

– Наверняка есть любительницы и таких кавалеров, – отмахнулся мужчина. – Эх, был бы вечер другим, видит Бог, тотчас присоединился бы к Вам, дорогой мсье... Но, увы...

– Что же Вам так мешает? – пробурчал Филипп так, что сам едва слышал свою речь.

– Сегодня мы должны посетить шахматный турнир. Такое событие интересное. Сам, признаться, не игрок, но понаблюдать за светлыми умами всегда рад.

В голове Филиппа открылся ящик Пандоры. Зловещее словосочетание помимо ярких воспоминаний о Мелани породило еще и непонятно откуда взявшуюся злобу к себе и всему окружению. *Как же я не смог помочь Мелани? Почему кто-то другой сумел с такой легкостью найти пропуск на этот чертов турнир, а я нет? Ненавижу ублюдка!*

– Да, боюсь, нам уже пора, – потащила к выходу мужичка девушка, видя озлобленное лицо Лавуана.

– Впрочем, я согласен, – не заметив никаких существен-

ных изменений в поведении собеседника, сказал мужчина. – Приятно было познакомиться, мсье! Как-нибудь обязательно опрокину с Вами пару бокалов абсента... – унесся голос на улицу.

Чертов шахматный турнир. Чертова пьеса. Все не к месту. Черт меня дернул взяться за любовную историю, в которой я ничего не смыслю... Официант самовольно решил повторить абсент для заметно погрузневшего гостя. Лавуан поначалу не хотел браться за новый бокал, но мысли, роящиеся в его голове, не давали спокойно сидеть на месте, потому стакан быстро стал полупустым, а через пару мгновений и пустым вовсе. Алкоголь ударил по голове еще сильнее. Филипп вышел из ресторанчика, оставив кругленькую сумму на столе в качестве оплаты. Француз очень волновался хватит ли оставленных денег на покрытие заказа, ибо не имел ни малейшего понятия сколько напитков стоил.

На улице былолюдно. Свежий воздух заполнил легкие Лавуана, от чего общее состояние писателя улучшилось. Но мысли о шахматном турнире, о Мелани, о ее новоиспеченном любовнике не могло унести поднявшимся теплым осенним ветром. Филиппа несло на площадь, где проводился турнир. Сейчас он был не в силах противиться зову сердца, так как голос разума был весьма сильно затуманен абсентом. И пусть алкоголь выветривался по ходу продвижения к заветной цели, сил на борьбу со своими чувствами у Лавуана не было.

На удивление многие решили приобщиться к шахматам. В обычные дни шахматные столики, встречающиеся по всему городу, пустовали, дожидаясь потенциальных игроков. Можно было бы подумать, что людям совсем надоело напрягать свой мозг для подобного рода игр, и из этого факта строить целые логические выводы об умственной и нравственной деградации человека, но международный шахматный турнир показал, что рядовому французу такой культурный досуг не чужд, и он вполне рад к нему приобщиться. Или дело просто было в куче интересных иностранцах.

Так как турнир по своим масштабам превосходил все похожие за много и много последних лет, на всех участников попросту не хватило места в небольшом зданьице, на первом этаже которого и проводились обычно шахматные мероприятия, поэтому часть столов были вынесены наружу – благо погода позволяла это сделать – и многие гроссмейстеры занимались своим любимым делом прямо на свежем воздухе. Толпа, правда, всячески мешала концентрации таких шахматистов, на что некоторые из них жаловались. В частности, жалобы были в сторону подпивших зрителей, выкрикивавших свои никому ненужные советы. Филипп засмеялся, узнав, что он далеко не единственный, кто принял на грудь слишком много и пошел срывать большое мероприятие. Единственным отличием Лавуана от пьяных крикливых бродяг было лишь то, что у последних было хотя бы некое подобие плана по уничтожению престижа турнира, себя са-

мого, да и Франции в целом, а вот у Филиппа никакого разумного алгоритма действий в голове не присутствовало, что докучало писателю. Простые выкрики казались ему не более чем детской шалостью, а на что-то большее, что вертелось в голове, например, полноценного поджога, у француза никогда бы не хватило духу. Все время, что он наблюдал за участниками турнира, его глаза настойчиво искали ту самую особу, ради которой, собственно, Филипп на этот турнир и явился. К сожалению, найти Мелани в первые пятнадцать минут пребывания не удалось, потому как народу собралось слишком много, а среди игравших ее не было. *Видимо, ее очередь придет позже. Если бы девушка села играть против мужчины, вокруг такого столика непременно бы столпилась толпа, и я легко бы заметил это.*

Действительно, Мелани оказалась не за одним из столиков. Лавуан нашел ее в компании кавалера, стоявшей, как и все смертные, и наблюдавшей за ходом нескольких партий. Девушка, на секунду потеряв интерес к матчам коллег, одарила своим взором собравшуюся массу людей. Ее взгляд пронесся по всем рядам, в том числе и по Филиппу, стоявшему неподалеку. Их взгляды пересеклись, но Мелани не стала останавливаться на французе, будто просто игнорируя его существование. От сего факта писатель расстроился и потупился вниз, разглядывая потрескавшуюся брусчатку. *Наверное, я так сильно изменился, что она совсем меня не узнала. Эта борода превращает меня в невидимку для всех моих*

знакомых. Или она все-таки поняла, что это я? Поняла и решила просто игнорировать мое существование, словно меня никогда и не было. Словно я что-то нежелательное в ее жизни.

Лавуан снова поднял свой взгляд. Мелани с особой нежностью ворковала с эфиопом, обнимавшим ее за талию. Она смеялась над какой-то очередной его шуткой, прикрывая свою улыбку ладошкой. Эфиоп был на голову выше нее. Как и говорила Фрида, он действительно был худощав. Но его худоба была скорее интеллигентной, привлекательной, нежели отталкивающей. Прическа у него была короткая, но из-за кучерявых волос казалась куда объемней, чем могла бы быть. Большие темные глаза с большой любовью смотрели на Мелани. От всей этой картины Филиппа воротило.

– Прошу прощения, – Лавуан как мог пытался скрыть, что пьян, обращаясь к рядом стоявшему зрителю, – кто вон там стоит? – Филипп самым наглom образом ткнул указательным пальцем в эфиопа.

– Как можно этого не знать? – вопросительно вылупился на Лавуана толстый мужичок, к которому не был обращен вопрос писателя, но который обладал, по всей видимости, хорошим слухом и недюжинной наглостью. – Это Александр Негаш! Эфиопское дарование, знаете ли.

– И кто его даровал? – Филиппу самому стало стыдно за свой глупый, откровенно издевательский вопрос, но рот как назло не слушался и жил своей жизнью.

– Господь Бог, полагаю, – поморщился собеседник. – Негаш мало того, что у себя на родине чемпионом стал, еще и английский чемпионат осилил. Весь Лондон поражался юному таланту. Теперь, видно, решил покорить и нашу Францию.

– Много кто пытался покорить нашу с Вами Францию, – пробурчал Лавуан.

– На военном поприще, разумеется, нам никто ничего противопоставить не может, – согласился мужчина, – но вот в шахматах, боюсь, Александр всех наших гроссмейстеров на лопатки положит и не вспотеет.

– Да, смотрю француженок он уже на эти самые лопатки укладывает легко, – отметил Филипп, не отводя взгляда от Мелани.

– Это Вы здорово подметили, мсье! – расхохотался собеседник. – Вот точно также он и шахматистов наших победит. Ясным умом и природной расчетливостью!

Все эти дифирамбы, что пели Александру Негашу, порядком злили Филиппа. Сам того не ведая, милого вида мужичок лишь подлил уйму масла в огонь того гнева, что и без того бурлил в Филиппе. Сдерживать агрессию писателю становилось все сложнее. Единственное, что останавливало Лавуана – тактичность, к которой его приучила мать, сдержанность, к которой его приучил отец, и кротость, к которой его приучила жизнь. Филиппа разрывало от желания набить морду самодовольному эфиопу и посмотреть, как он будет

валяться на грязной мостовой.

– Ему наверняка еще и лучший отель предоставили, – буркнул писатель.

– Насколько я знаю, – вид у мужичка сразу же сделался до невозможности важный, – ему власти города оплатили комнату вон в том отеле, – палец указывал на большое здание по ту сторону площади. – Мне б так жить, чтоб страна сама оплачивала проживание в таком-то месте! Там же живет тот британский репортер... Как же его... Дэвис! Точно! Ему вот тоже выделили комнатку. Якобы шахматный турнир для английской газеты обозревать будет. Наверняка у него комната поменьше, чем у Негаша, но все равно место весьма статное, а стало быть приятно, что к твоей персоне проявляют столько внимания.

Филипп, снедаемый гневом, заинтересовался местом пребывания иностранца. Ему стало невыносимо интересно узнать, как живет важному приезжему во Франции, и на что его, большого писателя, так легко променяла Мелани. Площадь Филипп пересек быстро, пусть народу было много, а сам француз то и дело покачивался из стороны в сторону, пытаясь удержать равновесие и периодически врезаясь-таки в прохожих. Двери гостиницы были невероятно аккуратными. Швейцар, зевавший широко открытым ртом, заметив Лавуана, оценил его взглядом. Было видно, что одет был Филипп явно не как постоялец, потому швейцар не спешил открывать ему дверь, как обычно он это делает в отношении

остальных гостей. Тем не менее, понимая, что на кону репутация гостиницы, швейцар, с явным недовольством, открыл большие ворота здания.

Холл был просторным и ярким. *Здесь к гостям относятся уважительно. Цена в таком отеле наверняка переваливает за мою зарплату в театре. Даже в самые сытные времена я едва ли смог бы себе позволить номер здесь. А шахматист еще как может.* Филипп сразу поймал на себе подозрительные взгляды работников заведения. Они видели в нем потенциальную заразу, инородное тело, которому здесь совершенно не место. Казалось, что они готовы напасть на Лавуана, как лейкоциты на вирус.

– Добрый вечер, – довольно четко и ясно поздоровался Лавуан с милой девушкой, сидящей за стойкой.

– И Вам хорошего вечера! – девушка явно была рада любому гостю, в отличие от швейцара, или прекрасно отыгрывала роль радушного гостеприимства. – Чем я могу Вам помочь?

– Я принес бумаги, – с абсолютно серьезным видом ответил Филипп.

– Бумаги? – недоумевала девушка.

– Да, для мсье Дэвиса, – Филипп достал кипу листов из своей сумки и стал с важным видом сотрясать ею воздух.

– Ах, мсье Дэвис... Он не предупреждал о доставке в столь поздний час... Я позвоню ему, спрошу готов ли он принять Вас...

– Не стоит! – вырвалось у Лавуана. – Не думаю, что стоит тревожить мсье Дэвиса в такое время суток...

– Вы правы, мсье...?

– Дюбуа, – солгал Лавуан.

– Мсье Дюбуа, Вы правы, однако я обязана оповестить постояльца о пришедшем госте. Так предписано регламентом!

Душа Филиппа ушла в пятки. *Стоило напасть на один из немногих отелей, где проведен телефон! Что за невезение!* Рука писателя немного подрагивала, пока девушка настойчиво пыталась дозвониться до владельца номера. С каждой секундой становилось все страшнее и страшнее.

– Полагаю, его нет в номере, – заключила девушка, положив трубку на место.

– Или он крепко спит, – добавил Филипп. – Позвольте я отнесу бумаги сам. Подсуну тихонько под дверь, чтобы не нарушать покоя ваших гостей.

– Ну хорошо, мсье Дюбуа. Только никому не слова о том, что Вы тут были! А то меня уволят, – легонько улыбнулась девушка.

– Конечно, – сказал Лавуан следуя к лифтам, ведущим наверх, – я буду нем, как могила. *Мне открывать свой рот еще опасней, чем тебе, дорогуша.*

Возле трех лифтов стоял еще один швейцар. В отличие от своего коллеги, околачивающегося снаружи, этот был весьма приветливым и улыбчивым. Вместе с Филиппом они зашли в левый лифт.

– Какой этаж? – вежливо поинтересовался швейцар.

Понятия не имею.

– Сказать по правде, я здесь впервые, – оправдался Филипп. – Мне нужно в номер к мсье Дэвису.

– В таком случае, нам на шестой этаж, – завел лифт швейцар.

– Я слышал, тут еще и шахматист известный номер арендовал, – начал выпытывать информацию Лавуан.

– И не один, – ухмыльнулся швейцар. – Британца расположили на четвертом этаже, немца на пятом, на шестом эфиопа и русского.

В кой-то веке повезло!

– Наверняка отличный номер дали, – сказал Филипп. – Должно быть с видом на площадь, чтобы можно было наблюдать партии, не выходя из номера.

– У мсье Дэвиса именно такой, – закивал швейцар. – Как раз в конце зала увидите дверь. Последняя – Ваша, – лифт как раз доехал до нужного этажа. – Но вот русскому и эфиопу не повезло: из их номера место проведения турнира никак не разглядеть, ни в 611, ни в 612 номере.

– Не повезло, что еще сказать, – пожал плечами Филипп и дал небольшую сумму на чай обслуге.

– Вы щедры, мсье!

– Вы вполне заслужили.

Столько ценной информации мне мало кто мог дать.

Филипп уверенно шел в конец холла, ощущая пристальный

взгляд швейцара себе в след. Но как только двери лифта закрылись и раздался характерный звук отправления лифта вниз, тревога Лавуана исчезла сама собой. В коридоре ходила одинокая уборщица. В такое время уборка – явление редкое, но, по всей видимости, кому-то из гостей нужна уборка именно в это время суток. Девушка открыла тяжелым ключом дверь в 609 номер и хотела было начать уборку, но тут ее окликнул француз.

– Добрый вечер, мадемуазель. Кто тот изверг, что заставляет Вас убираться в такой час? Неужели нельзя подождать до завтра?

– Добрый, мсье, – усталым голосом ответила девушка. – Это моя инициатива. Завтра в этот номер въезжает новый постоялец, и обычно мы убираемся утром, до прибытия гостя. Но мне нужно помочь матери по дому с утра пораньше, и я отпросилась... Сказала, что управлюсь за сегодня, коли гость уже уехал вечером.

– Понимаю, очень ответственно с Вашей стороны, мадемуазель, – улыбнулся Лавуан. – Что ж, не буду Вам докучать. Хорошего вечера!

Девушка улыбнулась, услышав комплименты в свой адрес и развернулась, направляясь в открытую дверь комнаты. В этот момент Филипп быстрым и ловким движением приподнял ключи, плохо закрепленные на поясе уборщицы, и забрал их себе, быстро спрятав в карман пиджака. Девушка и ухом не шевельнула. Пропажу она не заметила, как подума-

лось Филиппу, из-за сильной усталости после тяжелого рабочего дня. *Сам Господь помогает мне в моих темных делах. Видимо, ему это угодно...*

Оглядев туманным взглядом пустующий коридор, Лавуан, лихорадочно перебирая большую связку ключей, искал тот самый заветный номер 612. Фортуна улыбалась пьяному писателю: нужный ключ, как и дверь, которую он призван был открывать, нашлись весьма быстро. Филипп, попав не с первого раза, вставил ключ в замочную скважину, дважды его повернул и отворил дверь, поспешив заскочить в комнату до того, как уборщица спохватится своей пропажи. Француз включил свет.

Как и предполагалось, внутри номер соответствовал общему высокому уровню гостиницы. Прежде всего, здесь было очень просторно: в зале помещался и диванчик, и небольшой столик, и красивый, совершенно новехонький ковер, на котором этот самый столик с тройкой стульев покоился, и гигантская, по скромным меркам писателя, кровать с чистейшими белыми простынями, укутанными в кашемировый плед. Сверху свисала большая люстра, приковывавшая к себе все внимание нежданного гостя. В отблесках, создаваемых многими стеклянными украшениями, Лавуан видел невероятную красоту, которую ему хотелось бы запечатлеть в одной из своих работ, если, разумеется, ему еще хоть раз предстоит что-либо написать. *Комната как три мои, если не больше...* Филипп прошел дальше, прогнав столь ненужное и

неудобное сейчас наваждение. Он подошел к приоткрытому окну: отсюда и впрямь не было видно самого турнира, проходившего прямо сейчас внизу, но зато было прекрасно его слышно. Вся эта суматоха, искусственно, как казалось Лавуану, созданная французским людом из ничего, докучала, потому писатель отошел от окна, вернувшись в большую залу.

Что я здесь делаю? Именно на этот вопрос, уже оказавшись на должном месте, пытался сам себе ответить Филипп. Сначала, ему захотелось удостовериться в том, что место, где он сейчас пребывает, действительно арендует эфиоп, а не кто-то другой. Ничего примечательного, что обличало бы комнату в хоть какой-то связи с шахматистом не было: никаких вещей, кроме пиджака, покоящегося на спинке стула, не было, на столике были два бокала с остатками бывшего пиршества, на кровати был лишь плед, да подушки. *Пиджак может принадлежать кому-угодно. Но этот номер принадлежит мужчине – уже хороший знак. Два бокала и одна бутылка, к тому же кровать двуспальная... Либо гость слишком грузен и любитель пить из двух бокалов, либо он все же проживает здесь не один. Полагаю, с дамой...* Детективный фарс, что разыгрывал в своей пьяной голове писатель, под действием алкоголя казался невероятно важным и увлекательным. Умозаключения, которые обычный человек делает на трезвую голову по щелчку пальца, Лавуану казались верхом мысли сыскной работы. В какой-то момент ему показалось, что, не будь он большим писателем, он с легкостью

мог бы стать следователем в жандармерии, и достигнуть там немалых высот. *Заглянем в шкаф. Так будет куда проще понять, кто здесь проживает.* Писатель отворил скрипучие дверки внушительного шкафа, стоявшего слева от кровати. Внутри он был полупустым: мужских вещей, на удивление, в нем практически не было – пара рубашек, пиджаков и брюк – а вот женских вещей было гораздо больше. Особенно много было платьев. *Не у каждой парижской модницы найдется столько одежды...* Именно одно из платьев так зацепило взгляд Лавуана. То самое бордовое платье, которое тогда подметил Филипп, и из-за которого он оказался там, где оказался. Сейчас эта красноватая тряпка действовала на него, как на разъяренного быка, вводя его в полнейший гнев и отчаяние. Да, это была комната Александра Негаша и Мелани Марсо.

Филипп, разъяренный своей находкой, попятился от шкафа, бросив платье в кучу вещей, пытаясь избавиться от ужасного чувства. Он отошел к столику, облокотившись на него обеими руками. При виде шампанского и бокалов, ему стала отчетливо представляться Мелани в своем платье цвета бордо, попивающая вместе со своим новым ухажером алкоголь, и смеющаяся над его не такими уж смешными шутками. *Это какой-то страшный сон! Просто страшный сон! Как же она, моя Мелани, моя муза, моя Мельпомена может так просто взять и бросить меня ради этой нелепой роскоши? Ради африканца-шахматиста? Ради номера в доро-*

гом отеле? Это и есть цена нашей любви? Филипп нащупал в кармане склянку с ядом. Впервые он решился не просто покрутить ее в своих ладонях, а непосредственно открыть этот ядовитый флакончик. Запах был вкусным, даже сладковатым и манящим. Может это затуманенный разум, а может истинное желание умереть, но Лавуан поглубже вдохнул и занес склянку над ртом.

Почему ты должен умирать? Да, ты никчем, с этим никто спорить не станет. Паучиха притаилась в темном углу между шкафом и стеной, куда не доходил свет от огромной люстры. *Ты действительно заслужил такую страшную смерть, Филипп. Как, впрочем, и твоя возлюбленная... Жаль, что с ней рядом нет такого непредвзятого существа, как я. Жаль, что никто не может ей подсказать, как стоит поступать при своих серьезных ошибках. Жаль, что я не могу ее наказать.* Монстр, казалось, улыбалась, выжидая дальнейшее действие Филиппа, замершего в непонятном ожидании. *Ну ничего. Я буду довольствоваться твоим поражением. Конечно, к этому все и шло... Такой слабак и доходяга как ты, дорогой Филипп, никак не мог победить в этой игре. Знаешь, почему я паук, а?*

– Понятия не имею, – ответил Филипп.

Потому что я умею ждать. Засмеялся зверь. *Потому что я знаю, как расставлять сети и тихо ждать, мой дорогой. Этот облик наиболее точно описывает мою*

природу. Мне даже ничего делать не приходится... Добыча всегда убивает себя сама. Мне стоит лишь правильно расставить сеть... И ждать...

На этот раз ты не дождешься легкой добычи!

С этой мыслью Лавуан, вместо того, чтобы напиться крысиным ядом сам, быстрым движением опрокинул всю склянку в начатую бутылку шампанского. *Пускай они пострадают! Пускай они почувствуют какого это медленно разрушаться изнутри! Пускай испытают на своей шкуре!*

Кажется, хозяева пожаловали!

Действительно, в коридоре послышались шаги и гул какого-то больно громкого разговора. За ним Лавуан отчетливо разобрал смех своей возлюбленной, и француз совсем окаменел. *Беги, дурак!* Бежать было некуда: стоит ему выйти через дверь – его сразу же найдут, а стоит ему выпрыгнуть из окна шестого этажа – ноги он свои едва ли соберет после такого полета. *Сюда!* Паучиха звала его к себе – в шкаф. Идея была не такой уж и плохой: в шкафу было уйму места, и там Филипп легко бы сумел поместиться. *А если заглянет? Тогда придется мириться с последствиями своих злодеяний лицом к лицу, а не действовать исподтишка как поганый трус...* Француз быстро залез в шкаф, захлопнул скрипучие дверцы и принялся смотреть в образовавшуюся между ними небольшую щель за происходящим в комнате.

– Кажется, ты не закрыл дверь, – послышался голос Мелани при входе в комнату.

– Очень странно, – эфиоп говорил с явным акцентом, что придавало ему определенного шарма. – Я всегда ее закрываю.

– Все мы ошибаемся, дорогой Алекс, – засмеялась мадемуазель Марсо. Судя по тону ее голоса и по обрывкам ее плавных движений, которые мог разобрать Филипп, сидя в шкафу, было отчетливо видно приподнятое настроение девушки. Не нужно было обладать никакой проницательностью, чтобы сделать единственно верный вывод – Мелани счастлива. От этого факта Филиппу было дурно.

Не расстраивайся. Зато вместе посидим. Паучиха была как никогда близко к писателю: в небольшом шкафу едва бы хватило места на них двоих, если бы существо не превратилось в свою миниатюрную версию девушки. *Как считаешь, оно мне идет?* Монстр нацепила на себя бордовое платье Мелани и ждала реакцию француза с широкой улыбкой на лице. Ее восемь маленьких глазок, казалось, светились от счастья. *По-моему, на мне оно сидит гораздо лучше... Бордо и черное отлично сочетаются друг с другом. Можно добавить немного цветов...* На ее голове в мгновение ока появился веночек из красного флокса, точно гармонирующего с украденным платьем. Образ паучихи удивительным образом отчетливо выделялся Лавуану: пусть в шкафу и была кромешная тьма, воображение писателя в мельчайших деталях дорисовывало силуэт существа. *На тебе все сидит как на корове седло. Не согласна. Нет чтобы сделать да-*

ме комплимент... Своим мамзелькам ты бы такого не сказал... Обидно, знаешь ли...

Филипп пренебрежительно игнорировал собеседницу, отвернувшись и прильнув обратно к щели шкафа. Молодая пара нежились в объятиях и о чем-то громко смеялись. *Даже не знаю на что смотреть отворотней – на эту парочку, или на чудище из глубин моего подсознания... По-моему, ответ очевиден.*

– Пойдем же, – Мелани выскользнула из объятий эфиопа и взяла бутылку из-под шампанского. В груди Лавуана все сжалось. – Давай выпьем, пока хорошее настроение никуда не исчезло, – улыбнулась француженка подвыпившей улыбкой.

– Погоди, любовь моя, – взял ее за руку Александр. – Возьмем бутылку и бокалы на улицу. Партии еще не доиграны, а мы, пусть и не в самом здравом уме, тем не менее участники турнира. Нам следует быть там, – Негаш обхватил мадемуазель Марсо за талию и нежно поцеловал.

– Но на улице слишком много людей, – тихонько оттолкнула его девушка. – Там совершенно невозможно уединиться...

– Какая разница сколько вокруг любящих сердец людей? Мы их все равно не заметим, но проведем время на прекрасном теплом воздухе. Благо, ночи перестали быть столь холодными.

Какая приторная речь! Какой фарс! Какой здравый че-

ловек станет это слушать и уж тем более в это верить? Насколько же надо лишиться рассудка, чтобы тебя можно было поразить фразой о «любящих сердцах»?

Лавуану очень хотелось прямо сейчас выбежать и высмеять возлюбленных, изобличив их во всех грехах человеческих. Он не мог сказать, что именно останавливало его от столь безрассудного шага: аристократическая сдержанность или же банальная трусость. *Трусость, дорогой Филипп, и только она. Хватит лгать самому себе, иначе рано или поздно падешь на уровень этих двоих. Едва ли можно пасть так низко. В наше безнравственное время хватает людей ни во что не ставящих чужие и свои чувства, но поведение Мелани – верх цинизма.*

– Уговорил, – рассмеялась Мелани. – Идем вниз к остальным! Пусть влюбленные никого кроме друг друга не замечают, быть может кто-нибудь составит нам компанию.

Прихватив почти полную бутылку отравленного шампанского, влюбленные выпорхнули из комнаты, намертво заперев дверь. Звонкий смех мадемуазель Марсо и сдержанные смешки мсье Негаша еще какое-то время доносились эхом из пустого коридора. Филипп выбрался из старого шкафа. Первым делом он ринулся к полуоткрытому окну. *Хоть бы они никого не нашли! Хоть бы никого не напоили!*

На улице показались два силуэта с заветной бутылкой в руках. После мимолетного поцелуя они принялись общать-

ся с немногочисленной компанией людей у столиков. По общему хорошему настроению можно было сделать вывод, что все они хорошо знакомы и вполне ладят друг с другом. ***Сейчас их напоят твоей отравой.***

Лавуан ринулся к двери. *Остановить! Их всех нужно остановить! Дурья моя голова – о чем я только думал?* Дверь, в которую со всей силой впечатался Филипп, не поддавалась на силу писателя и оставалась непоколебимой. В панике француз принялся перебирать связку звенящих ключей. В какой-то момент, он имел неосторожность выпустить их из рук и, услышав громкий лязг металла об пол, громко чертыхнулся. ***Медленно, слишком медленно. Пока ты копошишься, умирают люди.*** Филипп никогда еще так быстро не проворачивал ключ и не открывал дверь. Закрывать он ее, разумеется, забыл. Ключи и вовсе выпали на ковер. Поднимать и возвращать их владельцу писатель не стал, ибо сильно спешил. Пробежав по длинному, как сейчас ему казалось, коридору, Лавуан вызвал лифт. Тот ехал слишком долго и, недолго думая, француз бросился бежать по лестнице. Ступеньки пролетали с такой скоростью, что их едва можно было разглядеть. Пару раз споткнувшись и лишь чудом удержав равновесие, Филипп выбежал в холл, где его окликнула девушка. Внимание этому писатель не придал ровным счетом никакого, увеличив при этом темп своего бега. Швейцар, стоявший, как и прежде у дверей, не успел эти самые двери отворить перед спешившим гостем, и послед-

ний, уже по своему обыкновению, просто вынес своей тушей центральный вход. Возмущенный таким поведением швейцар под аккомпанемент визгу девушки-клерка из холла, начал было кричать на Лавуана, но тот, как и прежде, никак не реагировал на причитания в свой адрес. Свой взгляд он твердо и четко устремил на толпу шахматистов.

Разглядеть Негаша и Марсо оказалось не так просто. Очевидно, пара уже далеко отошла от того места, где Филипп видел их в последний раз. *Наверняка пошли в толпу своих друзей.* Как ни пытался Филипп найти свою возлюбленную, толпа шахматных энтузиастов то и дело преграждала ему путь, отвлекая и без того рассеянное внимание писателя на себя. *Их нужно остановить... Нужно остановить...*

Наконец, взгляд уперся в эфиопа. Он стоял посреди толпы своих коллег и разливал шампанское им в бокалы. *Стой, не смей их поить!* Филипп начал расталкивать зевак, к горлу уже подступали слова, которые необходимо было громко, так, чтобы слышали все в округе, прокричать.

– За нас! – поднял бокал Негаш. – Пусть нам всем улыбнется удача в этом турнире!

– За нас! – поддержала его Мелани и первой пригубила отравленный бокал.

Но залпом опрокинул свой бокал именно эфиоп и пара его дружков. Лавуан, крик которого так и не смог покинуть его нутра, остался стоять как вкопанный посреди оживленной площади. Его сковал страх. Несколько секунд оцепене-

ния длились вечность. Каждая секунда отсчитывалась кровью, пульсирующей в голове. Один из собутыльников Мелани упал на брусчатку и стал обильно харкать кровью.

Лавуан попятился назад, наблюдая перед собой ужасающую картину. **Убил человека. Я убил человека. Абсолютно невиновного...** Француз резко развернулся и побежал. Филипп, спотыкаясь и падая, затем поднимаясь и продолжая свой побег, плакал навзрыд. **Нужно бежать... Просто бежать, и все пройдет... Просто бежать и ничего не видеть... Бежать, как всегда бежал... Как бежал всю свою ничемную жизнь... Бежать от родных, работы, отношений, проблем... Если останусь – погибну.** Стопы чувствовали каждый камень над которым пролетал Филипп – ноги буквально врезались в мостовую и с невероятной силой отталкивались от них. **Нужно домой, к Фриде и Рене. Там безопасно, там меня никто не найдет.** Лавуан и вправду бежал в сторону дома немки. Он выбрал этот путь наобум, не прикладывая никаких усилий. Его просто тянуло домой, туда, где никто не узнает о случившемся. **А что если я приведу погоню к ним? Что если я стану причиной их гибели? Нельзя возвращаться домой.**

Филипп внезапно остановился. Сердце колотилось как бешенное, горячий воздух из легких вырывался наружу с характерным грохотом горла, глаза были все в слезах. Француз обернулся посмотреть на преследователей. Никого не было. Преследовало Лавуана лишь собственное воображение, под-

крепленное животным страхом перед смертью. Он смотрел на пустующую улицу в мертвой тишине и не мог поверить происходящему. В полубреду казалось, что все произошедшее не более, чем сон – злобное наваждение злостного монстра, нашептывающего мирно спящему французу свои гадкие мысли. Филипп зажал глаза в надежде проснуться. Ничего не произошло: на улице по-прежнему не было ни души. Единственные звуки, которые можно было бы уловить, раздавались откуда-то издалека: с оживленных улиц и площадей города, где всегда кипела жизнь. Вокруг Лавуана жизни не было. ***Я приношу только смерть.***

Писатель спустился по узкой соседней улочке, пройдя между небольших зданий, к набережной реки. На удивление, вокруг не было ни души. Будто все население города, кроме пары бродяг, вроде Лавуана, и влюбленной парочки, стоявшей на мосту неподалеку, находились на другом конце мегаполиса. *Они живут полной жизнью где-то там... Мне повезло, что и на мою долю выпадали дни такого праздника. Может это расплата? За трусость? За неуважение к другим? За высокомерие?* Филипп сел на краю и свесил ноги, разглядывая темную воду, плавно бежавшую под ним. Рядом проходил захмелевший бездомный, намертво присосавшийся к бутылке какого-то дешевого вина, на которое у него едва были деньги. *Наверняка украл.*

– Дбрй вчер, – демонстративно снял шляпу бездомный. – Пзвольте прсисеть, – с этими словами мужичок попытался

было сесть, предварительно аккуратно поставив бутылку на землю прямо рядом с Филиппом, но упал, сильно ударившись головой. Лавуан испугался искалеченного гостя, быстро, насколько это возможно, подскочил и принялся оттащить бездомного к зданию, чтобы облокотить его хоть на что-нибудь. Голова мужика была пробита, руки писателя теперь были измазаны кровью, от вида которой Лавуана тошнило. *Совсем дурак... Упился в усмерть.* Филипп хотел было оставить прохожего сидеть возле здания, но не смог уйти просто так, ничего не сделав. Он снял с себя свой любимый пиджак, оставшись в одной рубашке и жилетке, и принялся перевязывать им голову бродяги. Получилось не очень – Лавуан никогда не славился навыками в медицине – однако, кровь остановить он тем самым сумел. Тяжело выдохнув, француз медленно вернулся на прежнее место подле реки.

Бутылка, по неосторожности оставленная пьяницей, приглянулась писателю. Взяв ее и немного покрутив, пытаюсь впотьмах разглядеть марку, Лавуан пригубил горькое вино. Неприятный вкус и аромат, если его можно было так назвать, ударили по желудку Филиппа и его снова начало тошнить. Тем не менее, он не посчитал это поводом прекратить пьянство посреди улицы. *За сегодня я выпил алкоголя больше, чем за последние годы. Кто бы мог подумать, что такая ночь настанет? Боюсь даже предполагать, что ждет меня завтра...*

Кто сказал, что тебя что-то ждет, дорогой? Паучи-

ха, притаившаяся под водой, и выглядывавшая оттуда своими яркими маленькими глазками, нашептывала свой яд прямо в голову писателю. *Посмотри на свои руки...* Филипп не решался подчиниться приказу монстра. *Я сказала: посмотри на чертовы руки!* Лавуан поглядел на свои худые обветренные ладони. Они были все в крови. Часть уже успела подсохнуть, но кое-где алая жидкость плавно перетекала по коже писателя. *Думаешь, это кровь того несчастного пьяницы? Бьюсь об заклад, уже считаешь, что помощь бродяге искупает твою вину за все грехи. Хотя, зная твою горделивую натуру, ты наверняка уже считаешь себя святым...*

Неправда...

Разумеется неправда! Какой из тебя святой? Столько крови на руках может быть лишь у отпетого маньяка! Прознай Господь про твои деяния – и тебя сразу же настигнет кара.

Разве я недостаточно страдал?

О, нет. Никак нет, дорогуша. Твои страдания еще впереди. Паучиха надменно смеялась. *Я же тебе не раз об этом говорила.*

Я не хочу... Я устал от страданий! Сколько можно?

Устал от страданий? Филипп, ты выбрал себе путь художника. Страдание – это единственный путь для тебя! Думаешь художник может жить сытой и довольной жизнью? Ты и сам знаешь, что такие творцы ничего

не достигают. Комфорт притупляет их чувства. Вкусная еда не дает тебе наслаждаться созерцанием, приятная компания отнимает минуты рефлексии, толстый кошель не принуждает к постоянной работе и самосовершенствованию. Ты становишься грузным и неповоротливым во всех смыслах.

Может все не так плохо? Я верю, что каждому человеку нужна своя муза, которая сможет вдохновить его на великие свершения. Мне просто была нужна моя Мельпомена.

Мельпомена? Уж не ее ли ты искал всю свою жизнь? Сначала простушка Мишель. Помнишь? Дочь пекаря. Та бедная девочка, которой ты разбил сердце?

Помню.

Она еще легко отделалась от твоей глупой тяги к музе драмы. А вот бедная Мелиса, которую ты убил своими коварством, ложью и дешевыми манипуляциями, не может похвастаться таким поразительным везением! Мишель наверняка убивалась из-за той неудачи в ваших отношениях. А вот Мелисе убиваться не пришлось – все сделали за нее! Паучиха громко рассмеялась от собственного каламбура. Ну и наконец Мелани... Твоя любимая пташка, в которой ты разглядел ту самую музу...

Она ею и была. Благодаря ей, я написал гениальную пьесу.

Чушь! Существо показалось из реки. Ее туша была настолько огромной, что Лавуан не мог припомнить достигала ли она когда-нибудь таких размеров. Тем не менее, она не

двигалась в его сторону, продолжая сидеть и скрывать большую часть своего тела в толще воды. *Она всего лишь провоцировала неприятные ситуации, придавая мне сил. Ты так и не понял...*

Что именно?

Я и есть твоя Мельпомена. Заключила Меланхолия.

Филипп замолчал, обдумывая сказанное.

Иди ко мне, дорогой мой творец. Вместе, преисполнившись страданиями, мы напишем еще больше гениальных пьес.

Филипп встал. Глотнул горького вина. Посмотрел на звездное южное небо. Закрыв, залитые слезами глаза. И шагнул навстречу Меланхолии.